

ISSN 0869-544X (print)
ISSN 2949-3927 (online)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕНТЯБРЬ • 4
2024
• ВЕДЕНИЕ
SLAVIC STUDIES

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4
2024

ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.А. Седакова (гл. редактор), **А.С. Стыкалин** (отв. секретарь), **И.Е. Адельгейм**,
М.В. Белов, **О.В. Белова**, **М.М. Валенцова**, **Т.В. Володина** (Беларусь), **М. Гардзанити** (Италия),
А.Н. Галямичев, **А.А. Гиппиус**, **Хр. Дейкова** (Болгария), **М. Зеленка** (Чехия), **Е.Н. Ковтун**,
М.В. Лескинен, **К.В. Лифанов**, **Г.Ф. Матвеев**, **Л. Матейко**, **В.В. Мочалова**, **С.А. Мызников**,
К.В. Никифоров, **О.В. Павленко**, **В. Павлович** (Сербия), **В.Я. Петрухин**,
Р. Прешленова (Болгария), **М.А. Робинсон**, **Н.Н. Старикова**, **О.В. Хаванова**,
Э. Шашалми (Венгрия), **Е.И. Якушкина**.

Заведующая редакцией *Е.Ю. Нуйкина*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Т.Ю. Кравченко, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а
Телефон +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; номер Orcid, адрес электронной почты и контактный телефон.

© Российская академия наук, 2024
© Составление. Редакция журнала
«Славяноведение», 2024

Содержание

СТАТЬИ

Флоря Б. Н. (Москва). Польское дворянское общество начала 90-х годов XVI века. Аннотация и Контрреформация.....	5
Евстафьев Н. В. (Москва). Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI века.....	16
Корзо М. А. (Москва). Проповедническое наследие Симеона Полоцкого и его источники: некоторые наблюдения.....	26
Кочегаров К. А. (Москва). Александр Меншиков на страницах «Польской Илиады» Януша Вишневецкого.....	38
Серапионова Е. П. (Москва). Положение в Протекторате Богемия и Моравия и в Словакии летом 1944 года.....	51
Остачук О. А. (Москва). Функционально-стилистическая эквивалентность при передаче кодовых переключений (на материале русских глаголов в польской «Версии R» романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин»).....	64
Седакова И. А. (Москва). Этнолингвистика и фольклорная поэтика. 4. «Мать превращает сына в змея».....	80

Адельгейм И. Е. (Москва). Детская память о взрослой Истории. Травма Холокоста и миграции в «Спасении Атлантиды» З. Орышин.....	95
Лунькова Н. А. (Москва). Диссидентство Ахмета Шерифа Шерефли: о травме «возродительного процесса».....	105
Старикова Н. Н. (Москва). Словенская поэтесса и австрийская писательница: «гибридная» идентичность Майи Хадерлап и преодоление травмы постпамяти.....	116
Шатько Е. В. (Москва). Травма эмиграции: смена языка (Б. Станишич, В. Чолич, А. Махмутович, А. Божичевич, Н. Кулиджан).....	126

СООБЩЕНИЯ

Акимова О. А., Турилов А. А. (Москва). Новое издание глаголических рукописей в Хорватии.....	137
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Огнянов Л. Публикация документов по внешней политике Болгарии 1944–1947 годов.....	145
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дронов М. Ю., Слоистов С. М. Научная конференция «Россия – Словакия: страницы истории».....	152
Усачева А. В. Конференция «Авторы-мигранты в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: проблемы интеграции и идентичности».....	154

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

JULY •
AUGUST •

THE EDITORIAL BOARD:

Irina A. Sedakova (editor-in-chief), **Aleksandr S. Stykalin** (executive secretary),
Irina E. Adelgeim, **Michael V. Belov**, **Olga V. Belova**, **Marina M. Valentsova**, **Tatiana V. Volodin** (Belarus),
Marcello Gardzaniti (Italy), **Aleksandr N. Galyamichev**, **Aleksey A. Gippius**, **Nikita S. Gusev**,
Hristina Deykova (Bulgaria), **Miloš Zelenka** (Czech Republic), **Elena N. Kovtun**,
Maria V. Leskonen, **Konstantin V. Lifanov**, **Gennady F. Matveev**, **L'ubor Matejko** (Slovakia),
Victoria Mochalova, **Sergey A. Myznikov**, **Konstantin V. Nikiforov**, **Olga V. Pavlenko**,
Vojislav Pavlović (Serbia), **Vladimir Ya. Petrukhin**, **Roumiana Preshlenova** (Bulgaria), **Mikhail Robinson**,
Nadezhda N. Starikova, **Boris N. Florya**, **Olga V. Khavanova**, **Endre Sashalmi** (Hungary)
Ekaterina I. Yakushkina

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova*, *T.Yu. Kravchenko*, *I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a
Phone: +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

<i>Floria B.N.</i> (Moscow). The Polish Noble Society of the Early 1690s. Annotation and Counter-Reformation	5
<i>Evsťafyev N.V.</i> (Moscow). The View of Christian Authors on the Practice of Devshirme in the 16 th Century Ottoman Empire	16
<i>Korzo M.A.</i> (Moscow). Simeon Polotskij's Preaching Heritage and its Sources: Some Observations	26
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). The Image of Alexander Menshikov in the «Polish Iliad» by Janusz Wiśniowiecki	38
<i>Serapionova E.P.</i> (Moscow). Situation in the Protectorate of Bohemia and Moravia and in Slovakia in summer 1944	51
<i>Ostapchuk O.A.</i> (Moscow) Functional and Stylistic Equivalence by Translating the Facts of Code-Switching (on the Material of Russian Verbs in the Polish «Version R» of A. Burgess' Novel «A Clockwork Orange»)	64
<i>Sedakova I.A.</i> (Moscow). Ethnolinguistics and Folklore Poetics. 4. «A Mother Bewitches her Son into a Snake»	80

<i>Adelgeim I. Ye.</i> (Moscow). Childhood Memory of Adult History. Holocaust Trauma and Migration in Z. Oryszyn's novel «Saving Atlantis»	95
<i>Lunkova N.A.</i> (Moscow). Dissidence of Ahmet Şerif Şerefi: The Trauma of the «Revival Process»	105
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). Slovenian Poet and Austrian Writer: Maja Haderlap's «Hybrid» Identity and Overcoming Post-Memory Trauma	116
<i>Shatko E.V.</i> (Moscow). The Trauma of Emigration: Language Change (B. Stanišić, V. Čolić, A. Mahmutović, A. Božičević, N. Kulidžan)	126

ESSAYS

<i>Akimova O.A., Turilov A.A.</i> (Moscow). New Edition of Glagolitic Manuscripts in Croatia	137
--	-----

REVIEWS

<i>Ognyanov L.</i> Publication of the Documents on the External Policy of Bulgaria in 1944–1947	145
---	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Dronov M. Yu., Sloistov S.M.</i> Scientific Conference «Russia – Slovakia: Pages of History»	152
<i>Usacheva A.V.</i> Conference «Migrant Authors in Central and South-Eastern Europe: Problems of Integration and Identity»	154

СТАТЬИ

Славяноведение, 2024, № 4, с. 5–15

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 5–15

DOI: 10.31857/S0869544X24040016, EDN: WXVQOT

Оригинальная статья / Original Article

Польское дворянское общество начала 90-х годов XVI века. Аннотация и Контрреформация

© 2024 г. Б.Н. Флоря

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ritlen@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются свидетельства публицистических текстов о реакции польской шляхты разных конфессий на погромы протестантских храмов в городах Польского королевства в начале 90-х годов XVI в., где характер межконфессиональных отношений заметно отличался от их характера во многих других европейских странах. В ряде актов здесь была санкционирована законность существования в стране христианских конфессий, отличных от господствующего католического вероучения. Но в 1590-е годы начались преследования последователей протестантизма. Особое внимание в статье уделено причинам негативной реакции на погромы их «зборов». Автор считает, что важную роль сыграли особенности сознания польского дворянского общества: и католическая, и протестантская шляхта воспринимали себя, как единую общность, заинтересованную в сохранении и расширении своих сословных прав.

Ключевые слова: сторонники Контрреформации, протестантская шляхта, католическая шляхта, религиозная терпимость, межконфессиональный мир.

Ссылка для цитирования: Флоря Б.Н. Польское дворянское общество начала 90-х годов XVI века. Аннотация и Контрреформация // Славяноведение. 2024. № 4. С. 5–15. DOI: 10.31857/S0869544X24040016. EDN: WXVQOT

The Polish Noble Society of the Early 1690s. Annotation and Counter-Reformation

© 2024. Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ritlen@mail.ru

Abstract. The article analyzes evidence from publicistic texts about the reaction of the Polish nobility of different confessions to the pogroms of Protestant churches in cities in the early 1690s, where the nature of interfaith relations differed drastically from their nature in many other European countries. A number of acts here sanctioned the legality of the existence in the country of Christian denominations different from the

dominant Catholic faith. But in the 1590s, persecution of followers of Protestantism began. Particular attention in the article is paid to the reasons of the strong negative reaction of nobility to their «sbors» by supporters of the Counter-Reformation. Among them the author names the specific consciousness of the Polish noble society: both the Catholic and Protestant gentry perceived themselves as a single community interested in preserving and expanding their class rights.

Keywords: supporters of Counter-Reformation, protestant nobility, catholic nobility, religious tolerance, peace inter confessions.

For citation: *Boris N. Floria. The Polish Noble Society of the Early 1690s. Annotation and Counter-Reformation // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 5–15. DOI: 10.31857/S0869544X24040016. EDN: WXVQOT*

Как известно, характер межконфессиональных отношений в Речи Посполитой, и в частности, в Польском королевстве, во второй половине XVI в. заметно отличался от их характера во многих других европейских странах. В ряде актов здесь была санкционирована законность существования в стране христианских конфессий, отличных от господствующего католического вероучения. Уже в 60-х годах XVI в. государственные органы были освобождены от обязанности выполнять решения католических церковных судов относительно инакомыслящих. Принятый во время бешкорольевья в начале 70-х годов XVI в. акт Варшавской конфедерации, подтвержденный затем королем Стефаном Баторием, устанавливал запрет на карательные меры и насилие по отношению к инакомыслящим христианам. Акты такого рода в течение ряда лет обеспечивали в стране мирное сосуществование католиков и приверженцев протестантских конфессий. В начале 90-х годов XVI в. положение серьезно осложнилось.

Это было связано с деятельностью сторонников Контрреформации в рядах католического духовенства и дворянства. Конечная цель Контрреформации, как известно, — утверждение католического единомыслия, в том числе и с помощью насилия. Понятно, что попытки продвижения к такой цели закономерно вели к осложнению отношений между католиками и протестантами.

Одним из первых шагов к достижению единомыслия стали попытки сторонников Контрреформации положить конец существованию в королевских городах протестантских храмов-«зборов». Они доказывали незаконность их существования, опираясь на утвердившиеся в общественном сознании и житейской практике представления, что в компетенцию дворянина входит устройство конфессиональных отношений в своем имении в соответствии с собственными представлениями. По мнению католических публицистов, король обладал таким же правом по отношению к городам, находившимся под его властью. Такие высказывания находили отзвук у короля Сигизмунда III. Не ограничиваясь этим, приверженцы Контрреформации побуждали к нападениям на «зборы» учащиеся католических образовательных учреждений и низы городского населения.

Результатом таких стараний стал разгром, а затем сожжение кальвинистского и арианского «зборов» в Кракове 23–25 мая 1591 г. Вскоре в ночь с 9 на 10 июня произошло нападение на кальвинистский «збор» в Вильне. На жителей Польского королевства наиболее сильное впечатление произвел разгром главного храма кальвинистов в столице. Хотя волнения там продолжались несколько дней, органы власти практически не приняли мер ни к их прекращению, ни к розыску виновных. Все это вызвало сильную отрицательную реакцию в шляхетской среде. В целом ряде воеводств не только Великой и Малой

Польши, но и на землях Русского воеводства и Подолии состоялись без санкции власти дворянские съезды, участники которых требовали наказания виновных, возмещения ущерба и восстановления «зборов» [Lepszy 1939, 302–303].

25 июля 1591 г. в Хмельнике (на территории Сандомирского воеводства) собрался также без санкции власти общепольский съезд, куда были доставлены решения локальных собраний. В направленном участниками съезда обращении к королю говорилось не только о необходимости наказания виновных и восстановления «зборов», но и о «новом обеспечении» конфедерации и признании законности публичного протестантского богослужения в королевских городах [Ibid., 310, 313].

Созыв таких съездов осудили и король, и глава польской католической церкви – гнезненский архиепископ С. Карнковский [Ibid., 309]. Это однако не помешало шляхте собраться на новый съезд в Радоме 25 сентября 1591 г. Характерно, что к участникам съезда обратился католик – канцлер и великий гетман Ян Замойский, заявивший, что разгром «зборов» вызывает его «возмущение» и, как сторонник межконфессионального мира, он добьется подтверждения последнего на сейме [Ibid., 312].

Участники съезда приняли решение о необходимости созыва сейма «*o ochrone pokoju pospolitego*» («об охране общего мира») [Ibid., 322]. В инструкциях восьми сеймиков из разных частей Польского королевства, собравшихся перед сеймом 1592 г., содержалось предложение о присоединении к тексту Варшавской конфедерации «*ustawy wykonawczej*» («уставов о ее выполнении») и их одобрения сеймом [Ibid., 366]. Очевидно, таким способом был бы защищен «*pospolity pokój*» («мир в Польше»).

Эти наблюдения К. Лепшего существенно дополнен анализом всего известного материала на данную тему в инструкциях сеймиков 90-х годов XVI в. в работе Е. Опалиньского [Opaliński 1989, 33–34]. В 1587–1597 гг. в 15 из них (в ряде случаев неоднократно) содержалось осуждение «погромов» и требование принятия мер для наказания их участников. Характерно, что не обнаружено ни одной инструкции, составители которой пожелали бы взять под защиту участников «погромов». Причастность к ним низов городского населения не могло вызывать положительной реакции шляхты. Очевидно, в то время основная масса представителей дворянского сословия Речи Посполитой их осуждала.

Эти особенности сложившегося в Речи Посполитой социально-политического положения позволяют лучше понять специфику ряда сочинений, появившихся в разных слоях общества в связи с событиями 1592 г. и содержавших представления о желательном характере межконфессиональных отношений в стране.

Особое место среди них занимает написанное Петром Скаргой «*Upominanie do ewanjelików i do wszystkich społem niekatolików*» («Напоминание протестантам и всем вообще некаатоликам»), напечатанное в 1592 г. одновременно в Кракове и в Познани¹.

П. Скарга, видный деятель ордена иезуитов, придворный проповедник короля Сигизмунда был одним из главных идеологов Контрреформации, боровшийся за утверждение в Польско-Литовском государстве католицизма как единственного вероисповедания. Что же побудило его обратиться к некаатоликам своего государства?

¹ Публ. текста: Korolko 1974, 177 ff.

Разумеется, обращение содержало призывы к утверждению религиозного единomyслия в Речи Посполитой. Представляет интерес аргументация автора в этом тексте. Он утверждал, что существование в стране разных вероисповеданий ведет к тому, что появляется и «*różne o rzeczach świeckich rozumienie*» («разное понимание светских дел»), за которым следуют конфликты, отсутствие подчинения и уважения к власти и упадок государства. Этим предостережением текст и заканчивается². Таким образом определяется адресат «Напоминания» – светская дворянская среда, от которой и зависела судьба государства. Однако дело не ограничивалось этими призывами, достаточно обычными для публицистики католического лагеря.

Главная мысль П. Скарги состояла в другом. Он считал, что погром протестантского храма в Кракове дал возможность протестантам говорить о том, что католики не хотят с ними мира и доброго соседства и хотят «разливать нашу кровь»³. Это-то мнение П. Скарга и старался опровергнуть.

Правда, он, как справедливо отметил М. Королько⁴, отверг Варшавскую конфедерацию как договор о согласии между конфессиями, ее не приняла и Католическая церковь⁵. Однако одновременно с этим в тексте П. Скарги указывалось, что католики и не думали разрывать «соседского мира» и предпринимать враждебные действия. Одобрялось обязательство короля в коронационной присяге соблюдать «*pacem inter dissidentes in religione*» («мир между несогласными в религии»). В случае возникновения конфликтов между протестантами и католиками король обязан был способствовать установлению мира⁶. «*Zle hereticwa ale sąsiedzi i bracia dobry, z którymi sie w jednej ojczyźnie powiązala miłość*» («Злы еретичества, но соседи и братия – хорошие, с которыми в одном отечестве (нас) связала любовь»)⁷.

По отношению к «братьям»-еретикам возможны только средства «духовной войны», тогда протестанты будут обращены в истинную веру без войны и кровопролития, «*bez domowych rozruchów*» («без домашних волнений»)⁸.

П. Скарга приложил усилия, чтобы уменьшить значение такого события, как разрушение краковского «збора». По его мнению, это сделали «слабые» католики, они разрушили «збор», но не убивали людей, и никто их не побуждал к таким действиям. «*To głupich tumult, którego żadny baczny katolik nie chwali*» («Это погром глупых, который ни один католик не хвалит»)⁹.

В виду отсутствия как враждебных планов, так и враждебных действий католиков по отношению к протестантам, не было никаких оснований устраивать из-за разгромленного одного «збора» дворянские съезды без санкции королевской власти, провоцировать раздоры между «станами коронными»¹⁰. Большинство католиков, несмотря на то что протестанты захватили многие их храмы вместе с имуществом, соблюдают с ними мир, «*milchąc i czerpiąc*» («молча и терпя»)¹¹.

² Ibid., 183, 197–198.

³ Ibid., 180.

⁴ Ibid., 97.

⁵ Ibid., 180 ff.

⁶ Ibid., 189.

⁷ Ibid., 192.

⁸ Ibid., 192–193.

⁹ Ibid., 180, 190–191.

¹⁰ Ibid., 194.

¹¹ Ibid., 194.

Особенности повествования П. Скарги, дают возможность сделать вывод, что предпринятые попытки осуществить на польской почве программу Контрреформации – утверждение единомыслия с помощью насилия – вызвали в дворянской среде столь сильную отрицательную реакцию, что автору пришлось выступить от имени Католической церкви, заверяя, что она призывает лишь к мирному сожительству с протестантами и только за «духовную войну» с ними.

Текст П. Скарги – достаточно показательное свидетельство силы протестантской оппозиции в начале 90-х годов XVI в. Как предстает, он был вынужден прибегнуть к таким аргументам и потому, что нападения на «зборы» вызвали отрицательную реакцию не только протестантской, но и католической шляхты¹². Эту сторону дела П. Скарга, вероятно, сознательно обошел молчанием. Ряд важных свидетельств на этот счет обнаруживаются в другом тексте, вышедшем из католического лагеря в связи с событиями 1591 г.: «*Przestroga dla katolików w zachowaniu z heretyki*» («Предостережение для католиков в обращении с еретиками») ¹³. Автор выразил опасения, что среди католиков могут найтись люди, которые протестантам «*na duchownych pomagać będą*» («будут помогать против духовных») ¹⁴. Могут быть и такие, кто помогает протестантам в организации съездов и дает им советы ¹⁵. Есть и католические шляхтичи, которые присваивают церковные десятины не только в своих имениях, но и на государственных землях, находящихся под их управлением ¹⁶. В тексте имеется и выпад против «светских панов», для которых «*policja*» – светский порядок – значит больше, чем «*kościół*», для которых важен прежде всего мир и «хорошее имение» ¹⁷.

Эти замечания ясно показывают, с какими затруднениями столкнулись сторонники Контрреформации, желая привлечь на свою сторону католическую шляхту.

Как и Скарга автор «Предостережения» отверг Варшавскую конфедерацию и настаивал на том, что установление мира должно сопровождаться возвращением захваченной протестантами церковной собственности ¹⁸.

Вместе с тем он считал нормальным существование «соседского мира» между протестантами и католиками, который сложился еще до появления Варшавской конфедерации и предусматривал право протестантов «верить как хотят» ¹⁹. Текст содержит предостережения по поводу контактов с протестантами, но при этом автор утверждал, что католики не будут устраивать «волнения» («*rozruchy*»), так как их побуждает к установлению мира любовь к братьям («*miłość ku braciej*») ²⁰.

В одном из мест текста специально говорится, что католики в этом государстве не могут избегать контактов с протестантами «*dla ludzkości i miłości ku nim*» («ради человечности и любви к ним»), с надеждой на их обращение. Текст заканчивается словами: «*Kościół z nim towarzystwa nie zakażuje*» («Костел не запрещает товарищеских отношений с ними»).

В искренности автора «Предостережения» можно сомневаться. Из некоторых пассажей его текста видно, что, по его мнению, утверждение «соседского

¹² Показательным примером могут служить высказывания такого видного политического деятеля-католика, как Ян Замоиский.

¹³ *Korolko* 1974, 199 ff.

¹⁴ *Ibid.*, 203.

¹⁵ *Ibid.*, 206.

¹⁶ *Ibid.*, 207–208.

¹⁷ *Ibid.*, 208.

¹⁸ *Ibid.*, 203.

¹⁹ *Ibid.*, 199, 204.

²⁰ *Ibid.*, 202.

мира» возможно лишь при выполнении значительной части программы Контрреформации: возвращение католической церкви ее храмов и имущества, удаление из городов протестантских «министров», восстановление юрисдикции церковных судов²¹. Вместе с тем очевидно, что для того чтобы убедить читателя-дворянина в добром намерении католической стороны, он обращался к представлениям о межконфессиональном мире характерным именно для дворянской среды, заверяя, что церковь их разделяет. Тексты П. Скарги и автора «Предостережения» наглядно показывают с какими сложностями в восприятии конфессиональных проблем дворянским обществом пришлось столкнуться приверженцам Контрреформации, когда они попытались заручиться его поддержкой и избежать отрицательных последствий для своей церкви.

Вместе с тем, несмотря на сильное сопротивление в этой среде, оба автора полагали, что в будущем положение изменится. Обращаясь к протестантам, П. Скарга выразил надежду, что «дети ваши разуму вас научат» и многие уже привели своих отцов к Христу²². Автор «Предостережения» также утверждал, что нижняя палата сейма — посольская изба — не находится уже под таким сильным влиянием протестантских послов, как ранее²³. Надежды явно возлагались на то, что со временем в дворянской среде главную роль станут играть воспитанники иезуитских училищ. Но это были надежды на будущее, а в начале 90-х годов XVI в. приходилось считаться с иным положением вещей и заявлять, как уже отмечалось выше, что католическая сторона принципиально воздерживается от насилия по отношению к инакомыслящим.

Сохранившиеся источники позволяют судить о том, как реагировала на положение дел протестантская сторона. В Познани в том же 1592 г. был напечатан полемический ответ (*Respons*) на обращение П. Скарги²⁴. Уже первые слова этого текста показывают, что идеолог Контрреформации не смог убедить протестантов в мирных намерениях католического лагеря. В его сочинении — указывалось в *Respon'se* — под овечьим руном скрываются волчьи зубы²⁵: он призывает к прекращению волнений и установлению мира, но хочет такого мира, при котором католическая церковь будет господствовать над верой и сомнениями людей, а тех, кто не согласится с ее решениями, будут осуждать и «подавать под меч»²⁶.

В ответном произведении протестантов утверждалось также, что, выступая против Варшавской конфедерации, П. Скарга разрушает стены посполитого коронного мира, чтобы в Речи Посполитой сложилось такое же положение, как в годы религиозных войн во Франции. Он якобы хочет только «духовной войны», но на деле думает о настоящей войне и готовится к ней, предлагая своим приверженцам, чтобы «*miecze swe po kainowski jako najprzedzej gotowali*» («мечи свои скорее по-каиновски готовить»)²⁷.

Таким образом, сторонники Контрреформации, несмотря на все их мирные декларации, характеризовались как желающие силой навязать свою веру инакомыслящим, не останавливаясь перед войной. Такие обвинения должны были

²¹ Ibid., 203.

²² Ibid., 192.

²³ Ibid., 212–213.

²⁴ Ibid., 215 ff.

²⁵ Ibid., 219.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid., 220–221. См. также утверждение, что сторонники контрреформации хотят, чтобы их приверженцы «*kalali ręce swe we krwi ewanjelików braci swoich*» («купали руки в крови протестантов — братьев своих»). (Ibid., 223).

оттолкнуть от П. Скарги и его сторонников массы шляхты разных конфессий, придерживавшейся иных взглядов на характер межконфессиональных отношений.

Однако этим протестантский автор не ограничился. Он обвинил Скаргу в том, что тот выступает против шляхетских «вольностей», он и его приверженцы стремятся к установлению в Речи Посполитой абсолютной власти монарха — приверженца католицизма, «*wszystkie stany po hiszpańsku zniewoliwszy*» («все сословия по-испански сделав несвободными»)²⁸. Такие упреки должны были лишить П. Скаргу и других католических идеологов всякой поддержки в дворянской среде. Обвинение получило обоснование в ряде разделов в *Respon'se*, в частности, в том, где разбиралось утверждение П. Скарги, что протестанты в своих усадьбах на территории королевских городов не могут «*bawić się religią*» («развлекаться религией»).

Протестантский автор подчеркнул законность права шляхтича в своем доме «*do służenia Bogu*» («проводить службы Богу»). Более того — это важнейшая часть («*najprzędniejsza rzecz*») дворянских вольностей, за которую лучше умереть, чем ее утратить²⁹.

Он акцентировал внимание на том, что «народу во всем свободному» его правители, что касается веры и убеждений, никогда не чинили насилия и не запрещали богослужения. «Прелаты» захотели изменить этот порядок, но они не должны «разрушать ничьей вольности»³⁰. Очевидно, эти слова автор адресовал не только протестантским дворянам, а ко всей дворянской массе, заинтересованной в сохранении своих «вольностей». Католики-шляхтичи должны были бы понять к каким последствиям для их «вольностей» ведут действия приверженцев Контрреформации.

Помимо вопроса о «вольностях» и их судьбе в реакции на выступление П. Скарги большое место занял вопрос о сохранении стране межконфессионального мира.

При рассмотрении этой темы автор *Respons* отталкивался от высказываний П. Скарги о том, что католическое духовенство не может одобрить Варшавскую конфедерацию, так как она лишает Католическую церковь права «карать» еретиков³¹. Он разъяснил, что с последователями ложных учений следует бороться вплоть до изгнания их из общины и разрыва контактов подобно тому, как поступили кальвинисты с арианами, но эта борьба должна вестись «мечом духовным». Учение Христа «*nie każe o ich błąd na gardle karać*» («не требует наказывать за ошибку»), т.е. за взгляды подвергать еретиков смертной казни. С ними приходится сосуществовать³².

П. Скарга убеждал читателей, что наличие в государстве разных конфессий провоцирует конфликты в решении и «светских» вопросов, что ведет к упадку государства³³. Протестантский же автор считал, что к такой ситуации ведет стремление преодолеть разногласия именно «мечом» и карательными мерами³⁴. В Польше началу гражданской войны препятствует конфедерация — соглашение о мирных отношениях между приверженцами разных конфессий, что она предотвратит

²⁸ Ibid., 220.

²⁹ Ibid., 238.

³⁰ Ibid., 237–238.

³¹ Ibid., 181–182.

³² Ibid., 225–226.

³³ Ibid., 183.

³⁴ Ibid., 229.

«домовые войны»³⁵. Характерно, что он осудил преследования католиков в Германии, Франции, Швеции, но полагал при этом, что в Польше существование конфедерации обеспечит мир, чтобы такое зло не касалось «*ani ewangelika ani katolika*» («ни протестанта, ни католика») ³⁶. Таким образом, и в этой части автор фактически обратился к шляхте разных конфессий, полагая, что все эти люди в равной мере заинтересованы в том, чтобы избежать бедствий войны, вызванных религиозной нетерпимостью. Очевидно стремление объединить под понятными лозунгами сохранения «вольностей» и «мира» всю дворянскую массу для отпора наступлению сторонников Контрреформации.

Резкая, бескомпромиссная позиция по отношению к П. Скарге и его сторонникам опиралась, как представляется, на убеждение автора-протестанта, что все шляхтичи вне зависимости от религиозной принадлежности желают сохранения межконфессионального мира в своей среде и не хотят конфликтов между «братьями». Обращаясь к П. Скарге и его сторонникам, он выразил убеждение, что «*cnotliwy Polak*» (добродетельный поляк), человек «шляхетной и рыцарской крови» не позволит и себя «обмануть» (*omamić*)³⁷.

Говоря о желаниях П. Скарги и его сторонников добиться того, чтобы король протестантов «*dla wiary [...] karal*» («карал [...] за веру»), автор отметил, что об этом «не мыслят» «*bracia nasza katolicy, ludzie świecku*» («братья наши католики, светские люди») ³⁸.

Хорошо известно, что в дворянской массе Польского королевства протестанты составляли очевидное меньшинство. В таких условиях решения в 1591 г. предсеймовых сеймиков многих воеводств Польского королевства о необходимости дополнить акт Варшавской конфедерации инструкцией о применении ее норм на практике очевидно говорят о том, что такие представления протестантского публициста имели точку опоры в исторической реальности начала 90-х годов XVI в.

Сохранился источник, который в определенной мере проливает свет на взгляды той части католической шляхты Польского королевства, которая выступала за сотрудничество с протестантами ради сохранения межконфессионального мира.

Выше упоминалось «Предостережение», адресованное католическим шляхтичам публицистом-сторонником Контрреформации. Еще один ответ на этот текст появился под названием «*Na przestrogę do katolików uczynioną katolik odpowiada*» («На предостережение католикам католик отвечает») ³⁹.

Общий смысл этого произведения состоит в том, что его автор отверг советы оппонента, отказался участвовать «в кровавом предприятии» духовных лиц и намеревался вместе с протестантами утвердить межконфессиональный мир, не допустить его нарушений и подвергнуть нарушителей наказанию⁴⁰.

Текст представляет собой мотивацию такого решения: в сознании католической шляхты сохранялось проявившееся в эпоху Реформации отрицательное отношение к увеличению земельной собственности Церкви и ее усилиям, направленным на рост церковных доходов. Благодаря заупокойным вкладам к церкви перешла половина «*dziedzictw naszym*» («наших наследных владений»),

³⁵ Ibid., 223, 227.

³⁶ Ibid., 233.

³⁷ Ibid., 223.

³⁸ Ibid., 239.

³⁹ Ibid., 248 ff.

⁴⁰ Ibid., 257–258.

благодаря чему Церковь сосредоточила в своих руках в два раза больше земли, чем у всех шляхтичей вместе с королем, но этого духовным лицам мало, и они требуют еще и «десятин»⁴¹, чем демонстрируют неприязнь (*niechęć*) к шляхетским «вольностям»⁴².

Вызывали отрицательную реакцию и притязания духовенства на более высокое положение в обществе по сравнению со шляхтой, его претензии на руководство духовной жизнью шляхты. Показательна в этом плане реакция автора «На предостережение католикам» на ссылки автора «Предостережения» на то, что Варшавскую конфедерацию осудил синод польской католической церкви в Пётркове в 1577 г. Он выразил возмущение тем, что для решения такого вопроса духовные лица собрались, не ставя в известность «сынов коронных», и на этом «приватном» съезде выступили против мира установленного «всею Короной»⁴³.

Католическая церковь добивалась возвращения утраченных во время Реформации костелов и десятин и восстановления обязанности государственных органов выполнять решения церковных судов и обратилась к католической шляхте за поддержкой, но автор ответа отверг эти требования⁴⁴.

В тексте «На предостережение католикам» протестантские шляхтичи Польского королевства характеризовались, как «братья» шляхтичей-католиков, их родственники и «добрые соседи»⁴⁵. Одновременно они выступали как члены одного дворянского сословия, заинтересованного в том, чтобы пользоваться своими сословными правами в полном объеме.

Адресованное шляхте требование отдать католическому духовенству храмы воспринималось так же, как и автором *Respons*, покушением на шляхетскую «вольность» не только протестанта, но и католика, ставилось под сомнение его «*ius patronatus*» («право патроната») над храмом в своем имении. В случае принятия этого требования протестантский публицист обещал вместе с протестантским «братом» осуществить «*do prawa [...] z nim jechać u dopomagać mu, żeby nie był oprzymowany*» («право [...] с ним ехать и помогать ему, чтобы не был угнетен») ⁴⁶.

И в предложении вернуть церковным судам право наказания еретиков автор «На предостережение католикам»⁴⁷ также видел покушение на сословные права его «братьев»-протестантов — «*pozwami brata mojego ewanegelika o wiare i wolność jego tubrbować nie będziecie*» («вызовами в суд брата моего протестанта из-за веры и свободы его не будешь беспокоить»), — писал он, обращаясь к автору «Предостережения» и его единомышленникам⁴⁸.

Если из-за попыток сторонников Контрреформации осуществить свои требования в стране начнется гражданская война, то, как заявил автор, он либо не будет в ней участвовать и убивать родственников и соседей, либо даже может вступить в войну на стороне протестантов «*do poratowania powinnych a milych moich*» («для спасения родственников и любимых моих») ⁴⁹. В целом

⁴¹ Ibid., 250, 254, 256.

⁴² Ibid., 251. Говоря о таких требованиях, автор написал, что при этом «*pomógł bych bratu ewangelikowi [...] przeciwko wam*» («помог бы брату протестанту [...] против вас»).

⁴³ Ibid., 250.

⁴⁴ Ibid., 251.

⁴⁵ Ibid., 251, 252, 254, 257–258.

⁴⁶ Ibid., 251.

⁴⁷ Ibid., 249.

⁴⁸ Ibid., 257.

⁴⁹ Ibid., 258.

потенциальную войну он расценивал как страшное бедствие, грозящее упадком и церкви, и государству, которое захватят османы⁵⁰.

Как единственную возможную альтернативу такому финалу автор выдвинул идею межконфессионального мира, о реальности которого, по его мнению, говорят не только установление карательных санкций по отношению к нарушителям Варшавской конфедерации, но и отторжение протестантскими «министрами» учения ариан — радикального направления Реформации, близкого к иудаизму и исламу и признание ими факта, что в католическом вероучении «*wstał fundament prawdziwego wuznania o majestacie Boskim*» («сохранился фундамент правдивого исповедания о величии Божьем»)⁵¹, т. е. учения о божественной природе Христа. В этой связи автор «На предостережение католикам» отверг советы автора «Предостережения» избегать бесед о вере с протестантами и наоборот призвал вести беседы о наилучшем пути на Небо⁵².

Таким образом, текст ответа позволяет мотивацию решений дворянских сеймиков во время событий 1591–1592 гг. Несмотря на имевший место рост численности сторонников католического вероучения и католическая, и протестантская шляхта воспринимали себя, как единую общность, заинтересованную в сохранении и расширении своих сословных прав. Попытки сторонников Контрреформации вернуть присвоенную протестантами-шляхтичами церковную собственность воспринимались в этой среде, как покушение на шляхетские «вольности» и попытки возобновить сбор «десятин». Актуальным становился вопрос о защите прав протестантов всем дворянским сословием.

Еще более сильную негативную реакцию вызвали сообщения о разгромах протестантских «зборов» в польских городах. Убедить шляхту разных конфессий в том, что католическое духовенство не имеет к ним никакого отношения не удалось. Автор ответа на «Предостережение», католический шляхтич, отметил, что духовные лица — мастера переложить ответственность с себя «*na dzieci a hultajstwo*» («на детей и бродяг»)⁵³.

Происшедшее было явно воспринято как шаг, ведущий к гражданской войне, вызванной стремлением установить религиозное единomyслие с помощью насилия. Шляхту отталкивали от такой перспективы не только бедствия войны, но и нежелание конфликта с членами своего сословия («братьями»), добрыми соседями и родственниками. Отсюда требования дворянских сеймиков дополнить акт Варшавской конфедерации постановлением, устанавливавшим санкции для нарушителей межконфессионального мира.

В итоге, на пути к достижению Контрреформацией своих целей в Польском королевстве встали особенности сознания польского дворянского общества. Чтобы достичь своей цели идеологи Контрреформации должны были преодолеть эти препятствия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Korolko M. Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół konfederacji warszawskiej w latach 1573–1648, Warszawa: Pax, 1974. 426 s.

⁵⁰ Ibid., 254–255.

⁵¹ Ibid., 253.

⁵² Ibid., 252–253.

⁵³ Ibid., 253.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Lepszy K. *Rzeczpospolita Polska w dobie Sejmu Inkwizycyjnego (1590–1592)*. Kraków, Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, skł. gł. w księg. Gebethnera i Wolffa 1939. 428 s.
Opaliński E. *Sejmiki szlacheckie wobec kwestii tolerancji religijnej w latach 1587–1648 // Obrodzenie i Reformacja w Polsce t. XXIV*. Wrocław etc.: Wyd. PАН, 1989. S. 21–40.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2024

Рукопись принята к печати 15.04.2024

REFERENCES

- Lepszy K. *Rzeczpospolita Polska w dobie Sejmu Inkwizycyjnego (1590–1592)*. Kraków, Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, skł. gł. w księg. Gebethnera i Wolffa, 1939, 428 p.
Opaliński E. *Sejmiki szlacheckie wobec kwestii tolerancji religijnej w latach 1587–1648. Obrodzenie i Reformacja w Polsce t. XXIV*. Wrocław etc. Wyd. PАН, 1989, pp. 21–40.

Received on 10.03.2024

Accepted on 15.04.2024

Информация об авторе:

Флоря Борис Николаевич
доктор исторических наук, член-
корреспондент Российской академии наук,
зав. отделом
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0779-2488
E-mail: ritlen@mail.ru

Information about the author:

Boris N. Florya
DSc. (History), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0779-2488
E-mail: ritlen@mail.ru

Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI века

© 2024 г. Н.В. Евстафьев

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

nikichan1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается отражение в различных христианских источниках XVI в. (житиях балканских мучеников и записках западных путешественников) одной из самых жестоких практик Османской империи. Это так называемый девширме, или «налог кровью» — система принудительного набора христианских мальчиков для их обращения в ислам, воспитания в турецкой культуре и последующего превращения в верных слуг султана — воинов янычарского корпуса или государственных служащих. Автор южнославянского жития св. Георгия Нового Софийского предостерегал христианских читателей от опасностей девширме, ведь главному герою жития пришлось даже покинуть родной дом, чтобы не стать янычаром и сохранить свою веру. Южнославянскому книжнику вторил и составитель русского жития св. Георгия Нового: он описал девширме как самое ужасное злодеяние «агарянских царей» — ради «почестей» султана христианские дети забывают свою веру и превращаются в верных слуг иноверной власти. Более подробные описания девширме встречаются в сочинениях, которые оставили западные путешественники и дипломаты, посетившие Османскую империю в XVI в. Они также рассказывали об ужасах «налога кровью», но акцентировали внимания на том, как христиане Османской империи старались уклониться от этой тяжелой подати, хотя некоторые из них сами были готовы отдавать своих детей османским султанам, чтобы обеспечить им лучшее (в социальном отношении) будущее. Западные авторы не обошли стороной и некоторые злоупотребления османских властей при сборе «налога кровью» во второй половине XVI в., что можно объяснить негативными тенденциями в развитии Османского государства в этот период. Несмотря на все это, многие европейские путешественники и дипломаты писали о меритократическом подходе османских властей к формированию государственной элиты, который отчасти был связан с девширме. Западные авторы считали такой подход одной из главных причин успеха османской экспансии XVI в.

Ключевые слова: Османская империя, славянские жития XVI в., христианские мученики, св. Георгий Новый Софийский, практика девширме, записки западных путешественников.

Ссылка для цитирования: *Евстафьев Н. В.* Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI века // Славяноведение. 2024. № 4. С. 16–25. DOI: 10.31857/S0869544X24040029, EDN: WXUWCD

The View of Christian Authors on the Practice of Devshirme in the 16th Century Ottoman Empire

© 2024. Nikita V. Evstafyev

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

nikichan1@yandex.ru

Abstract. The paper examines how various 16th century Christian sources (the vitae of the Balkan martyrs and the notes of Western travelers) reflect one of the cruelest practices of the Ottoman Empire: It is the so-called devshirme or «blood tax» – a system of forced recruitment of Christian boys for their conversion to Islam, upbringing in Turkish culture and subsequent transformation into faithful servants of sultan – soldiers of the Janissary corps or civil servants. Author of the South Slavic vitae of St. George the New of Sophia warns his Christian readers against the dangers of devshirme, as the main character of the vitae even had to leave his native home in order not to become a janissary and to keep his faith. The South Slavic scribe is echoed by the author of the Russian vitae of St. George the New: he conveys a frightening description of devshirme as the most terrible atrocity of the «Hagaren tsars» – for the sake of the sultan's «honors» Christian children forget their faith and turn into faithful servants of a foreign religion. More detailed descriptions of devshirme are found in the writings left by Western travelers and diplomats who visited the Ottoman empire in the 16th century. They also talk about the horrors of the «blood tax», but more focus on how the Christians of the Ottoman Empire tried to avoid this heavy levy, as well as on the fact that some Christians themselves were ready to give their children to the Ottoman sultans in order to provide them with better social standing in the future. Western authors do not ignore some of the abuses of the Ottoman authorities in collecting the «blood tax» in the second half of the 16th century, that can be explained by negative trends in the development of the Ottoman state in this period. Despite all of this, many European travelers and diplomats talk about the meritocratic approach of the Ottoman authorities to the formation of the state elite, which is partly expressed in devshirme. The Western authors find this approach as one of the main reasons for the success of the 16th century Ottoman expansion.

Keywords: The Ottoman Empire, Slavic vitae of the 16th century, Christian martyrs, St. George the New of Sophia, the practice of devshirme, notes of Western travelers.

For citation: Nikita V. Evstafyev N.V. The View of Christian Authors on the Practice of Devshirme in the 16th Century Ottoman Empire // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 16–25. DOI: 10.31857/S0869544X24040029, EDN: WXUWCD

В XVI в. на территориях, подконтрольных Османской империи, проживало большое число христиан (и других немусульман), которые испытывали со стороны иноконфессиональной власти определенное давление, выраженное в различных социальных, экономических, культурных ограничениях, а также налоговых обязательствах. Зимми, т.е. «люди договора», они же – «люди писания», в первую очередь христиане и иудеи, должны были платить джизью (подушный налог за право жить, исповедовать свою религию и получать защиту от врагов Османского государства), а также харач (харадж), особый поземельный налог, который иногда совмещается в источниках с джизьей [Сафонов 2011, 63; Inalcik 1997, 103–104].

Но, пожалуй, самым тяжелым видом повинности для зимми-христиан было так называемое девширме (тур. *devşirme* «набор»), среди славянских народов

известное также как «налог кровью», а у греков – как «пайдомáзома» (греч. *παιδομάζωμα*), т.е. «набор детей» [Ménage 1991, 210]. Девширме предполагало отбор Османским государством в его балканских и анатолийских владениях [Vryonis 1956, 441–442] наиболее здоровых и сильных христианских детей (в основном – славян, албанцев, греков и армян), которых затем обращали в ислам и воспитывали в турецкой культуре [Vryonis 1965, 241–244]. В дальнейшем эти бывшие христианские юноши зачислялись в янычарское войско или на гражданскую службу в качестве османских чиновников [Георгиева 1988, 66–115; Ménage 1991, 211–213; Krstić 2011, 54–64; Barkey 2008, 123–125]. Отдельным из них удавалось дослужиться до самых высот карьерной лестницы, как это случилось, например, со знаменитым Мехмедом-пашой Соколлу, этническим сербом, ставшим великим визирем при султане Сулеймане I во второй половине XVI в. [Samardjitch 1994, 9–27]. Основная задача девширме состояла в создании преданного лично султану войска, не привязанного к земле и не настолько самостоятельного как спахии, и чиновничества, которое можно было в том или ином виде противопоставить старым аристократическим родам. Набор именно христианских юношей с их последующим воспитанием далеко от изначального места жительства создавал действительно прочную связь янычар с османской властью – им попросту не на кого было больше опереться. Своим новым положением они были обязаны султану [Сафонов 2011, 227–228]. Более того, набранные по девширме юноши рассматривались в качестве рабов султана – «капыкулу» (тур. *kapikulu* «рабы дворцовых врат» или «рабы августейшего порога») [Макарова 2005, 20–21; Erdem 1996, 1–6; Inalcik 1973, 107–108].

Стоит заметить, что практика девширме была одним из немногих способов официально разрешенного насильственного обращения христиан в ислам, тогда как в основном процесс исламизации христианского населения в рамках османской политики «ограниченной веротерпимости» был вызван скорее косвенным, социальным и экономическим, принуждением [Желязкова 1986, 103–116; Желязкова 1990, 65–67, 158–159; Сафонов 2011, 57]. Самая суть девширме должна была вызывать крайне негативную реакцию у христиан: как подданных османских султанов, так и иностранцев. И все же таким ли уж однозначным было отношение к «налогу кровью», особенно у тех христиан из Центральной и Западной Европы, которые не соприкасались с ним напрямую? Поэтому цель настоящего исследования – рассмотреть отражение девширме в различных христианских сочинениях: в житиях балканских мучеников XVI в., одном из немногочисленных славянских источников по рассматриваемому периоду, а также в записках посетивших Османскую империю западных путешественников и дипломатов. Чем обусловлены те или иные черты, которыми наделялась практика девширме в данных источниках? На чем акцентируют внимание авторы разных сочинений?

Необходимо сразу отметить, что ни в житиях балканских мучеников, ни в записках западных путешественников и дипломатов не встречается турецкий термин «девширме». Некоторые из немецких путешественников используют такое словосочетание как «детская десятина» или «десятина детьми». Особенно часто это понятие (нем. «*Kinder-Zehenden*» – в немецком издании записок 1674 г.) применял лютеранин и участник габсбургского посольства в Константинополь в 1570-е годы Стефан Герлах¹, но также слово «десятина» в отношении девширме встречается и в записках другого немца, Мельхиора

¹ Герлах 1976, 62; Stephan Gerlachs, 48.

Безолта (нем. *zehend*)². Иногда, как, например, в латинских записях Антона Вранчича, используется просто слово «дань» (лат. *tributum*) или «дань юношам», «дань детьми» (лат. *impuberum tributum*)³. Из этих примеров видно, что западные авторы рассматривали девширме как один из налогов, которые необходимо платить христианам Османской империи.

Если же говорить об агиографии, то и в южнославянском (написано вскоре после гибели святого), и в русском (составлено в конце 1530-х годов) житиях св. Георгия Нового Софийского (ум. 1515 г.)⁴ девширме не обозначается каким-то конкретным понятием. Автор русского мученика предваряет саму историю мученичества достаточно подробным описанием злодеяний агарянских царей, среди которых одно из самых страшных – это как раз «налог кровью». Так, в житии сообщается, что «нечестивый и безбожный и скверный царь Селим Турьский», «антихристов предтеча», «яко змия, хапая и пожирая дети христианьския мужеский пол», «скровенно некоторым ухищрением посылает бо посланники своя и писари по своей по всей области по многим царствам на третее лето и повелевает ездети с воины, идеже суть христианьская жилища. И аще убо обретаху у коего христианина тры сына и взимають два на царя – третего же оставляють родителем его, или аще един будет у коего христианина, то и того на царя же емлють насилием. И собирають тех детей христианьских до двунадесять тысящ, а иногда и до двадесяти тысящ от пяти лет или от десяти, вятши сих и нижайши не взимають. И приводятся ко царю – царь же повелевает их обрезать в свою скверную и нечестивую веру талышманом своим, рекше попом, и дербышом, рекше игуменом, и шехом, рекше архимандритом, и сеитом, рекше владыкам. Они же вся творять над ними по повелинию цареву и обретають⁵ их в нечестивую и в срачиньскую веру и научають их Махметове прелести учением. И потом повелевает их царь по училищем учити всякому ратному делу и бою, и на конех урыстанию. И велику честь въздаст им царь, егда постигнуть в мужеский возраст, и наречени будут от царя еничари. Толми же убо прельщени будут, яко не токмо христианьскую и православную веру забудуть, но и родителя своя, коиждо своего отца и матере, и начнуть дохматися на христиан и убивати их начнуть злее срачиньскаго роду»⁶. Из приведенного отрывка видно, что для составителя жития, новгородского пресвитера Ильи, девширме – это не просто тяжелый налог, а своего рода стихийное бедствие. То, что пресвитер Илья поместил во вступительную часть сочинения такое яркое описание «налога кровью», можно объяснить желанием автора познакомить русского читателя с местом действия жития и теми ужасными обстоятельствами, с которыми приходилось мириться христианам на Балканах. В этом отрывке пресвитер Илья, вероятно, переработал сведения, полученные им от афонских монахов, которые принесли в Московское государство весть о гибели св. Георгия. Причем эта переработка включила элементы действительных османских реалий (упоминание «дербышей», «сеитов» и др.), но при этом она выдержана в том антимуслиманском и, конкретно, антитатарском тоне, который свойственен всему русскому житию св. Георгия Нового, созданному в культурных и политических условиях Московского государства XVI столетия [Калиганов 2000, 64–65].

² Йонов 1979, 440; *Johannes Leunclavius*, 526.

³ Йонов, 1979, 177; *Alberto Fortis*, XIX–XX.

⁴ Кратко о биографии и почитании св. Георгия Нового Софийского см.: [Турилов, Темелски 2009, 70].

⁵ Обрезают.

⁶ Калиганов 2000, 211–212.

Что характерно, во введении к оригинальному южнославянскому житию св. Георгия Нового отсутствовало описание ужасов Османской империи (южнославянский читатель едва ли в нем нуждался)⁷, и вместо этого рассказ о мученичестве предварялся перечислением чудес, связанных с определенными святыми и их мощами⁸. Однако сама история св. Георгия Нового в оригинальном житии предположительно содержала указание на девширме. Сразу после смерти отца Георгий «понеже личнь бе отрок краснь зело, яко не обретати се подобнь ему лепотоу въ граде том, убоаяв се житии в месте том царю исмаильтскому Баязить бегу, и нуждею выведенъ будетъ въ дворъ его. Си ради отъчество свое оставляеть и преходить въ Средчъскый градъ нарицаеми София»⁹ (т.е. будучи «красивым отроком», Георгий испугался внимания со стороны людей султана, из-за чего покинул родное Кратово и поселился в Софии). Некоторые исследователи интерпретируют этот отрывок как описание неудачной попытки забрать Георгия в янычары [Георгиева 1988, 98]. Причем дальнейшая его история и последующая гибель не связаны напрямую с отказом от данной повинности, что может считаться примером более или менее удачного уклонения от девширме. Но история св. Георгия может и не иметь никакого отношения к «налогу кровью», а интерес мусульман к будущему мученику мог объясняться в первую очередь его красотой, ведь и в Софии именно красота Георгия вызвала у «агарян» сначала желание обратить его в свою веру, а потом и погубить за непреклонность. Впрочем, красота также была одним из признаков, важных для сборщиков девширме [Градева 2001, 112–134]. Так или иначе, сообщение о вынужденном бегстве Георгия из дому, а также описание последующих попыток мусульман обратить юношу в свою веру обещанием богатства и власти включены в житие с целью предостеречь читателей от искушений «агарянской» веры.

В отличие от составителей житий, западные авторы вряд ли преследовали похожие назидательные цели. Их сведения о девширме более конкретны и подробны, но, конечно, не лишены искреннего негодования из-за жестокости османских правителей. Так, Мельхиор Безолт, участник посольства Священной Римской империи 1584 г., определил девширме «самым значительным и самым тяжелым налогом, который с христиан взимает турецкий султан»¹⁰, Райнхольд Лубенау, посетивший Балканы в 1587 г., назвал детей, забираемых по девширме, «крепостными турецкого султана»¹¹. А как отметил француз Жан Палерн Форезиен, отправившийся в 1580-е годы в путешествие по восточным странам, особенно тяжелым «сбор детского налога» (фр. *la leuee des enfans du tribut*)¹² делает то, что от него очень сложно уклониться, ведь повсюду у турок есть судьи, кадии (фр. *Cadys*), которые ведут списки всех родившихся и умерших¹³. Он же передал историю одной греческой женщины из Софии, которую турки жестоко пытали, чтобы выведать у нее местонахождение ее единственного сына¹⁴. Большинство из рассматриваемых западных источников относится

⁷ Подробнее о разных списках, а также сходствах и различиях русского и южнославянского житий св. Георгия Нового Софийского см., например: [Калиганов 2000, 79–133].

⁸ Богдановић 1976, 232–235.

⁹ Там же. С. 236.

¹⁰ Йоноу 1979, 440; Johannes Leunclavius, 526.

¹¹ Йоноу 1979, 459.

¹² Цветкова 1975, 170–171; Peregrinations, 502–503.

¹³ Цветкова 1975, 164; Peregrinations, 412–413.

¹⁴ Цветкова 1975, 170–171; Peregrinations, 502–503.

ко второй половине XVI в¹⁵, благодаря чему в них не единожды отмечены негативные тенденции в развитии девширме в этот период. Если в сочинении пресвитера Ильи, написанном в 1530-е годы, строго определены возрастные рамки для набора детей по девширме, то дипломат империи Габсбургов Антон Вранчич, побывавший на Балканах в 1550–1560-е годы, написал, что «раньше был обычной каждые пять лет собирать» девширме, а «сейчас собирают каждые два-три года и делают это еще более жестоко, чем принято по закону, забирают даже тех, кого запрещено забирать»¹⁶. Эти изменения подтвердил по отношению к 1570-м годам другой немец, Стефан Герлах. В «Дневнике» он подчеркнул, что иногда турки якобы забирали и тех, кому было двадцать лет и больше и даже тех, кто уже принял священный сан (нем. «*Caplane*»)¹⁷. Очень вероятно, что в этих свидетельствах отразились как злоупотребления отдельных местных сборщиков «налога кровью», так и те негативные изменения, которые претерпевала система девширме в Османской империи во второй половине XVI в. [Георгиева 1988, 82–84; Ménage 1991, 212].

Интерес и сочувствие многих западных авторов вызывали попытки христиан Османской империи спасти своих детей от набора в янычары. Так, уже упомянутый дипломат Антон Вранчич написал, что «несчастный народ» специально отправлял своих детей в леса и другие места, чтобы не отдавать их туркам¹⁸. О том же сообщил и Стефан Герлах, добавляя также, что некоторые христиане женили своих детей в девять-десять лет, и это освобождало их от повинности. По его словам, можно было и просто откупиться деньгами¹⁹. Некоторые категории населения и вовсе были освобождены от «налога кровью» — по данным опять же Герлаха девширме не подвергались христианские жители Константинополя и Галаты, впрочем, платившие больше других налогов и, особенно, торговых пошлин²⁰. А Жан Палерн Форезиен написал о такой особой категории христианского населения как «бонники» (фр. «*Bonnicques*») или «войники» (фр. «*Voynicqus*»), которые были освобождены от девширме и большинства других налагаемых на христиан податей — взамен этого они должны каждый год являться в Константинополь для работы в конюшнях, а во время войны — сопровождать армию и выполнять для нее всякие тяжелые работы²¹.

Но внимание западных авторов также привлекали другого рода истории: о тех, кто поддался искушению и добровольно согласился пойти на службу к султану или же отдал на нее своих детей. С очевидным осуждением Антон Вранчич написал о людях, которые готовы «платить высокую цену» (т.е. отдавать своих детей султану) за то, чтобы приблизиться к «турецкому престолу»²². «Безбожниками» назвал Стефан Герлах тех, кто откупался своими детьми от необходимости исполнять иные повинности перед османскими султанами²³. Но причиной такого выбора Герлах видел не только «безбожность» конкретных людей, но и их нищету. Так, во время посещения им одного бедного (это подчеркнуто

¹⁵ Вероятно, это объясняется установлением и развитием в это время дипломатических и торговых контактов между Османской империей и европейскими государствами (например, Францией) на фоне затяжного конфликта с Габсбургами [Goffman 2002, 183–188].

¹⁶ Ионов 1979, 177; Alberto Fortis, XIX–XX.

¹⁷ Герлах 1976, 78; Stephan Gerlachs, 80.

¹⁸ Ионов 1979, 177; Alberto Fortis, XX.

¹⁹ Герлах 1976, 179; Stephan Gerlachs, 306.

²⁰ Герлах 1976, 62; Stephan Gerlachs, 48.

²¹ Цветкова 1975, 171–172; Peregrinations, 505.

²² Ионов 1979, 177; Alberto Fortis, XIX–XX.

²³ Герлах 1976, 184; Stephan Gerlachs, 314.

специально) греческого города Лупата (прежде Аполлония, сейчас Караагач недалеко от Бурсы) Герлах отметил, что местные дети «радуются, что станут рабами всемогущего султана и будут получать от него каждый год жалование». С горькой иронией он добавил, что «один такой мальчик показывал ему местные церкви и желал поскорее стать рабом» султана²⁴. В каком-то смысле о привлекательности турецкой службы сообщил (с явным предостережением) и пресвитер Илья в русском житии св. Георгия Нового, когда написал о том, как «турецкий царь» воздаст «великую честь» тем, кого делает янычаром²⁵.

В то же время, не отказываясь от своего негативного отношения к «налогу кровью», отдельные западные путешественники выделяли и положительные черты если не у девширме как такового, то у результатов данной практики. Стефан Герлах иногда противопоставлял Османскую империю раздробленной Священной Римской империи, фактически указывая на меритократический подход султанов к формированию государственной и военной элиты. В частности, он написал, что в армии монархии Габсбургов «кто пехотинец, тот таковым и остается, кто всадник, и тот остается всадником», а «у турок благородное происхождение не значит ничего», кто проявляет себя, тот «возвышается». И в этом различии кроется причина «жалкого положения» христианских воинов в войнах против турок²⁶. Что характерно, по свидетельствам Герлаха, этим подходом (и конкретно девширме) были недовольны многие из представителей старых турецких родов. Так, некий Мустафа-паша в ответ на жалобы венского посла Давида Унгнада о большом количестве христианских пленников в Константинополе заявил, что ему самому «нет от этого никакой пользы», потому что «в султанский дворец каждый год поступает так много детей нищих христиан, которые потом становятся великими господами», что детям пашей мест не хватает, да они еще и «должны подчиняться» этим бывшим христианам²⁷. На то, что дети, взятые по девширме, могли занимать «первые должности» и становиться «пашами и бейлербеями», обратил внимание также Жан Палерн Форезиен²⁸.

Примерно о том же написал в письме посетивший Османскую империю в середине XVI в. габсбургский дипломат Ожье де Бусбека: в частности, он похвалил турок за то, что они, в отличие от греков, «ценят каждого не по его роду, а по нему самому». Правда, такое отношение не распространялось на представителей рода Османа, «которые ценятся за свое происхождение»²⁹. Очень похожую формулировку можно встретить и в более позднем свидетельстве Райнхольда Лубенау³⁰, но оно, впрочем, могло быть заимствовано автором из писем Ожье де Бусбека, которые начали публиковаться еще при жизни Бусбека с 1581 г. и пользовались популярностью у современников³¹. А внимание к теме «меритократии» османских султанов красноречиво говорит об интересах западных авторов – с одной стороны, они пытались объяснить военные успехи Османской империи, а с другой, искали то, чему можно было поучиться у своего противника.

²⁴ Герлах 1976, 156; *Stephan Gerlachs*, 257.

²⁵ Калиганов 2000, 212.

²⁶ Герлах 1976, 67; *Stephan Gerlachs*, 53.

²⁷ Герлах 1976, 167; *Stephan Gerlachs*, 309–310.

²⁸ Цветкова 1975, 165; *Peregrinations*, 413.

²⁹ Цветкова 1975, 128; A. Gislénii Busbequii, 44.

³⁰ Йонов 1979, 462.

³¹ Там же, 210–211.

Таким образом, в рассмотренных источниках девширме описывалось как одно из самых страшных злодеяний иноверной власти, но характеристики «налога кровью» разнятся в зависимости от жанровой и культурной принадлежности того или иного сочинения. Особое внимание как западные авторы, так и составители житий уделяли опасной привлекательности девширме, связанной с искушением перейти в другую веру, ведь иные из христиан Османской империи ради налоговых послаблений или «почестей» от «агарянского царя» были готовы отдавать своих детей сборщикам «налога кровью». Да и среди детей встречались те, кто сам стремился стать янычаром. Наиболее четко, в назидательном ключе, эта идея раскрыта в обоих житиях св. Георгия Нового, но, особенно, важна для южнославянской версии мученичества, основными читателями которой должны были стать балканские христиане. Западные авторы, осуждая девширме как таковое и демонстрируя его негативные стороны, все-таки указывали на некоторые полезные свойства «меритократии» Османской империи, которые позволяли ей вести успешную экспансию против европейских христианских государств и которые, возможно, стоило бы в той или иной степени перенять самим христианским государствам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПЭ – Православная энциклопедия
САНУ – Српска академија наука и уметности

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности / Одељење језика и књижевности САНУ. Београд: Српска академија наука и уметности, 1976. Књ. 10. С. 230–265.
- Герлах Ст.* Дневник на едно пџуване до Османската порта в Цариград. София: Издателство на Отечествения фронт, 1976. 289 с.
- Йонов М.П.* Немски и австријски пџтеписи за Балканите XV–XVI век. София: Наука и изкуство, 1979. 516 с.
- Мучение святого и славного великомученика Георгия // *Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. С. 209–218.
- Цветкова Б.А.* Френски пџтеписи за Балканите XV–XVIII век. София: Наука и изкуство, 1975. 578 с.
- A. Gislenii Busbequii Omnia quae extant. Lugd[uni] Batavorum [Leiden], 1633. 612 p.
- Desz wolgeboren Herrn Heinrichs Herrn von Lichtenstein, von Nicolspurg etc. Roem. Keys. Maiest. Abgesandten etc. Reysz auff Constantinopol, im 1584 jar beschrieben durch Melchior Besolt // *Johannes Leunclavius.* Neue Chronica türckischer Nation von Türcken selbs beschrieben. Frankfurt am Main, 1595. S. 515–531.
- Iter Buda Hadrianopalim anno 1553 exaratum ab Antonio Verantio tunc Quinqueeclesiensi, mox Agriensi episcopo, ac demum archiepiscopo Strigoniensi, regio in Hungaria locumtenenti, magno regni cancellario, atque S. R.E. Cardinali electo; Nunc primum e Verantiano Carthophylacie in lucem editum // *Alberto Fortis.* Viaggio in Dalmazia. Volume Primo. Venezia, 1774. P. V–XLVII.
- Peregrinations Dv S. Iean Palerne Foresien, Secretaire de François de Valois Duc d'Anjou, & d'Alençon, &c. Oû est traicté de plusieurs singularités, & antiquités remarquées és Prouinces d' Egypte, Arabie deserte, & pierreuse, Terre Saincte, Surie, Natolie, Grece, & plusieurs Isles tant de la mer mediterranee, que Archipelague. Auec la maniere de viure des Mores & Turcs ... Plus est adiousté vn petit dictionaire en langage François, Italien, Grec vulgaire, Turc, Moresque, ou Arabesque, & Esclauon, necesssaire à ceux qui desirent faire le voyage. Lyon, 1606. 554 p.
- Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch der von zween glorwürdigsten römischen Kaysern, Maximiliano und Rudolpho, beyderseits den Andern dieses Nahmens an die ottomanische Pforte zu Constantinopel abgefertigten und durch den Wohlgebornen Herrn Hn. David Ungnad, Freiherrn zu Sonnegk und Preyburg [...] mit würcklicher Erhalt- und Verlängerung des Friedens zwischen dem Ottomannischen und Römischen Kayserthum und demselben angehörigen Landen und Königreichen glücklichst-vollbrachter Gesandtschafft. Zunner, Frankfurt am Main, 1674. 552 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Георгиева Ц. Еничарите в българските земи. София: Наука и изкуство, 1988, 329 с.
- Градева Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления (XIV – начало XVI в.) // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 40–65.
- Градева Р. Турците в българската книжнина XV–XVIII в. // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха. София: Фондация «Отворено общество», 2001. Т. 1. С. 112–134.
- Желязкова А. Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV–XVIII вв. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М.: Наука, 1986. С. 103–116.
- Желязкова А. Распространение на ислама в западнобалканските земи под османска власт. XV–XVIII век. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1990. 263 с.
- Калиганов И.И. Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. 799 с.
- Макарова И.Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв. М.: КомКнига, 2005. 192 с.
- Сафонов А.А. Внутренняя Македония в составе Османской империи: социальная история локальных групп (конец XIV – начало XVII в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. 317 с.
- Турилов А.А., Темелски Хр. Георгий Новый Кратовский // ПЭ. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 11. С. 70.
- Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. 342 s.
- Erdem Y.H. *Slavery in the Ottoman Empire and its Demise, 1800–1909*. London, New York: St. Martin's Press, 1996. 229 s.
- Goffman D. *The Ottoman Empire and Early Modern Europe*. New approaches to European history. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 265 s.
- Inalcik H. *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600*. London–New York: Praeger Publishers, 1973. 385 s.
- Inalcik H. *An Economic and Social History of the Ottoman Empire*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997. Vol. 1. 1300–1600. 409 s.
- Krstić T. *Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire*. Stanford: Stanford University Press, 2011. 264 s.
- Ménage V.L. *Devshirme* // *Encyclopaedia of Islam*, 2nd Edition. / Edited by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht et al. Leiden: Brill, 1991. V. 2. C–G. P. 210–213.
- Samardžič R. Mehmed Sokolovitch: le destin d'un grand vizir. Lausanne: L'age d'homme, 1994. 467 s.
- Vryonis S. Isidor Glabas and the Turkish Devshirme // *Speculum*, 1956. № 3. P. 433–443.
- Vryonis S. Seljuk Gulams and Ottoman Devshirmes // *Der Islam*. 41. Berlin, 1965. P. 224–252.

Рукопись поступила в редакцию 21.02.2024

Рукопись принята к печати 25.03.2024

REFERENCES

- Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2008, 342 p.
- Erdem Y.H. *Slavery in the Ottoman Empire and its Demise, 1800–1909*. London, New York, St. Martin's Press, 1996, 229 p.
- Georgieva Ts. *Enicharite v bŭlgarskite zemi*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1988, 239 p. (In Bulg.)
- Goffman D. *The Ottoman Empire and Early Modern Europe*. New approaches to European history. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 265 p.
- Gradeva R. O nekotorykh problemakh formirovaniia osmanskoj sistemy upravleniia (XIV – nachalo XVI v.). *Osmanskaia imperiia. Gosudarstvennaia vlast' i sotsial'no-politicheskaia struktura*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 40–65. (In Russ.)
- Gradeva R. Turtsite v bŭlgarskata knizhnina XV–XVIII v. *Balkanski identichnosti v bŭlgarskata kultura ot modernata epoha*. Sofia, Fondatsiia «Otvoreno obshtestvo» Publ., 2001, t. 1, pp. 112–134 (In Bulg.)
- Inalcik H. *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600*. London–New York, Praeger Publishers, 1973, 385 p.
- Inalcik H. *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, Vol. 1, 1300–1600*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1997, 409 p.
- Kaliganov I.I. *Georgii Novyi u vostochnykh slavian*. Moscow, Indrik Publ., 2000, 799 p. (In Russ.)

- Krštić T. *Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire*. Stanford, Stanford University Press, 2011, 264 p.
- Makarova I.F. *Bolgarskii narod v XV–XVIII vv.* Moscow, KomKniga Publ., 2005, 192 p. (In Russ.)
- Ménage V.L. Devshirme. *Encyclopaedia of Islam, 2nd Edition, Vol. 2. C–G*, edited by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht et al. Leiden, Brill, 1991, pp. 210–213.
- Safonov A.A. *Vnutrenniia Makedoniia v sostave Osmanskoi imperii: sotsial'naia istoriia lokal'nykh grupp (konets XIV – nachalo XVII v.). Dissertatsiia na soiskaniie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Moscow, 2011, 317 p. (In Russ.)
- Samadjić R. *Mehmed Sokolovitch: le destin d'un grand vizir*. Lausanne, L'age d'homme, 1994, 467 p.
- Turilov A.A., Temelski Khr. Georgii Novyi Kratovskii. *PE*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2009, t. 11, 70 p. (In Russ.)
- Vryonis S. Isidor Glabas and the Turkish Devshirme. *Speculum*, 1956, no. 3, pp. 433–443
- Vryonis S. Seljuk Gulams and Ottoman Devshirmes. *Der Islam*. 41. Berlin, 1965, pp. 224–252.
- Zheliazkova A. Nekotorye aspekty rasprostraneniia islama na Balkanskom poluostrove v XV–XVIII vv. *Osmanskaia imperiia. Sistema gosudarstvennogo upravleniia, sotsial'nyie i etnoreligioznyie problemy*. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 103–116. (In Russ.)
- Zheliazkova A. *Razprostranenie na islama v zapadnobalkanskite zemi pod osmanska vlast. XV–XVIII vek*. Sofia, Izd-vo na Bŭlgarskata akademiia na naukite, 1990, 263 p. (In Bulg.)

Received on 21.02.2024
Accepted on 25.03.2024

Информация об авторе:

Евстафьев Никита Владимирович
аспирант, младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6965-4112
E-mail: nikichan1@yandex.ru

Information about the author:

Nikita V. Evstafyev
Postgraduate Student, Junior Researcher
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6965-4112
E-mail: nikichan1@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 26–37

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 26–37

DOI: 10.31857/S0869544X24040031, EDN: WXQNTF

Оригинальная статья / Original Article

Проповедническое наследие Симеона Полоцкого и его источники: некоторые наблюдения

© 2024 г. М.А. Корзо

Институт философии Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

korzor@mail.ru

Аннотация. Данное исследование нацелено на выявление источников иноконфессионального происхождения двух проповедей Симеона Полоцкого: «Слова о перенесении Убруса из Едессы» (из сборника «Вечера душевная», 1683) и толкования притчи о милосердном самарянине (из сборника «Обед душевный», 1681). Исследование подтверждает существовавшие в литературе разрозненные наблюдения о значительной общности источников вдохновения и фактического материала проповеднических сборников Симеона и его поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный» (латинские источники виршей установлены Антони Хипписли), в частности обращение Симеона в обоих случаях к латиноязычному сборнику годичных проповедей иезуита Маттиаса Фабера (Matthias Faber, 1586/87–1653). Были проанализированы использованные Симеоном техники перевода и переложения латинских проповедей, которые создают у читателя (исследователя) впечатление, что в качестве структурообразующих текстов в одном случае выступает библейский фрагмент Песни Песней (5:10–16), а в другом – толкование притчи о милосердном самарянине Иоанна Златоуста, тогда как Симеон и композиционно, и текстологически воспроизводит поучения Фабера и его старшего собрата по Ордену Альфонсо Сальмерона (Alfonso Salmerón, 1515–1585).

Ключевые слова: Симеон Полоцкий, «Обед душевный», «Вечера душевная», «Вертоград многоцветный», Маттиас Фабер, Альфонсо Сальмерон, проповедь, техники перевода, гомилетика.

Ссылка для цитирования: Корзо М.А. Проповедническое наследие Симеона Полоцкого и его источники: некоторые наблюдения // Славяноведение. 2024. № 4. С. 26–37. DOI: 10.31857/S0869544X24040031, EDN: WXQNTF

Simeon Polotskij's Preaching Heritage and its Sources: Some Observations

© 2024. Margarita A. Korzo

RAS Institute of Philosophy
(Moscow, Russian Federation)

korzor@mail.ru

Abstract. The study attempts to investigate created within the framework of other denominations sources of Simeon's Polotskij two sermons: «Slova o perenesenii Ubrusa iz Edessy» (Sermon to a feast of the Mandylyon's translation from Edessa) from sermon's collection «Vecherya Dushevnyaya», 1683 and interpretation of the evangelical parable of the Good Samaritan from collections of homilies «Obed dushevnyj», 1681. The study confirms existed in the literature disparate observations about the significant commonality of the sources of inspiration and factual material of Simeon's collections and his poetic encyclopaedia «Vertograd mnogotsvetnyj» (A Garden of Many Flowers; Latin poetry sources identified by Anthony Hippius); in particular, that in both cases Simeon used Latin collections of annual sermons by Bavarian Jesuit Matthias Faber (1586/87–1653). The techniques of translation of Latin sermons were also investigated: these techniques give the reader (researcher) the impression that in one case the biblical fragment of Song of Songs (5:10–16) acts as the structuring text for Simeon's «Slovo», and in the other case – interpretation of the evangelical parable of the Good Samaritan by John Chrysostom, while Simeon both compositionally and textually reproduces homilies written by Faber and his elder fellow of the Jesuit Order, Spanish exegete Alfonso Salmerón (1515–1585).

Keywords: Simeon Polotskij, *Vertograd mnogotsvetnyj*, *Obed dushevnyj*, *Vecherya Dushevnyaya*, Matthias Faber, Alfonso Salmerón, sermon, homiletics, techniques of translation.

For citation: Margarita A. Korzo. Simeon Polotskij's Preaching Heritage and its Sources: Some Observations // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. С. 26–37. DOI: 10.31857/S0869544X24040031, EDN: WXQNTF

Введение

Проповедническое наследие Симеона Полоцкого, по сравнению с его разножанровым поэтическим творчеством, гораздо хуже исследовано с точки зрения источников вдохновения и фактического материала отдельных слов и поучений, также приемов перевода и переложения источников иноязычного происхождения. Необычайно широкая эрудиция осевшего в Москве книжника и автора лишь отчасти удостоверяется описанием его библиотеки [Simeon Polotskij's Library 2005] и нуждается в дальнейшей реконструкции на основе в том числе проповеднических текстов Симеона, представленных в первую очередь двумя опубликованными собраниями слов: на воскресные дни «Обед душевный» (1681) и на годовые праздники «Вечера душевная» (1683).

Данное исследование продолжает традицию выявления конкретных источников западного происхождения слов и поучений Симеона Полоцкого, в первую очередь тех, из которых заимствуются большие тематические блоки, *exempla*, высказывания богословов и Отцов Церкви. Данные источники не всегда можно установить с полной достоверностью, но именно они свидетельствуют о причудливом бытовании отдельных текстов в истории разных христианских культур. Единичные источники вдохновения Симеона упоминаются в автографах «Обеда» и «Вечери»¹; среди них названы компендиум годовых поучений «*Hortulus Reginae*», который традиционно приписывают некоему Меффрету из саксонского г. Майсен (Meffret(h) von Meissen, Misnensis)² и сборник XVII в. «*Concionum*

¹ ГИМ Син. 656; ГИМ. Син. 658. Ряд упоминаемых в рукописях авторов не указан в описании библиотеки Симеона. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что круг чтения Симеона не полностью совпадает с его книжным собранием.

² Об авторе «*Hortulus Reginae*» известно лишь то, что он сам о себе сообщает в прологе к осенней части сборника: он был духовным лицом в г. Майсен в то время, когда епископскую кафедру занимал Йоханнес IV (возглавлял диоцез в 1427–1451 гг.); сборник задумывался в качестве гомилетического

opus tripartitum» пера баварца Маттиаса Фабера (Matthias Faber, 1586/87–1653)³. Именно эти два сборника Антони Хипписли считает основными источниками поэтической энциклопедии Симеона «Вертоград многоцветный»: из них черпались не только отдельные образы и сюжеты, но и значительные по объему текстуральные фрагменты (на основании «Меффрета» составлены 186 стихов, Фабера – 1234) [Хипписли 2001, 698–700]. В литературе уже отмечался факт использования тех или иных фрагментов двух названных латинских памятников одновременно и в словах Симеона, и в виршах «Вертограда» [Киселева 2011, 189, 191–192, 194–195, 210, 229, 230, др.; Корзо 2021; Корзо 2024; Преображенская 2019]⁴. Эти пусть еще разрозненные и единичные наблюдения позволяют говорить о значительной общности (но не полной идентичности!) источников проповедей Симеона и его поэтического «Вертограда».

В настоящем исследовании будут реконструированы источники двух поучений, в которых Симеон в значительной степени воспроизводит латинские источники (и композиционно, и текстологически), создавая при этом у читателя (исследователя) впечатление, что в качестве структурообразующих текстов в первом случае выступает библейский фрагмент, во втором – сочинение Иоанна Златоуста. Будут также сделаны отдельные наблюдения о стратегиях переложения и перевода Симеоном Полоцким иноязычных текстов.

«Вечера душевная»: Слово о перенесении Убруса из Едессы

В черновой (авторской) рукописи «Вечери» на польском языке помечено, что «Слово Первое в день пренесения нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа от Эдеса» произносилось в селе Киево⁵: «Mówięm w Kiiowie 1673. Aug. 16»⁶. Произнесенное по случаю празднования перенесения Убруса с ликом Христа из Едессы в Иерусалим (944 г.), поучение Симеона⁷

пособия, не был обобщением произнесенных ранее слов; в 1443 г. была закончена часть *«de sanctis»*, и автор приступил к части *«de tempore»* [(Meffret[h] von Meissen) 1610b, 1–2]. Во 2-й проповеди на 20-е воскресенье после Троицы 1447 год называется текущим годом: в изданиях XVII в. данный фрагмент отсутствует [(Meffret[h] von Meissen) 1610a, 453], но читается в инкунабулах, например: [(Meffret[h] von Meissen) (не позднее 1485), DD5]; таким образом, весь сборник был закончен после этой даты. Автор *«Hortulus Reginae»* нигде не называет себя по имени, но в изданиях конца XV в. он иногда именуется Петром (Petrus) с разными вариантами родового имени (например, Metford), а потому в ряде публикаций автора *«Hortulus Reginae»* отождествляют с неким Петром из Лейпцига. Современные исследователи склоняются к тому, что *«Meffreth»* – это не имя составителя, но второе или альтернативное название сборника. Во-первых, слово *«Meffreth»* не склоняется на титульных листах ни рукописных копий текста, ни ранних печатных версий, как этого следовало бы ожидать в случае с именем собственным. В качестве второго аргумента приводятся строки завершающего *«pars aestivalis»* стихотворного фрагмента, в которых любопытствующему читателю открывается название книги: «At libri nomen lector si forte requires / Regine Meffret hortulus, ipse. Vale» [(Meffret[h] von Meissen) 1610a, лист без пагинации, после *«Index rerum»*] (см.: [Cruel 1879, 486–493; Schmidtke 2010]).

³ Фабер подготовил свой трехтомный сборник (1631¹) будучи преподавателем университета и настоятелем прихода Св. Маврикия в Ингольштадте, опираясь в значительной степени на свои устные поучения. В 1637 г. Фабер вступает в Вене в Общество Иисуса, и уже в статусе иезуита перерабатывает свои проповеди, публикуя их как *«Auctuarium operis concionum tripartiti»* [Baring-Gould 1865, 100–102].

⁴ «Обед душевный» был составлен не позднее 1675 г., а «Вечера душевная» собиралась ок. 1676 г., т.е. раньше поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный»: работа над ним велась преимущественно в 1677–1678 гг., хотя туда вошли и стихотворные фрагменты более раннего периода [Елеонская 1990, 116–140].

⁵ Вероятно, в церкви Спаса Нерукотворного села Киево под Москвой (современная Лобня), во владениях Богдана Матвеевича Хитрово.

⁶ ГИМ. Син. 658. Л. 179.

⁷ Симеон Полоцкий 1683, 455–461об.

представляет собой тематическую проповедь, сюжет которой задается евангельским пассажем Мф. 22:20 «чье это изображение и надпись?» (фрагмент ответа Христа иудейским властям о подати Кесарю). Во вступительной части Слова Симеон рассуждает о размытости образа Божьего в человеке и «како же кождо имать на своей цаѣ душевнѣй, на скрижали сердца той образъ богу руковождствующу писати»⁸. В основной части поучения Симеон «кистію языка» изображает образ Спасителя, который каждый христианин должен запечатлеть на себе, описывая 12 частей тела в следующей последовательности: глава, власы, лицо, очеса, нос и ноздря, ланиты, уста, гортань, уши, чрево, руки и ноги. Все рассуждение выстраивается с отсылкой на книгу Песнь Песней 5:10–16 — на фрагмент о созерцании жениха невестой, в котором воспеваются восемь членов: голова, глаза, щеки, губы, руки, живот, голени, уста.

Источником инспирации и в значительной степени фактического материала для поучения Симеона выступает не столько упомянутая библейская книга, сколько 7-я проповедь Фабера на 22-е воскресенье после Пятидесятницы⁹ (толкуется Мф. 22:20), в которой баварец рассуждает о том, что символизируют те или иные члены человеческого тела (*Homini praecipua membra quarum rerum sint imago*)¹⁰. В своем Слове Симеон совмещает восемь членов из Песни Песней и десять членов из поучения Фабера, выстраивая собственную 12-частную схему в несколько иной последовательности:

«Вечера»	Песнь Песней	<i>Concionum opus tripartitum</i>
(1) глава	5:11a	(1) caput
(2) власы		
(3) лице паки или видъ		(4) facies
(4) очеса	5:12a	(2) oculus
(5) носъ, и ноздря		(5) nares
(6) ланиты	5:13a	
(7) оуста	5:13b	
(8) гортань	5:16	
(9) оушеса		(6) auris + (7) lingua
(10) чрево	5:14b	
(11) руцѣ	5:14a	(8) manus + (9) denarius
(12) ноги	5:15a	

Библейский фрагмент используется Симеоном в полном объеме, пункты Слова начинаются цитатами из Песни Песней, что создает впечатление, что Симеон в каждом из пунктов толкует библейский текст. Из проповеди Фабера исключаются «мозг/разум» (*cerebrum*) и «нога» (*pes*): это может объясняться тем, что баварец в обоих случаях «перегружает» свой текст схоластическими и философскими рассуждениями, малопригодными для замысла Симеона.

Симеон не переводит свой латинский источник в полном объеме и всегда дословно, но делает из каждого пункта более или менее пространную выборку. Чаще всего текст Фабера передается с сокращениями; иногда излагается общий смысл того или иного пассажа с добавлением деталей: «Десят же перстовъ на рукахъ суть, да вся дѣла наша будутъ по десятимъ заповѣдемъ господнимъ, яже

⁸ Там же. Л. 456.

⁹ Примечательно, что именно эта проповедь Фабера неоднократно переводилась на vernacularные языки, в первую очередь — на немецкий.

¹⁰ *Faber* 1631, 1184–1188.

хранящей, сынове божїи бывають, по благодати, и оуподобляются сынови его естественному Христу Господу»¹¹; «яко человекомъ лице плоти любезно есть красоты ради: тако богу совѣсть души любима есть доброты дѣля благостыни»¹².

В каких-то случаях можно говорить о буквальном переводе¹³, зачастую с сохранением порядка слов. Это касается в том числе и цитат из Отцов Церкви, все они заимствованы из поучения Фабера. В пункте «лице» Симеон приводит слова Григория Двоеслова из беседы на Пс 1 (покаянный) («То истинное есть явственнаго отчаянїя знамя, аще срамъ грѣху не послѣдуетъ») ¹⁴. Иоанн Златоуст дважды цитируется в пункте «очеса»: «Что око есть тѣлу, то души оумъ»¹⁵ и «Якоже оубо во плоти, о томъ найпаче печемся, да очеса имѣемъ невредна: тако въ души, оума да сохранимъ здравїе»¹⁶. Примечательно, что в первом случае Симеон именует Отца Церкви «Хрвзостом» и на полях присутствует отсылка на 21-ю беседу на Евангелие от Матфея (такая отсылка есть и в проповеди баварца), а двумя абзацами ниже – «Златоустый» и не указывает источника. Можно предположить, что в случае первого высказывания Симеон знал на память его церковнославянскую версию (хотя бы по московскому изданию бесед Златоуста 1664 г.), и именно поэтому указывает источник; второе же высказывание Симеон переводит с латыни (не было под рукой печатного издания для сверки?), а потому воздерживается от атрибуции.

Займствуя цитаты Отцов из Фабера, Симеон зачастую меняет их местоположение внутри того или иного фрагмента. Так, например, в пункте «лице» слова Григория Двоеслова оказываются в центральной части рассуждения, а в резюмирующей Симеон приводит образ слона и верблюда («Слонъ и Камиль не пїють воды чистыя, но прежде возмущають ю ногами, да не видятъ некрасоты вида своего въ потоцѣхъ») ¹⁷ как пример тех людей, которые «не зрять лица совѣстнаго въ зеркаль Христовѣ»¹⁸, в то время как в «*facies*» Фабера порядок фрагментов обратный.

Следы перекомпоновки материала заметны и в некоторых других пунктах: так, в пункте «ушеса» Симеон берет зачало из «*auris*», совмещая его с рассуждением из «*lingua*», почему у человека два уха и только один язык, и приведенную

¹¹ Симеон Полоцкий 1683, 461. Ср.: «*Denarius digitorum in duabus minibus, decalogum praeceptorum Dei, duabus expressum tabulis apte repraesentat*» [Faber 1631, 1188].

¹² Симеон Полоцкий 1683, 457. Ср.: «...*interna facies... est conscientia, per quam placemus Deo. sicut hominibus per faciem externam, in qua... pulchritudinis reposuit*» [Faber 1631, 1186].

¹³ Симеон предельно точен при передаче отдельных латинских понятий: «*facies*» как «лице или видъ» и «*nares*» как «нось, и ноздря».

¹⁴ Симеон Полоцкий 1683, 458. Ср.: «*Illud verum est apertae desperationis indicium, si verecundia non sequitur peccatum*» [Faber 1631, 1186].

¹⁵ Симеон Полоцкий 1683, 458. Ср.: «*Quod oculus corpori, hoc intellectus est animae*» [Faber 1631, 1185].

¹⁶ Симеон Полоцкий 1683, 458об. Ср.: «*Quemadmodum igitur in corpore hoc maxime providemus, ut oculos habeamus incolumes: sic etiam in anima intellectus conservemus salutem*» [Faber 1631, 1185].

¹⁷ Симеон Полоцкий 1683, 458. Ср.: «...*elephantes et camelos, qui ob faciei deformitatem non volunt bibere, ex limpida, sed turbant prius aquam*» [Faber 1631, 1186]. Стоит отметить, что Фабер использует этот образ еще как минимум однажды в слове на 3-е воскресенье после Пятидесятницы [Ibid., 493], и именно оттуда Симеон заимствует его для вирша «Слова неслушание» [Симеон Полоцкий 2000, 123–124; 578]. Первоначальным источником образа был эмблематический сборник Иоахима Камерария «*Symbola et emblemata*» [Хипписли 2001, 705]. Из анализируемой проповеди Фабера на 22-е воскресенье после Пятидесятницы Симеон заимствует и образ хамелеона как символ лицемерного человека [Faber 1631, 1163], но встраивает его в другие поучения: с большой степенью дословности в Слово в день Св. первомученика Стефана [Симеон Полоцкий 1683, 179], и в более свободном изложении – во Второе Слово на 18-е воскресенье после шествия Св. Духа [Симеон Полоцкий 1681, 327об.]. Об иных аллегориях животных в проповедническом наследии Симеона см.: [Преображенская 2018; Преображенская 2020].

¹⁸ Симеон Полоцкий 1683, 458.

Фабером именно в этом контексте цитату из Послания Апостола Иакова 1:19¹⁹. В пункте «носъ, и ноздря» Симеон собирает компактно в одно предложение примеры животных, выстраивающих свое поведение на основе обоняния («Овцы и волы, и прочїи скоти и звѣри паству си носомъ познавають, паче же и пси обоняніемъ слѣда, знаютъ преходящыя звѣри»²⁰), в то время как в «*nares*» Фабера фраза от отделена от других примеров пословицей и рассуждением, почему нос доминирует на лице (и это рассуждение Симеон выносит в самое начало пункта).

В процессе перевода и переложения Симеоном исключаются многочисленные философские рассуждения Фабера, прямое и косвенное цитирование богословов (Августина, Бернарда Клервосского, Фомы Аквинского, других). Отказывается Симеон от пословицы из пункта «*nares*» о необходимости следовать носу, чтобы не ошибаться (приводится у Фабера сразу в двух версиях: немецкой («*Gehe nur der Nasen nach / so jrrstu nit*») и латинской («*sequere nasum, et non errabis*»))²¹, хотя в других своих поучениях он использует пословицы в качестве аргументов. В Слово Симеона не вошли немногочисленные *exempla* баварца, из которых в отдельных случаях заимствуется только крылатое выражение или общая мораль, встраиваемые в общий ход повествования. Так, пункт «оушеса» начинается с объяснения, зачем человеку даны два уха («суть же два, да едино ухо даем оглаголюющему, другое же извиняющемуся, а не абіе первому вѣруемъ»²²). У Фабера в «*auris*» приводится приписываемое Александру Великому высказывание о судье, который должен слушать сторону обвинения с одним закрытым ухом, чтобы этим ухом потом выслушать сторону обвиняемого²³. Заимствованные у Фабера рассуждения Симеон перемежает довольно многочисленными авторскими вставками и библейскими цитатами. По крайней мере одна из этих вставок перекликается с двумя виршами из «Вертограда»:

Пункт «лице или видъ»	«Язык-4»	«Обличение-7»
Лице плоти наша въ зеркалѣ соглядати обыкохомъ, и наблюдше порокъ нѣкій... ²⁴	Зерцало порок, иже на лицѣ являет... ²⁵	... зеркало, еже изъявляет / порок на лица зряща... ²⁶

«Обед душевный»: притча о милосердном самарянине

В черновой (авторской) версии Первого Слова на 25-е воскресенье после Сошествия Св. Духа нет помет о времени составления поучения и о его возможных источниках. В Слове толкуется притча Иисуса о милосердном самарянине, который подобрал на пути из Иерусалима в Иерихон избитого разбойниками путника, обработал его раны, перевез в гостиницу и оставил хозяину

¹⁹ Там же. Л. 460об. Ср.: [Faber 1631, 1187].

²⁰ Симеон Полоцкий 1683, 459.

²¹ Faber 1631, 1187.

²² Симеон Полоцкий 1683, 460об.

²³ Faber 1631, 1187. Фабер ссылается на Плутарха и Антония Мелиссу; данное *exempla* тиражировалось также многочисленными сборниками-цитатниками, начиная с подборок античных цитат и пословиц Эразма Роттердамского. Симеон не включает историю об Александре в анализируемую проповедь, но использует этот сюжет в «Вертограде многоцветном»: «Царь Александер ... Важдушу убо даше едино ухо, важденну соблюдаше ино...» [Симеон Полоцкий 2000, 448].

²⁴ Симеон Полоцкий 1683, 457об.

²⁵ Симеон Полоцкий 2000, 436. Источником вирша Хипписли называет проповедь Фабера на Благовещение, а точнее процитированное баварцем высказывание Амвросия Медиоланского [Там же, 624].

²⁶ Симеон Полоцкий 2000, 411. Хипписли не указывает источника вирша.

для ухода за путником два динария. Притчу Иисус завершает вопросом, кто же на самом деле является нашим ближним (Лк. 10:25–37)²⁷.

Поучение Симеона состоит из двух частей: во вступлении перечисляются восемь категорий друзей, которые чаще всего таковыми не являются, и основной части-толкования притчи, переход к которой Симеон обозначает призывом к своим слушателям быть внимательными («...слушателю любезный: кто убо есть ближній мой, слушай прилѣжно»²⁸).

Само толкование распадается на три неравные части. В первой (самой пространной) дается последовательное изъяснение, кто был этим путником (Адам); что означает Иерусалим (мир с Богом) и Иерихон (непостоянный, изменчивый мир после грехопадения, схожий с фазами луны); что за разбойники напали на путника (демоны и слуги дьявола); какие ризы были совлечены с путника и какие раны были ему нанесены (лишение бессмертия, повреждение его познавательных способностей, склонность к совершению зла); кого олицетворяют прошедшие мимо путника священник («священство Аароново»), левит (данный Моисеем Закон) и оказавший путнику помощь самарянин (Иисус Христос, хранитель); что символизируют использованные для обработки ран елей (милосердие и надежда на вечную жизнь) и вино (прощение грехов и епитимья); что означают гостиница (Церковь), два «сребреника гостиннику» (Ветхий и Новый Заветы).

Переход от первой части толкования ко второй (самой лаконичной из трех) осуществляется замечанием Симеона: «Сей оубо разумь притчи и толкованіе есть Аллегорическое. Но еще въ кратцѣ положимъ нравоучительное»²⁹. В данном фрагменте, который занимает меньше страницы, Симеон фактически лаконично излагает сказанное выше, акцентируя образ Ветхого и Нового Заветов как источников Божьего слова и духовного врачевания падшего человека. И этот сюжет служит логическим переходом к завершающей части толкования, которая представляет собой пространное (на две с половиной страницы) высказывание Иоанна Златоуста («послушаим Златоустаго святаго, и его словесы бесѣдѣ нашей окончаніе да положимъ»³⁰), в котором рисуется образ истинного пастыря и содержится призыв к христианам, как использовать себе во спасение полученные от Бога дары.

К авторитету Златоуста Симеон обращается в основной части своего поучения несколько раз, не называя цитируемое сочинение: в самом начале толкования («Черезъ человека сего Златоустый святыи разумѣт адама, глаголя: Адамъ превозданный, егоже образъ на мѣстѣ семь положи господь»³¹); объясняя, почему ни священник, ни левит не помогли путнику («...такое глаголетъ златоустый: ниже священникъ Ааронъ мимоходя, жертвою може ползовати: ниже братъ его Мовсій Леввѣтъ, черезъ законъ возможе помоществовати»³²); говоря о самарянинах как олицетворении Христа (в одном месте Златоуст цитируется буквально, хотя и не называется, а через пару фраз – уже с отсылкой³³); описывая сотворенное самарянином=Христом врачевание («...вино и елей на язвы возлѣя, вино

²⁷ Симеон Полоцкий 1681, 411об.–418. Из рассмотрения сознательно исключается Второе Слово на 25-е воскресенье, хотя и оно содержит толкование притчи о самарянине: по использованным Симеоном источникам оно значительно отличается от Первого Слова.

²⁸ Там же, 413.

²⁹ Там же, 416об.

³⁰ Там же, 417.

³¹ Там же, 413.

³² Там же, 415.

³³ Там же, 415–415об.

глаголю, еже есть кровь страданія, и елей дара, имаже и грѣховъ язвы цѣлѣтся, и освященія покровеніе дается»³⁴). Все цитаты из Иоанна Златоуста восходят к толкованию на евангельский фрагмент Лк. 10:25–37, которое в латиноязычных изданиях трудов Отца издавалось во втором томе в разделе «*Ex Evangelio Lucae fragmenta*»; уже в XVI в. авторство данного толкования ставилось под сомнение³⁵. Приписываемый Златоусту текст переводится Симеоном буквально, что особенно очевидно в финальном фрагменте поучения:

«Обед душевный»	Толкование притчи Златоуста
Понеже приложится к двома завѣтома ничтоже может, и ничтоже приложенія и отъятія законъ святыи пріемлет. Что есть оубо, еже может правитель иждивити выше нежели пріять; Нѣсть, развѣ то, что есть свойственнаго ему служенія, в немже долженствуетъ тшаться [...]» ³⁶ .	Nam cum addi ad duo testamenta nihil possit, nec quicquam augmenti detrimentive lex sancta suscipiat: quid est ergo, quod possit plus erogare rector, quam accipit, nisi illud quod est proprij officij in quo debet eniti [...]» ³⁷ .

Такое в значительной мере равномерное встраивание цитат Златоуста в текст толкования притчи создает впечатление, что Симеон использует поучение Отца Церкви в качестве своеобразного каркаса для своей проповеди. Хотя у Златоуста не встречается объяснения ключевых для понимания сюжета образов «Иерусалима» и «Иерихона», а также названия самарянина-Христа хранителем. На мысль о том, что Симеон помимо Златоуста обращался и к другим толкованиям притчи, наводят как минимум три фрагмента. Приводя символику вина и елея Златоуста, Симеон в следующем предложении дает альтернативное мнение («по инымъ же...»³⁸). Рассуждая о состоянии путника после нападения разбойника, Симеон приводит два разных толкования значения «еле жива» (даже интенсивные нападки слуг дьявола не могут лишить человека свободной воли, и даже после грехопадения человек сохранил способность богопознания), соединяя их союзом «или»³⁹. Чуть ниже Симеон апеллирует к авторитету «великого учителя Амвросия» и именно у него заимствует образ самарянина как хранителя⁴⁰, который отсутствует у Златоуста. Дословная цитата из Амвросия восходит к его комментарию на анализируемую Симеоном притчу⁴¹. Но при этом очевидно, что из толкования Амвросия заимствуется только одно-единственное высказывание, в других порциях своего поучения Симеон текст Амвросия не использует.

Предложенное Симеоном толкование притчи о милосердном самарянине имеет значительные композиционные и текстуальные пересечения с изложением данной притчи Фабером (10-я проповедь на 12-е воскресенье после Пятидесятницы)⁴². Так, например, у баварца встречается отождествление Иерихона с луной, которого нет ни у Златоуста, ни у Амвросия. Буквально совпадает описание трех зол, которые разбойники причинили путнику, и язв, нанесенных отдельным членам человеческого тела («Во главѣ страждем, язву гордости. На чель, язву безстудія. Во очесѣхъ, язву зависти. Во оушесѣхъ, оплазивости. Во оустѣхъ, слословія, скверноглаголанія,

³⁴ Там же, 415об.

³⁵ «*Ex cap. X. De eo qui incidit in latrones, sermo. Incerto interprete*» [Johannes Chrysostomus 1614, 523–524].

³⁶ Симеон Полоцкий 1681, 417.

³⁷ Johannes Chrysostomus 1614, 524.

³⁸ Там же, 415об.

³⁹ Там же, 415.

⁴⁰ Там же, 415об.

⁴¹ Амвросий Медиоланский 2020.

⁴² Faber 1631, 834–838.

лжи, клеветы, осуждения» и т.д.⁴³) – этот сюжет Симеон также воспроизводит в вирше «Адам» «Вертограда», источником которого Хипписли называет упомянутую проповедь Фабера⁴⁴. Рассуждения Симеона о двух монетах как двух Заветах буквально совпадают с виршем «Сребреник», который, по Хипписли, выстраивается на основе поучения Фабера⁴⁵.

Дополнительным аргументом в пользу предположения, что именно текст Фабера мог стать основным источником для Симеона, служит тот факт, что вступительная часть к Слову Симеона (восемь категорий ложных друзей) буквально позаимствована из поучения баварца на 12-е воскресенье после Пятидесятницы, но на этот раз из 7-й проповеди⁴⁶. Симеон верно следует за латинским источником, интегрируя в свои пункты также и образы из встречающихся у Фабера цитат: образ «ластовицы»⁴⁷ восходит к фрагменту из приписываемой Цицерону «Риторики для Гиренния»⁴⁸. Заимствованные из поучения баварца категории ложных друзей Симеон прописывает и в своих виршах, притом гораздо ближе к тексту Фабера; но лишь несколько виршей имеют прямые параллели со Словом из «Обеда»: «Враг», «Друг», «Друг-2» (образ ласточки)⁴⁹, «Друг-3», «Ублажение»⁵⁰.

Несмотря на значительное сходство толкования притчи о самарянине Симеона и Фабера и даже буквальные текстуальные совпадения, не баварец стал для Симеона источником основной части Первого Слова на 25-е воскресенье по сошествии Св. Духа. Поучение Симеона целиком, включая практически все библейские цитаты, фрагмент из толкования Амвросия, случаи изложения альтернативных образов и точек зрения, риторические обращения к слушателю (читателю) представляют собой сокращенный перевод толкования евангельской притчи испанского иезуита Альфонсо Сальмерона (Alfonso Salmerón, 1515–1585), автора многотомного экзегетического библейского комментария⁵¹. Труд испанского иезуита был Симеону известен: в описании его

⁴³ Симеон Полоцкий 1681, 414об. Ср.: «*Superbiam in capite, impudentiam in fronte, invidentiam in oculis, curiositatem in auribus, maledicentiam in ore*», etc. [Faber 1631, 836].

⁴⁴ Симеон Полоцкий 1996, 41–43; 316–317.

⁴⁵ Симеон Полоцкий 2000, 186; 589.

⁴⁶ «Други намъ быти тыя, иже никогдаже намъ прерѣкають, но всякая дѣла наша блажать... въ очеса благословятъ ны, и любезная намъ вѣщаютъ... служащыя намъ, почитающыя ны, и оутѣшающыя... присныя притрапезники наша... сродники наша и домашнія... общники лукавыхъ дѣяній нашихъ и заступники... любящыя насъ взаимь... с ними же надолзѣ обществавахом, растохом, играхомъ...» [Симеон Полоцкий 1681, 412–413]. Ср.: «*Qui omnia approbant; coram et in facie laudant; obsequie deserunt; socii mensae et praedae; propinqui; scelerm patroni et socii; vicissim amant; socii et comites*» [Faber 1631, 823–826]. Стоит отметить, что сам сюжет категоризации друзей Фабер позаимствовал из 131-й лекции толкования на Книгу Премудрости Соломона английского доминиканца Роберта Холкота (*Robert Holcote или Holcot*, 1290–1349), на которую баварец и ссылается [Ibid., 823]. Сочинение Холкота было одним из излюбленных источников для сборника «Меффрет», и посредством этого сборника многие рассуждения английского доминиканца (особенно его мнемотехнические стихи) попали в сочинения Симеона [Корзо 2024].

⁴⁷ Симеон Полоцкий 1681, 412.

⁴⁸ Faber 1631, 824. См.: «Подобно тому, как ласточки проводят с нами лето и, гонимые холодами, улетают...» [Первая судебная риторика 2018, 135].

⁴⁹ Ср.: «...служащая намъ, почитающыя ны, и оутѣшающыя...благоденствія нашего суть друзи: емуже измѣншуся, измѣняются, и яко ластовицы лѣту минувшу, оулѣтають» [Симеон Полоцкий 1681, 412] и «Егда краснотеплыя весны дни сияют, / в то время ластовицы с нами пребывают [...] / зимѣ же приближшей от нас отлѣтают. / Точнѣ дѣют лждрузи, ибо есть доколѣ / благо кому шастие, дружатся дотолѣ. / Блажат, служат, а егда шастие мѣняется, / тогда лждругов любви к иным отвратится» [Симеон Полоцкий 1996, 279–280].

⁵⁰ Симеон Полоцкий 1996, 180, 279–280; 337, 351–352; Симеон Полоцкий 2000, 269; 605.

⁵¹ Salmerón 1602, 90–98. Сравнение толкований Сальмерона и Фабера свидетельствует о том, что Фабер практически буквально следует за своим более старшим собратом по Ордену иезуитов, хотя нигде на него не ссылается.

библиотеки указаны шесть томов 12-томного издания Сальмерона [Simeon Polockij's Library 2005, 127]. Более весомым аргументом в пользу знакомства с этим обширным библейским комментарием служат дважды встречающиеся в автографе «Обеда» отсылки к Сальмерону («*ex Salmeron*» и «*ex Salmeronis*»), в одном из этих случаев указан даже том (6-й)⁵². Толкование притчи о милосердном самарянине было позаимствовано из 7-го тома сочинений иезуита⁵³. Авторская работа Симеона заключалась в сокращении текста испанского иезуита, редких перестановках отдельных фрагментов, дроблении длинных фраз на более лаконичные предложения, разворачивании библейских цитат, которые в латинском источнике даются иногда в усеченном виде. Симеон отказывается от историко-богословских дискурсов, от стремления Сальмерона по каждому пункту притчи привести все многообразие альтернативных точек зрения (оставляя, как было отмечено, только три таких фрагмента)⁵⁴, от целого ряда пассажей полемического характера (испанский иезуит опровергает позицию манихеев и Лютера по вопросу о свободе воли, толкуя значение состояния путника «полуживой» (*semivivum*)). Свой практически дословный перевод из комментария Сальмерона Симеон расширяет небольшим авторским рассуждением, кто «есть прїятель, другъ, и ближній»⁵⁵; единичными заимствованиями действительно из толкования Фабера (например, отмеченный выше риторический переход Симеона от аллегорического к нравоучительному изъяснению притчи, а также отдельные фразы баварца из нравоучительного толкования⁵⁶); также встраиванием фрагментов из толкования Златоуста, создавая таким образом впечатление, что именно это толкование является каркасом всей его проповеди.

Анализ Слова о перенесении Убруса из Едессы и толкования притчи о милосердном самарянине подтвердил высказанное на материале других текстов Симеона предположение об общности *основных* источников его поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный» и прозаических поучений из «Обеда душевного» и «Вечери душевной». При этом Симеон в каких-то случаях умело комбинирует разные латинские источники, что значительно усложняет их выявление, поскольку некоторые из них находятся в прямой зависимости друг от друга (в случае толкования притчи о самарянине Фабер практически дословно воспроизводит комментарий Сальмерона, опуская лишь фрагменты сопоставлений разных точек зрения, поскольку баварец превращает библейский комментарий в текст проповеди). Примечательным обстоятельством представляется тот факт, что в «Вертограде» Симеон обработал воскресные проповеди Фабера только до 19-го воскресенья после Пятидесятницы включительно [Хипписли 2001, 699], в то время как Слово о перенесении Убруса опирается на материал поучения баварца на 22-е воскресенье. Это позволяет утверждать, что сборник поучений Фабера использовался Симеоном в бóльшем объеме, нежели предполагалось ранее.

⁵² ГИМ. Син. 656. Л. 40об., 208.

⁵³ В экземпляре данного тома Сальмерона из библиотеки Симеона в интересующей меня проповеди отсутствуют какие-либо пометы или маргиналии [РГАДА. БМСТ/ин. 361].

⁵⁴ Примечательно, что Симеона не заинтересовало толкование анализируемой притчи авторства Феофилакта Болгарского, архиепископа Охридского (ок. 1050 – ок. 1108), на которое Сальмерон не только часто ссылается, но и пространно его цитирует.

⁵⁵ *Симеон Полоцкий* 1681, 416об.

⁵⁶ «*Quis est sensus parabola allegoricus? ... Quis est sensus tropologicus seu moralis? ...*» [Faber 1631, 835–838].

Проведенное исследование можно рассматривать в качестве введения к изучению иноязычных источников всего корпуса проповеднического наследия Симеона Полоцкого. Используемые им техники перевода и переложения ситуативно обусловлены, задаются в первую очередь структурой и содержанием текста(-ов) источника. Заимствуя отдельные сюжеты и целые фрагменты из проповедей католиков (в данном случае Маттиаса Фабера и Альфонсо Сальмерона), которые не имеют выраженной конфессиональной окраски и отражают общехристианские истины, Симеон умело создает им обрамление из библейских текстов и поучений Отцов Церкви.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ГИМ. Син. 656. Симеон Полоцкий. Обед душевный.
 ГИМ. Син. 658. Симеон Полоцкий. Вечера душевная.
 РГАДА. БМСТ/ин. 361. *Salmerón A. Commentarii in Evangelicam Historiam, et in Acta Apostolorum.* Vol. 7. Köln, A. Hierat, 1602.
Амвросий Медиоланский. Толкование на Евангелие от Луки. Книга седьмая // *Амвросий Медиоланский.* Собрание творений. Т. 8. Ч. 2. М., ПСТГУ, 2020. С. 141–149.
Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., Верхняя тип., 1681.
Симеон Полоцкий. Вечера душевная. М., Верхняя тип., 1683.
Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Л.И. Сазоновой; предисл. Д.С. Лихачева. Т. 1. Köln; Weimar; Wien, Böhlau Verlag, 1996. LX, 356 с.
Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Л.И. Сазоновой. Т. 3. Köln; Weimar; Wien, Böhlau Verlag, 2000. LIV, 764 с.
Faber M. Concionum opus tripartitum: pluribus in singular Evangelia argumentis instructum. Pars III. Ingolstadt, Gregor Hänlin, 1631.
Johannes Chrysostomus. Opera omnia. Vol. 2. Antwerpen, Pierre Bellère, 1614. P. 523–524.
 [Meffret[h] von Meissen]. Hortulus Reginae. [Basel], [Nikolaus Kessler], [не позднее 1485].
 [Meffret[h] von Meissen]. Sermonum Meffret, Verbi Dei praeconis quondam celeberrimi <...> vulgo Hortulus Reginae appellantur. De tempore. Pars Aestivalis. München, Nikolaus Heinrich, 1610a.
 [Meffret[h] von Meissen]. Sermonum Meffret, Verbi Dei praeconis quondam celeberrimi <...> vulgo Hortulus Reginae appellantur. De tempore. Pars Hiemalis. München, Nikolaus Heinrich, 1610b.
Salmerón A. Commentarii in Evangelicam Historiam, et in Acta Apostolorum. Vol. 7. Köln, A. Hierat, 1602. P. 90–98.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елеонская А.С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990. 224 с.
Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.
Корзо М.А. Сюжет «consolatio mortis» у Симеона Полоцкого: несколько штрихов к источникам вдохновения богослова // *Славяноведение.* 2021. № 2. С. 93–101.
Корзо М.А. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого как мнемотехническое и гомилетическое пособие // 2024 (в печати).
 Первая судебная риторика. «Риторика для Геренния» («Ad Herennium») / под. ред. Л.В. Шабанова; пер., вступ. ст., коммент. С.Э. Зверев, Е.Ю. Голубева. СПб.: Алетейя, 2018. 148 с.
Преображенская А.А. «Зверонравные люди»: нравоучительные *exempla* в проповедях Симеона Полоцкого // *Jezikoslovni zapiski.* 2018. № 24 (2). С. 161–178.
Преображенская А.А. Источники проповедей Симеона Полоцкого: перевод, пересказ, адаптация // Симеон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі 21–22 лістапада 2019 г. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. С. 166–178.
Преображенская А.А. Бестиарные образы святых в проповедях Симеона Полоцкого из сборника «Вечера душевная» // Бестиарий как *ars combinatorica*: сб. статей / Сост. О. Довгий, А. Львова. Тула: Аквариус, 2020. С. 44–52.
Хипписли А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // *ТОДРЛ.* 2001. Т. 52. С. 695–708.

- Baring-Gould S. *Post-Mediaeval Preachers: Some Account of the most Celebrated Preachers of the 15th, 16th, and 17th Centuries; with Outlines of their Sermons, and Specimens of their Style*. London: Rivingtons, 1865. 282 p.
- Cruel R. *Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter*. Detmold: Meyer'sche Hofbuchhandlung, 1879. XVI, 663 S.
- Schmidtko D. «Meffreth» von Meißen // *Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon* / Hrsg. von K. Ruh. 2. Auflage. Bd. 6. Berlin, Walter de Gruyter, 2010. Sp. 297–300.
- Simeon Polockij's Library. A Catalogue // Eds. A. Hippisley, E. Luk'janova. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 2005. VII, 226 p.

Рукопись поступила в редакцию 08.11.2023
Рукопись принята к печати 15.02.2024

REFERENCES

- Baring-Gould S. *Post-Mediaeval Preachers: Some Account of the most Celebrated Preachers of the 15th, 16th, and 17th Centuries; with Outlines of their Sermons, and Specimens of their Style*. London, Rivingtons Publ., 1865, 282 p.
- Cruel R. *Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter*. Detmold, Meyer'sche Hofbuchhandlung Publ., 1879, XVI, 663 p.
- Eleonskaya A.C. *Russkaya oratorskaya prosa v literaturnom protsesse XVII veka*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 224 p. (In Russ.)
- Hippisley A. Zapadnoe vliyanie na «Vertograd mnogotsvetnyj» Simeona Polotskogo. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 2001, vol. 52, pp. 695–708. (In Russ.)
- Kiseleva M.C. *Intellektual'nyj vybor Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoj knizhnosti k evropejskoj uchenosti*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2011, 472 p. (In Russ.)
- Korzo M.A. Syuzhet «consolatio mortis» u Simeona Polotskogo: neskol'ko shtrihov k istochnikam vdohnovenniya bogoslova. *Slavyanovedenie*, 2021, no. 2, pp. 93–101. (In Russ.)
- Korzo M.A. «Vertograd mnogotsvetnyj» Simeona Polotskogo kak mnemotekhnicheskoe i homileticheskoe posobie. 2024 (in print) (In Russ.)
- Pervaya sudebnaya ritorika. «Ritorika dlya Gerenniya» («Ad Herennium»), ed. by L.V. Shabanov; trans., introduction, comm. by S.E. Zverev, E. Yu. Golubiev. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2018, 148 p. (In Russ.)
- Preobrazhenskaya A.A. «Zveronravnye lyudi»: nravouchitel'nye *exempla* v propovedyakh Simeona Polotskogo. *Jezikoslovni zapiski*, 2018, no. 24 (2), pp. 161–178. (In Russ.)
- Preobrazhenskaya A.A. Istochniki propovedej Simeona Polotskogo: perevod, pereskaz, adaptatsiya. *Simyaon Polatski: svetapoglyad, gramadska-palitchnaya i literaturnaya dzejnasis. Materyaly V Mizhnarodnaj navukovaj kanferentsyi 21–22 listpada 2019 g.* Minsk, Natsyanal'naya bibliyateka Belarusi, 2019, pp. 166–178. (In Russ.)
- Preobrazhenskaya A.A. Bestiarnye obrazy svyatykh v propovedyakh Simeona Polotskogo iz sbornika «Vecherya dushevnyaya». *Bestiarij kak ars combinatorica: sbornik statej*, eds. O. Dovgij, A. L'vova. Tula, Akvarius Publ., 2020, pp. 44–52. (In Russ.)
- Schmidtko D. «Meffreth» von Meißen. *Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon*, hrsg. von Kurt Ruh. 2. Auflage. Bd. 6. Berlin, Walter de Gruyter Publ., 2010, pp. 297–300.
- Simeon Polockij's Library*. A Catalogue, eds. A. Hippisley, E. Luk'janova. Köln; Wien, Böhlau Verlag, 2005, VII, 226 p.

Received on 08.11.2023
Accepted on 15.02.2024

Информация об авторе:

Корзо Маргарита Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт философии
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6299-5187
E-mail: korzor@mail.ru

Information about the author:

Margarita A. Korzo
PhD (History)
RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6299-5187
E-mail: korzor@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 38–50

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 38–50

DOI: 10.31857/S0869544X24040041, EDN: WXJAPL

Оригинальная статья / Original Article

Александр Меншиков на страницах «Польской Илиады» Януша Вишневецкого

© 2024 г. К.А. Кочегаров

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Аннотация. Биография Александра Меншикова, особенно история его юности, пользуется неизменным вниманием исследователей эпохи Петра Великого. Причиной этого служит стремительный взлет Меншикова по социальной лестнице, сопровождавшийся активным стремлением царского фаворита обосновать и доказать свое благородное происхождение. Это, в свою очередь, способствовало довольно раннему появлению и распространению различных мифов и легенд о юности Меншикова и начале его дружбы с Петром, одновременно оставляя невыясненными и затемненными ряд спорных моментов его биографии. Записки польского вельможи Януша Антония Вишневецкого содержат ряд новых свидетельств, касающихся биографии Меншикова в период второй половины 1690–1710-х годов, дополняют уже известные данные, показывают его неоднозначную роль в русско-польских отношениях в ходе Северной войны. Сомневаясь в шляхетском происхождении Меншикова и описав случаи, свидетельствовавшие о его алчности и надменности, Вишневецкий в то же время подчеркнул его храбрость, преданность царю Петру I, любовь к военному делу, не отрицал помощь, оказанную фаворитом в деле освобождения из российского плена его брата, великого гетмана литовского Михала Сервация Вишневецкого.

Ключевые слова: А.Д. Меншиков, Я.А. Вишневецкий, русско-польские отношения, Северная война, фаворитизм.

Ссылка для цитирования: *Кочегаров К.А.* Александр Меншиков на страницах «Польской Илиады» Януша Вишневецкого // Славяноведение. 2024. № 4. С. 38–50. DOI: 10.31857/S0869544X24040041, EDN: WXJAPL

The Image of Alexander Menshikov in the «Polish Iliad» of Janusz Wiśniowiecki

© 2024. Kirill A. Kochegarov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Abstract. The biography of Alexander Menshikov is one of the most popular topics among the scholars, who deal with the Peter the Great's epoch. The main reason for this is his rapid climbing up the social ladder, when the Tsar's favorite tried to prove his noble origin. Accordingly, it caused the early emergence of different myths and legends, concerning the Menshikov's youth, the beginning of the friendship between him and Tsar Peter I. At the same time many disputable episodes of his biography remain unclear and obscure. «Ilias Polski» («The Polish Iliad»), the memoirs of the Polish aristocrat Janusz Wiśniowiecki contain some new facts about Menshikov's biography, supplement the evidences, which were known before as well as describes his ambiguous role in the Russian-Polish relations during the Second Northern War 1700–1721. Wiśniowiecki doubted the Menshikov's noble origin and described some cases that confirm his greed and arrogance. At the same time the author stressed his bravery, fidelity to Tsar Peter the Great, military aptitude and recognizes the favorite's support in the case of release of his brother, the great hetman of the Grand Duchy of Lithuania, Michał Serwacy Wiśniowiecki from the Russian captivity.

Keywords: Alexander Menshikov, Janusz Antoni Wiśniowiecki, the Russian-Polish relations, the Second Northern War, a favorite.

For citation: Kirill A. Kochegarov. The Image of Alexander Menshikov in the «Polish Iliad» of Janusz Wiśniowiecki // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 38–50. DOI: 10.31857/S0869544X24040041, EDN: WXJAPL

Стремительный взлет одного из выдающихся деятелей Петровской эпохи – царского фаворита Александра Меншикова, бывшего на протяжении многих лет начала XVIII в. фактически вторым человеком в государстве, вызывал и вызывает неизменный интерес к его жизнеописанию в самые разные эпохи. Биографов светлейшего князя либо даже тех авторов, кто обращался к перипетиям его жизни в рамках более масштабных сюжетов, касавшихся эпохи царя-преобразователя, неизменно интересовали детали происхождения А.Д. Меншикова, те обстоятельства, которые позволили ему стать правой рукой Петра Великого, оценки личности фаворита современниками и его взаимоотношения с царем.

Экспуры в биографию Меншикова возникли уже при его жизни, в первом десятилетии XVIII ст., будучи обусловлены конкретными причинами, в частности получением Меншиковым сначала графского, затем княжеского достоинства Священной Римской империи и, наконец, титула светлейшего князя Ижорского. Изгнанный из России несостоявшийся воспитатель царевича Алексея Петровича Мартин Нейгебауэр усиленно распространял в брошюрах и листовках известия о низком происхождении Меншикова, бывшего якобы сыном пирожника и ставшего царским любовником. С этими наветами путем другой пропаганды боролся новый воспитатель царевича и литературный агент царя Генрих фон Гюйссен, представлявший и защищавший интересы России в европейской печати. Он в брошюрах утверждал, что Меншиков происходил «из доброй дворянской фамилии, хорошо известной в Литве», а отец его был «обер-офицером Семеновского полка на службе его царского величества» (подробный разбор и анализ данных текстов см.: [Беспярых 2005, 47–51]; цитаты взяты из этого издания).

Первая более-менее полная биография Меншикова, хотя и в весьма беллетризованном виде вышла в 1710 г. в Париже и была написана не позднее 1709 г. Этот популярный текст «татарской истории» о князе Кушимене (анagramма, читающаяся как Меншику или Меншиков) хорошо известен в науке¹. Будучи написан французским инженером Жозефом Гаспаром Ламбером

¹ См.: История князя Меншикова.

де Герэном, некоторое время служившим в России, он стал основой для множества последующих биографических штудий о Меншикове [Беспятых 2005, 51–55; Мезин 2024, 471–485]. Именно этот труд стал источником некоей общей, канонической версии ранней биографии Меншикова – мальчика-пирожника со звонким голосом, который приглянулся сподвижнику Петра Великого Францу Лефорту, а затем благодаря своим талантам, энергичности и предприимчивости стал «комнатным слугой» самого «великого хана» Принадора (царя Петра). В дальнейшей истории Кушимена центральное место занимали два эпизода. Первый касался заговора против царя сторонников отстраненной от власти принцессы Маринды (прототипом выступила царевна Софья), среди которых был и некий князь Дамилко, в дочь которого был влюблен Кушимен. Дамилко пытался вовлечь Кушимена в заговор, обещая ему руку дочери, но последний в итоге выдал заговорщиков хану. Второй сюжет – это ложное обвинение Принадором своего сына в заговоре с приказом казнить его. Организация казни была поручена Кушимену, но тот благодаря своей ловкости сумел заменить приговоренного на смерть принца добровольцем из числа драгун, который выразил готовность пожертвовать собой ради юного ханского сына. Наутро после казни, когда великий хан очень горевал из-за случившегося, Кушимен заявил, что сын его на самом деле жив, чем заслужил безмерную благодарность и доверие со стороны правителя². Самой истории о несостоявшейся казни принца предшествовал эпизод с погромом униатского монастыря св. Василия в дружественной хану стране – Великом княжестве Битании³, в котором легко узнается реальный инцидент в г. Полоцке 1705 г., когда Петр и его сподвижники расправились с несколькими униатскими монахами (см. об этом подробнее далее).

Крайняя скудость данных о ранней биографии А.Д. Меншикова, вызывающая в том числе ожесточенные дискуссии историков о его происхождении (см., например, [Есипов 1875, 233–236; Павленко 1981, 5–16; Беспятых 2005, 47 и след.] и др. работы) делает, безусловно, для любого исследователя жизни и деяний царского фаворита весьма ценными любые иные свидетельства, касающиеся его юности и начала карьеры. Одним из таких источников, оставшихся неизвестным отечественным ученым является недавно опубликованное сочинение «*Ilias Polski*» («Польская Илиада»), написанное в конце 1711–1712 г. Его автором, как относительно недавно выяснил польский исследователь Пшемислав Романюк, стал воевода виленский, а с 1706 г. – краковский Януш Антоний Вишневецкий. Сама рукопись является изложением общественно-политических событий истории Речи Посполитой конца XVII – первого десятилетия XVIII в., в которых Я.А. Вишневецкий принимал самое непосредственное участие. Она еще во второй половине XIX в. стала достоянием польской историографии, но досконально исследована и издана была совсем недавно⁴. С началом Северной войны 1700–1721 гг. в составе политической группировки литовских республиканцев Вишневецкий вместе с братом, великим гетманом Михалом Сервацием, поддержали Россию, в том числе и после вторжения Карла XII в Речь Посполитую. Однако в середине 1707 г. братья перешли на сторону шведов и их ставленника Станислава Лещинского, порвав с царем Петром.

² Там же, 17–40.

³ Там же, 30–34.

⁴ *Wiśniowiecki* 2018. Здесь же в обширной вводной статье см. биографию Я.А. Вишневецкого, историю изучения рукописи, ее археографическое описание, обоснование авторства и др.

Автор «Польской Илиады» практически не дал пространных биографических заметок об исторических деятелях, с которыми сводил читателя в ходе повествования. Чуть ли не единственным исключением стал А.Д. Меншиков, описанию головокружительной карьеры которого Вишневецкий посвятил почти страницу рукописи.

Сведения, сообщаемые Вишневецким, частично перекликались с сюжетами, отраженными в памфлетах Нейгебауэра и Гюйсена, и особенно — в истории князя Кушимена, добавляя в них ряд новых красок и штрихов, но не только. Некоторые известия уникальны и возможно могли быть почерпнуты в ходе личного общения с представителями царского окружения и в том числе с самим фаворитом. Януш Вишневецкий, в частности, упомянул о доверительном общении с неким «знатным гетманом (военачальником. — К.К.) Московской монархии» (Б.П. Шереметевым?), который рассказал ему историю о якобы умышленном отказе В.В. Голицына от штурма Перекопа в 1689 г.; писал о своей дружбе с А.Д. Меншиковым и покровительстве с его стороны (применительно к 1709 г.); сообщал о получении от «московских людей» (надо думать, из царского окружения) конфиденциальной дипломатической информации относительно попыток Станислава Лещинского установить контакты с Крымом⁵. Указанные примеры свидетельствуют, что информацию о происхождении Меншикова Вишневецкий вполне мог почерпнуть не только из памфлетов и листовок, касавшихся личности фаворита, или из циркулировавших в среде польско-литовской аристократии слухов, но и от лиц из царского окружения, в том числе самого светлейшего князя.

Александр Меншиков (в польскоязычном оригинале — *Meżyk*) появился на страницах «Польской Илиады» в 1705 г. в связи с его приездом в Вильну⁶. На военную помощь царского фаворита как раз рассчитывали сторонники царя в Великом княжестве Литовском. В связи с этим Вишневецкий довольно подробно изложил те биографические сведения о Меншикове, которые были ему известны. По словам литовского магната, он был человеком «мещанского происхождения, хотя хотел слыть польским шляхтичем». Здесь Вишневецкий вспомнил литовский род Менжиков с гербом, украшенным головой зубра (герб «Венява»), ошибочно причисляя к нему первого известного русского воеводу Яна Менжика с Домбровы, который умер в 1437 г. (т.е. не во время правления Александра Ягеллончика, как писал Вишневецкий). Впрочем, и указанный Менжик носил герб не Венява, но Вадвич (на эти ошибки автора «Польской Илиады» указали издатели). Излагая эту версию как циркулирующую в общественном сознании, далее Вишневецкий выразил сомнение в том, что царский фаворит мог принадлежать к указанному благородному дому, тем более что о Меншикове говорили, будто он сын пекаря. Сам же фаворит настаивал на том, что отец его в детском возрасте был взят в плен в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. в районе Люблина, как пленник уже в юном возрасте искал средства к существованию и поселился в Москве, зарабатывая чем мог⁷.

Вишневецкий, как видно, колебался, но скорее сомневался в шляхетском происхождении Меншикова (и сама путаница на страницах его сочинения относительно польско-литовских Менжиков весьма показательна), представляя

⁵ *Wiśniowiecki* 2018, 58, 265, 269–270.

⁶ «*Tam do Wilna przybiegł Meżyk, kochanek carski*», — писал Я. Вишневецкий. Общепринятый перевод слова «*kochanek*» — любовник, возлюбленный, но возможно в данном контексте оно означает «любимчик».

⁷ Там же, 187–188.

эту версию как сфабрикованную самим фаворитом и активно им пропагандируемую⁸. Помимо описания происхождения, в сочинении Вишневецкого содержится ряд анекдотов о ранней биографии Меншикова.

Алексей Толстой в популярном романе показал Меншикова подростком, мастерски протыкавшим иглой щеку⁹. Вишневецкий же утверждал, что будущий фаворит привлек внимание царя своим умением... свистеть — «ибо как в Московском государстве бывают расставлены почтовые станы, — написал Вишневецкий, — то он имел такое счастье, что служа кучером на одном из них, так ловко управлял лошадьми при помощи свиста, что тем самым обратил на себя внимание молодого царя, который распорядился, чтобы именно Меншиков возил его постоянно»¹⁰. Здесь нельзя не вспомнить, что в официальном жизнеописании и генеалогии А.Д. Меншикова искусным стремленным конюхом именуется его отец, который служил у царя Федора Алексеевича¹¹. Известна также запись 13 октября 1689 г. о «словесном челобитье *потешного конюха* (курсив мой. — К.К.) Данила Меншикова» на оброчного крестьянина Новодевичьего монастыря К. Иванова [Дегтярев, Лавров 2019, 277–280]¹², а автор известных записок К.Г. Манштейн прямо писал, что и сам Меншиков был царским конюхом¹³.

Со временем будущий светлейший князь записался в царскую «гвардию» и здесь вновь обратил на себя внимание тем, что добросовестно стоял на караулах, с готовностью заменяя других при необходимости. Наконец, прикинувшись невеждой, он предупредил царя о некоем заговоре¹⁴. Последнее известие как раз не уникальное, информация о спасении Меншиковым персоны монарха от заговора (И.Е. Цыклера и А.П. Соковнина в 1697 г.) была в нарративах жизни светлейшего князя достаточно распространена. Первоисточником ее несомненно служит сюжет, представленный в повести о Кушимене. Нельзя в данном случае также не указать на упоминание о раскрытии заговора 1697 г. в официальном жизнеописании и генеалогии А.Д. Меншикова, хотя и без каких-либо деталей: «Его светлости должны быть известные многие подробности, необходимые для прояснения этого дела»¹⁵.

А вот еще один анекдот также уникален, как и история об умении фаворита мастерски свистеть. Во время Великого посольства Петр якобы сильно заболел — все тело царя покрылось язвами (в оригинале: «*zachorował na wrzody*»). Самодержец так страдал, что никто не решался приступить к нему, и только Александр Данилович не отходил от царя с ущербом для собственного здоровья. «Едва сам не умер» — написал Вишневецкий, но «своей услугой помог цесарю выздороветь». Это окончательно предопределило превращение

⁸ В задачу данной статьи не входит анализ достоверности всех известных свидетельств о ложности либо правдивости принадлежности А.Д. Меншикова к литовской шляхте. Большую работу в этом направлении проделал Ю.Н. Беспятовых [Беспятовых 2005, 47–185], однако его аргументация в пользу литовского происхождения светлейшего князя вызывает сомнения, а сам этот сюжет нуждается в дополнительном исследовании.

⁹ Толстой 1972, 58.

¹⁰ *Wiśniowiecki* 2018, 188.

¹¹ Заслуги и подвиги его светлости, 27. Н.И. Павленко писал об этом на основе обнаруженного им латинского черновика данного текста [Павленко 1981, 12].

¹² Данный текст является републикацией (с небольшими изменениями и без указания на предыдущее издание) более ранней статьи тех же авторов [Дегтярев, Лавров 2000, 138–140].

¹³ *Manuteijn* 1998, 15.

¹⁴ *Wiśniowiecki* 2018, 188.

¹⁵ Заслуги и подвиги его светлости, 3, 9.

Меншикова в ближайшего друга, советника и «*posesora serca*» («властелина сердца») самодержца¹⁶.

Вскоре после этого приключилась другая трагедия, в которой Меншиков сумел проявить себя. Во время одной из пирушек Петру, уже находившемуся в состоянии опьянения, сын Алексей начал напоминать о сосланной в монастырь матери — царице Евдокии Федоровне (и, видимо, попрекать отца этим поступком). Рассвирепевший Петр якобы приказал его расстрелять, но Меншиков вывел в поле «инога преступника, какого в Москве нетрудно найти, и убил его, бросив тело в реку». Когда царь протрезвел, он вспомнил о том, что натворил и начал причитать в отчаянии, однако появившийся немедленно Меншиков успокоил монарха, предъявив живого и невредимого сына, чем, по словам Вишневецкого, еще больший кредит себе сыскал¹⁷. Здесь нетрудно увидеть параллель с историей о казни сына, изложенной в повести о Кушимене, однако сюжет Вишневецкого выглядит гораздо более реалистично: Петр не подозревает сына в заговоре, не строит ему эшафот и т.д., а само описание монаршего гнева с приказом расстрелять Алексея Петровича вполне сочетается с известными примерами импульсивности царя и его способности к необдуманным и грубым поступкам, особенно под воздействием алкоголя.

Легенда о казни сына появилась на страницах труда Вишневецкого при описании событий 1705 г. Примечательно, что именно в ноябре 1705 г. русский посол в Париже А.А. Матвеев писал руководителю русской внешней политики Ф.А. Головину о пришедшем ко французскому двору из Польши слухе, как великий государь «при забавах некоторых разгневался на сына своего». Причина царского гнева на Алексея указана не была. Далее царь «велел его принцу Александру казнить, который умилосердился над ним, тогда повесить велел рядового солдата вместо сына». Наутро Меншиков предъявил царевича Петру I, который «от печали будто был вне себя», и это «учинило радость неисповедимую ему» [Чистов 1967, 115–116]¹⁸. Донесение А.А. Матвеева ввел в научный оборот С.М. Соловьев, полагавший что перед нами «перевод народной русской песни об Иване Грозном, приложенной теперь к Петру» [Соловьев 1993, 56]. К.В. Чистов справедливо раскритиковал эту точку зрения, но обратил внимание на бытование уже в 1705 г. слухов, связанных с гневом Петра на сына в связи с тем, что царевич Алексей хотел ехать в монастырь к матери в Суздаль [Чистов 1967, 117], что находит параллели в сообщении автора «Польской Илиады». Вне зависимости от того, была история о мнимой казни царского сына совершенным вымыслом или имела в основе какие-то реальные события, версия, изложенная Вишневецким, судя по всему, является наиболее законченным и аутентичным ее изложением, почерпнутым возможно от кого-то из представителей царского окружения, либо от других литовских магнатов, тесно взаимодействовавших с русской стороной (литовский подскарбий Л. Потей, польный литовский гетман Г. Огинский). И уже через их посредничество она довольно скоро попала во Францию.

Завершая рассказ о Меншикове, литовский магнат дал общую характеристику фаворита: «Человек ловкий, способный, умевший вовремя занять нужную

¹⁶ *Wiśniowiecki* 2018, 188.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ Обширная выдержка из этой работы приведена в комментарии к «Истории князя Меншикова»: История князя Меншикова, 36–38.

позицию, с готовностью взявшийся за реформу армии, что очень нравилось царю, который с грубиянского народа хотел сделать народ политичный»¹⁹.

А.Д. Меншиков неоднократно появлялся на страницах «Польской Илиады» при описании различных событий. И хотя в этих случаях Вишневецкий не давал его личности прямых и однозначных оценок, само повествование в целом формирует образ человека жестокого, алчного до богатств и почестей, надменного и спесивого.

Польские вельможи прекрасно понимали близость Меншикова к царю и всячески старались расположить фаворита к себе. Осенью 1705 г., когда царь двигался в Тыкоцин, на Подляшье, Меншиков появился раньше его и был «принят со всевозможной щедростью» коронным подканцлером Яном Шембеком. Вскоре прибыл и Петр I, торжественно встреченный великим гетманом литовским Михалом Сервацием Вишневецким в лагере недалеко от Тыкоцина 10 октября 1705 г. (н. ст.). Царь объехал построенное для приветствия литовское войско, которое удостоилось похвалы русского самодержца. После этого начался банкет, длившийся до ночи²⁰.

Несмотря на заискивание польских вельмож, Меншиков порой вел в отношении них себя довольно резко, особенно чувствуя поддержку царя. Осенью 1709 г., во время пребывания царя в Люблине, уловив «недоброе» отношение самодержца к коронному гетману Адаму Миколаю Сенявскому, Меншиков с ним открыто поссорился²¹. Близость царя и Меншикова, провоцировавшая ощущение фаворитом своей безнаказанности и вседозволенности, характеризует другая история. 23 ноября (3 декабря) 1705 г. в Гродно царь дал банкет в честь именин своего любимца, в котором участвовал сам король Речи Посполитой Август II и многие польско-литовские вельможи. Празднество длилось несколько дней, при этом не обошлось без досадных инцидентов. Первый из них продемонстрировал известную горячность самого Петра I. Литовский подканцлер С.А. Щука по каким-то причинам отказался пить на банкете. Этим он вызвал гнев самодержца, и так враждебно относившегося к подканцлеру из-за того, что в пору переговоров о союзе с Августом II он выступал за сближение с Бранденбургом-Пруссией, а не с Россией. Польский король, стремясь погасить конфликт, с одной стороны, снял со своей груди орден Белого орла и пожаловал его подканцлеру, а с другой — сумел успокоить разгоряченного Петра. Пир продолжился.

В этот же или в один из последующих дней Август II, стремясь понравиться Меншикову и заслужить одобрение Петра I (делал он это, как пишет Вишневецкий, без особого желания), должен был кутить (в оригинале «*huczeć*» — гудеть) с царским фаворитом. Выпив достаточно спиртного, польский монарх и царский любимец начали фехтовать, и Август, как более опытный боец, нанес последнему несколько уколов. Меншиков схватился за боевую шпагу, не смутившись, что перед ним коронованная особа. В дело немедленно вмешался королевский конюший Фридрих Фицтум фон Экштедт, который оттолкнул распалившегося фаворита. Тот, видимо, поняв, что перегнул палку, неожиданно повалился в ноги Августу и разрыдался. На это очень экспрессивно отреагировал сам Петр I, который очень настойчиво просил простить Меншикова и предать немедленному забвению весь инцидент²².

¹⁹ Wiśniowiecki 2018, 188.

²⁰ Ibid., 193. Точная дата приема царя Вишневецким установлена публикаторами.

²¹ Ibid., 263.

²² Ibid., 197–198. В эти же дни, (26 ноября / 6 декабря), в ходе переговоров русской и польско-литовской делегаций, произошла еще одна ссора — между коронным стражником С. Поточким

Определенный акцент Я.А. Вишневецкий сделал на масштабе грабежей и реквизиций, осуществлявшихся войсками Меншикова в Речи Посполитой. Так, отступая из-под Гродно весной 1706 г., войска Меншикова разорили Волынь, грабя костелы, монастыри, шляхетские и магнатские имения, «насилуя [женщин] и не щадя даже монашек»²³. В 1710 г. когда, по выражению Вишневецкого, русская армия располагалась на зимние квартиры чуть ли не по всей Речи Посполитой, «генерал Гольц действовал в Краковском воеводстве как можно мягче, тогда как Меншиков несказанно жестоко». Его ставка поражала роскошью, поэтому царский фаворит требовал средства от поветов, где квартировал, на содержание своих многочисленных слуг, лошадей (только цугов насчитывалось 80 штук, помимо этого еще 200 скакунов самого светлейшего князя, столько же конюхов), дегтя для смазки повозок и даже кнутов для ямщиков и погонщиков²⁴. Описывая разразившийся тогда же конфликт между Меншиковым и упомянутым выше генералом-фельдмаршалом Г. фон дер Гольцем, саксонцем на русской службе, Вишневецкий явно симпатизировал последнему. Конфликт, по мнению автора «Польской Илиады», был спровоцирован великим коронным гетманом А.М. Сенявским и особенно его супругой, Эльжбетой Сенявской. Последняя старалась заручиться благосклонностью Петра I, встречаясь с ним во время пребывания самодержца в Люблине в ноябре 1709 г. и по каким-то причинам настраивала царя против Гольца. Сенявские сумели перетянуть на свою сторону и царского фаворита, который якобы испытывал к генералу неприязнь, потому что уступал ему в военном опыте. В результате, как иронично написал Вишневецкий, «старик крепко упал с лавки». Светлейший убедил царя, что Гольц потерял много времени, задержав войска под Ухновым (ныне во Львовской обл. на Украине) в августе 1709 г.; что специально отказался преследовать войска сторонника шведов и Станислава Лещинского, киевского воеводы Юзефа Потоцкого после сражения при Одолянуве в октябре; наконец, что якобы хотел тайно вывезти в германские земли набитый золотом сундук. «В конце концов, — сообщил Вишневецкий, — [Меншиков] совершенно лишил его царской благосклонности, и ничего не говоря, приказано было его взять под арест столь тайным образом, что Польша узнала об этом лишь через несколько недель». «Прекрасная награда за все заслуги! — продолжил он повествование. — Такой достойный генерал, не допустил захвата царевича в Конецполе; а когда сбил [с поля] киевского воеводу, днем и ночью, не обращая внимание на ненастье, на свой преклонный возраст, преследовал его; шведа научил бить и первый лед проломил». Далее Вишневецкий посетовал на непостоянность людской дружбы и превратности фортуны, вспоминая об известных исторических героях: о герцоге Альбе, попавшем в немилость у королевского двора после своей кампании в Нидерландах и о кардинале Ришелье, сталкивавшегося с заговорами политических противников²⁵. Примечательно, что в другом месте повествования Вишневецкий дал краткое описание сражения при Одолянуве, признавая, что оно было проиграно русскими,

и русским послом в Польше князем Г.Ф. Долгоруким. Первый, по свидетельству Вишневецкого, оскорбил не только князя, но и произнес какие-то язвительные слова в адрес самого самодержца. Петр в ярости выскочил из кабинета, чтобы расправиться с обидчиком, но Август II вновь сумел урегулировать конфликт, затолкав Потоцкого в свои покои и утихомирив гнев Петра. Через несколько дней были принесены официальные извинения. Точные даты событий установлены публикаторами записок Я.А. Вишневецкого.

²³ Ibid., 212.

²⁴ Ibid., 275.

²⁵ Ibid., 275–276.

а погоня за уходившим в Краков Ю. Потоцким велась не слишком активно²⁶. На основе анализа российских источников к схожему выводу пришел и современный исследователь Б.И. Мегорский, отметив ряд тактических промахов русского командования; при том, что сам Гольц отнесся к делу весьма халатно: он вовсе отказался руководить войсками на поле боя, оставшись в городском замке [Мегорский 2019, 48–62]. Однако эти детали и несостыковки, судя по всему, не были так уж важны для Вишневецкого, который в рассказе о кампании 1709 г. и судьбе Гольца в первую очередь стремился оттенить зависть и спесь светлейшего князя.

Еще один пример алчности А.Д. Меншикова касался пребывания в Кракове в ноябре 1709 – апреле 1710 г. царевича Алексея Петровича, чье содержание полностью оплачивал город (и даже баню, в которой, как отметил автор «Польской Илиады», русские часто моются). Гувернер царевича, князь Ю.Ю. Трубецкой, доверительно сообщил Я.А. Вишневецкому, что виной всему скупость А.Д. Меншикова, который, как можно догадаться, сэкономил на содержании царевича в «своих собственных видах». Трубецкой жаловался, что по той же причине получил на необходимую поездку в Москву всего лишь 200 злотых²⁷.

Уже упоминавшаяся выше история с убийством униатских монахов в Полоцке в 1705 г. также нашла отражение в сочинении Я.А. Вишневецкого. Более того, это чуть ли не единственное свидетельство, рисовавшее мрачную и подстрекательскую роль царского фаворита в разыгравшейся кровавой драме. Итак, 11 июля 1705 г. (н. ст.) в ходе пребывания в Полоцке, после богатого банкета с участием литовского польного гетмана Г. Огинского, Петр I и Меншиков поехали обозреть расположенную на территории городского замка церковь св. Иосафата Кунцевича (в действительности – собор св. Софии). Как написал Вишневецкий, по мнению некоторых, поездка состоялась по настоянию Меншикова, который взял с собой своего полкового священника. Последнего униаты как следует угостили спиртным, и когда все напились, начался диспут о вере. Русский священник, не будучи особенно искушен в дискуссиях, в конце концов «съездил по морде» (в оригинале: «*dał w głowę*») местному настоятелю (супериору) Якубу Кизиковскому. Другой униатский монах немедленно дал сдачи с избытком. Авторитетные представители униатского духовенства вмешались и вроде бы уже успокоили ссору, но священник пожаловался А.Д. Меншикову. Это имело самые фатальные последствия. Петр I и Меншиков в это время как раз продолжали пировать (по логике изложения, их угощали в замке или где-то рядом с собором). Разгоряченные выпитым алкоголем, они немедленно бросились в храм. Войдя туда, Петр I спросил, указывая на образ св. Иосафата, кем он был убит. «Схизматиками», – последовал ответ. Это стало спусковым крючком последовавшей кровавой сцены. Взбешенный Петр якобы обозвал псом и заколол одного из униатских монахов прямо у алтаря, другого убил Меншиков. Еще троих было приказано повесить, но одному спас жизнь, выведя его из церкви, Б.П. Шереметев. Под конец царь высыпал на землю освященные облатки, потому что, как пояснил Вишневецкий, «греки (т.е. православные. – К.К.) не верят, что облатки являются хлебом». «Страшная сцена, – написал он далее, – всех поразила и освежила в памяти многих отвлечение к этой монархии (к России. – К.К.)»²⁸. Полоцкий инцидент име-

²⁶ Ibid., 268–269.

²⁷ Ibid., 273. Даты пребывания Алексея Петровича в Кракове и персона Ю.Ю. Трубецкого установлены публикаторами.

²⁸ Ibid., 188–189.

ет богатую историографию, разбор которой не входит в задачи данной статьи. Наиболее полно имеющиеся данные источников исследовал и обобщил, пожалуй, польский историк Алексы Деруга. Он не знал свидетельства Вишневецкого, хотя в доступных ему материалах были указания на подстрекательскую роль Меншикова. Об этом писал в записках современник описываемых событий, монах-вазилианин Ян Олешевский. Другой источник сообщает, что Петр I, позднее раскаивавшийся в своем поступке, приказал повесить некоего попа, чей «плохой совет» стал поводом к случившейся трагедии, и это известие может быть соотнесено с персоной незадачливого полкового священника, чья жалоба дала повод для расправы. Однако Деруга, не отрицавший участие Меншикова в убийстве представителей униатского духовенства (по некоторым данным, он в том числе держал за волосы проповедника Теофана Колбежичского, которому Петр I собственноручно отрубил голову), полагал, что в распоряжении историков нет достаточно данных, чтобы судить о степени «морального соучастия» в нем царского фаворита, известного своей религиозностью [Deruga 1933, 95–120]²⁹.

Освещение полоцких событий в имеющихся источниках изначально имело весьма политизированный и субъективный характер и многие рисуемые в них детали могут быть поставлены под сомнение, хотя сам факт и основные обстоятельства совершенной царем и его приближенными расправы очевиден. Рассказ Вишневецкого в этом контексте может восприниматься и как уникальное свидетельство (отнюдь не комплиментарное совершенно для униатской стороны³⁰), решающее поставленный Деругой вопрос о моральном соучастии Меншикова в убийстве, так и подчеркивать предвзятый характер автора «Польской Илиады» в отношении царского фаворита.

Следует отдать должное Я.А. Вишневецкому, что несмотря на не самые лестные характеристики персоны А.Д. Меншикова в «Польской Илиаде», он признал и оказанную фаворитом ему лично протекцию, и его роль в смягчении участи его брата Михала Сервация, бывшего литовского гетмана, которому царь никак не хотел простить переход на сторону шведов и Станислава Лещинского в 1707 г. Вскоре после Полтавской битвы именно благодаря содействию Меншикова Я.А. Вишневецкий смог передать царю письмо от своего брата³¹. Затем Вишневецкий добился, чтобы Меншиков выслал его брату письмо с гарантиями безопасности и распоряжениями ждать дальнейших указаний там, где послание застанет М.С. Вишневецкого. Гонец, некий Кульчицкий (слуга бывшего литовского гетмана) повез его в Киев, но не успел вручить послание адресату, потому что киевский губернатор кн. Д.М. Голицын распорядился немедленно арестовать прибывшего туда М.С. Вишневецкого и отправить его Москву. Между тем возвращавшийся из Киева гонец встретил светлейшего князя и рассказал ему о случившемся. Меншиков немедленно дал Кульчицкому денег и приказал как можно скорее доставить М.С. Вишневецкого обратно из Москвы в Киев. Возвращавшийся Михал Серваций встретил

²⁹ Дата событий в Полоцке дана на основе этого исследования. О роли в них А.Д. Меншикова см. [Deruga 1933, 102, 109]. А. Деруга также привел свидетельства самих вазилиан, что квартировавшие в Полоцке Б.П. Шереметев и кн. Н.И. Репнин относились к ним гуманно и уважительно [Ibid., 98].

³⁰ Я.А. Вишневецкий, как отмечалось, свидетельствовал о совместном пьянстве униатского духовенства с русским священником, и не исключено, что с Петром I и его сподвижниками, прибывшими на территорию замка. Кроме того, начав дискуссию о вере в ходе попойки, униаты некоторым образом спровоцировали трагическую развязку, что, впрочем, никак не оправдывает произошедшей кровавой расправы.

³¹ Wiśniowiecki 2018, 265.

своего спасителя в Глухове на Украине 19 декабря 1709 г. (н. ст.). Здесь, как считает автор «Польской Илиады», по вине Кульчицкого случилось неприятное происшествие. Кульчицкий был излишне склонен к пьянству и из-за этого якобы не смог объяснить М.С. Вишневецкому, что он, во-первых, обязан своим освобождением исключительно Меншикову, а во-вторых, ошибочно сообщил, что бывший гетман получает полную свободу. В результате, когда А.Д. Меншиков и М.С. Вишневецкий как следует выпили на совместной пирушке в Глухове, последний, полагая что отпущен на волю без каких-то ограничений, позволил себе несколько надменных высказываний в адрес фаворита. Возникла ссора. К счастью Меншиков был настолько пьян, что наутро плохо помнил случившееся, более того, присутствовавшие на банкете гетман Украины И.И. Скоропадский и иные гости (надо думать, представители украинской старшины), «вбили ему (Меншикову. — К.К.) в голову, что он плохо обошелся с пленником». В результате состоялось немедленное примирение, причем М.С. Вишневецкий объявил, что дарит Меншикову несколько деревень в окрестностях Полонного и обещал «служить верно». Вопрос об освобождении бывшего гетмана, впрочем, решен не был и он остался жить в Глухове³².

Вообще осенью 1709 г. Меншиков просто купался в лучах внимания со стороны польской шляхты и магнатории. В ответ на его обращение к Волынскому воеводству, на территории которого находилось Полонное, пожалованное фавориту в держание королем Августом II в 1706 г., шляхта снарядила к Меншикову официальное посольство, «признавая его за польского дворянина» и надеясь тем самым выхлопотать себе новые льготы, а также принося прошение об амнистии М.С. Вишневецкого. Сам факт миссии вызвал недовольство польского двора, находившегося в Торуни (здесь была и ставка царя), где Меншиков, «алчущий тщеславия, принимал это посольство». Аудиенции Меншикова добивались хелминский воевода Томаш Дзялыньский и хелминский епископ Теодор Анджей Потоцкий, но светлейший князь отказал им под предлогом царского запрета. О влиянии Меншикова в это время определенным образом свидетельствовала и неудачная попытка коронного подкомория Ежи Доминика Любомирского добиться возвращения Полонного (был лишен его Августом II за переход на шведскую сторону). Дело было отложено, ходили слухи, что фаворит даже договорился о выкупе у Любомирского прав на Полонное. Попутно Меншиков обвинял подкомория в грабеже неких украинских купцов, с которыми фаворит теперь договорился о передаче ему права на компенсацию убытков за захваченных у них волов³³.

* * *

«Вишневецкий написал “Польскую Илиаду”, не будучи объективным наблюдателем», — резюмировали издатели и исследователи его сочинения Пшемислав Романюк и Яцек Бурдович-Новицкий. По их справедливому мнению, он не скрывал враждебности к многим персонам, излишне идеализировал тех, кто был ему близок, но в тоже время описывал и некоторые собственные неприглядные поступки и ошибочные действия³⁴. Указанное наблюдение в полной мере верно и в отношении фигуры А.Д. Меншикова. Образ его, несомненно, не полон в силу самого жанра произведения, но в тоже время, пожалуй, нарисован подробней, чем литературный портрет кого-либо из русских

³² Ibid., 271–272. Точная дата прибытия М.С. Вишневецкого в Глухов установлена публикаторами.

³³ Ibid., 266–267.

³⁴ Ibid., 22.

вельмож, и даже самого царя Петра I. Это, несомненно, вызвано удивительной биографией А.Д. Меншикова, совершившего стремительный взлет из социальных низов к вершинам власти, его близостью к самодержцу, тесный характер которой не укрылся от Я.А. Вишневецкого, а также той ролью, которую царский любимец играл в событиях первого десятилетия Северной войны, непосредственно затрагивавших Речь Посполитую. Вишневецкий явно не симпатизировал Меншикову (при том, что комплиментарно отзывался о других русских военачальниках — Б.П. Шереметеве³⁵ и Г. Гольце), иронизировал, хотя и не слишком явно, по поводу его претензий на польское шляхетство и определенно не прочил его равным себе, несмотря на высокое положение, всевластие и богатство царского фаворита. Он привел немало примеров жестокости, надменности и алчности Меншикова, но в то же время признавал за ним отдельные достоинства: смелость, способности к военному делу, ловкость и безусловную преданность своему патрону — царю Петру Великому. Несмотря на неприязнь к фавориту, Я.А. Вишневецкий не постеснялся написать, как пользовался его покровительством и помощью для облегчения участи брата — М.С. Вишневецкого, что в конце концов дало результат, пусть и не окончательный. Свидетельства Я.А. Вишневецкого безусловно не могут способствовать каким-то кардинальным сдвигам в отечественной историографии касательно изучения личности А.Д. Меншикова, но, несомненно, добавят новые штрихи в реконструкцию биографии этого незаурядного государственного деятеля России эпохи Петровских реформ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости, князя Александра Даниловича Меншикова, с основанным на подлинных документах описанием всего достопримечательного, что по всемилостивейшему повелению его императорского величества Петра Великого и всепресветлейшей императрицы Екатерины было совершено, под управлением и начальством его светлости, при дворе и в армии, равно как и во всем Российском государстве. Перевод с немецкой рукописи // *Сын отечества. Журнал истории, политики, словесности, наук и художеств*. 1848. Кн. 1. Январь. [Отд.] I. Русская история. С. 1–32.
- История князя Меншикова / [пер. с франц. предисл. Л.Л. Альбиной; комм. и статья А.М. Шарымова]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 56 с.
- Манштейн К.Г.* Записки о России. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 448 с.
- Толстой А.Н.* Петр Первый // *Собрание сочинений в восьми томах*. М.: Правда, 1972. Т. 7.
- Wiśniowiecki J.A.* *Piłs Polski (1700–1710)* / wyd. P.P. Romanuk, J. Burdowicz-Nowicki. Warszawa: Neriton, 2018. 330 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беспятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб.: Историческая иллюстрация, 2005. 240 с.
- Дегтярев А.Я., Лавров А.С.* Баловень безродный? // *Источниковедение и краеведение в культуре России: к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. С. 138–140.

³⁵ Я.А. Вишневецкий отметил военный талант последнего (Ibid., 173), указал, что Астраханское восстание 1706 г. Шереметев сумел прекратить не столько карательными мерами, сколько гуманным отношением к мятежникам (Ibid., 198). Общая оценка личности Б.П. Шереметева, который в «Польской Илиаде» выступал определенным антиподом Меншикова, была следующей: «Шеремет был очень достойным и честным человеком, умевшим вызывать у своих солдат любовь и страх одновременно, а у остальных людей — уважение с желанием приобрести его дружбу; веселый и тактичный в беседе, способный держать военную дисциплину, благодаря чему мало чем досадил тем краям (Речи Посполитой. — К.К.), где ему пришлось квартировать» (Ibid., 198–199).

- Десяряев А.Я., Лавров А.С. О самом раннем документе, содержащем сведения об отце А.Д. Меншикова // Власть. 2019. № 6. С. 277–281.
- Есилов Г.В. Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. 1875. № 7. С. 233–247.
- Мегорский Б.В. Бой при Одолянуве, 1709 г. Малоизвестная неудача после Полтавы // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2019 года. СПб., ВИМАИВиВС, 2019. Ч. 2. С. 48–62.
- Мезин С.А. Первые французские биографии А.Д. Меншикова // Санкт-Петербург – город петровской мечты: материалы XVI Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 года / сост. И.А. Карпенко, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский дом, 2024. С. 471–485.
- Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1981. 198 с.
- Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. 7. История России с древнейших времен. Т. 15–16. 639 с.
- Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.
- Deruga A. Piotr Wielki a bazyłjanie połoccy // Księga pamiątkowa koła historyków słuchaczy uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie. 1923–1933. Wilno: Wydawnictwo zrzeszenia kół naukowych Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie, 1933. S. 95–120.

Рукопись поступила в редакцию 24.02.2024

Рукопись принята к печати 31.05.2024

REFERENCES

- Bespiatykh Iu.N. *Aleksandr Danilovich Menshikov: mify i real'nost'*. St. Petersburg, Istoricheskaja illiustratsiia Publ., 2005, 240 p. (In Russ.)
- Chistov K.V. *Russkije narodnyje sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* Moscow, Nauka Publ., 1967, 341 pp. (In Russ.)
- Degtiarev A. Ia., Lavrov A.S. Baloven' bezrodnyi? *Istochnikovedenije i krajevedenije v kul'ture Rossii: k 50-letiiu sluzhenija Sigurda Ottovicha Shmidta Istoriko-arkhivnomu institutu.* Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2000, pp. 138–140. (In Russ.)
- Degtiarev A. Ia., Lavrov A.S. O samom rannem dokumente, soderzhashchem svedeniia ob ottse A.D. Menshikova. *Vlast'*, 2019, no. 6, pp. 277–280. (In Russ.)
- Deruga A. Piotr Wielki a bazyłjanie połoccy. *Księga pamiątkowa koła historyków słuchaczy uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie. 1923–1933.* Wilno, Wydawnictwo zrzeszenia kół naukowych Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie Publ., 1933, p. 95–120.
- Jesipov G.V. Kniaz' Aleksandr Danilovich Menshikov. *Russkii arkhiv.* 1875, no. 7, pp. 233–247. (In Russ.)
- Megorskiĭ B.V. Boi pri Odolianuve, 1709 g. Maloizvestnaia neudacha posle Poltavu. *Voina i oruzhije: Novyje issledovaniia i materialy. Trudy Deviatoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 15–17 maia 2019 goda.* St. Petersburg, VIMAIViVS Publ., 2019, ch. 2, pp. 48–62. (In Russ.)
- Mezin S.A. Pervye frantsuzskie biografii A.D. Menshikova. *Sankt-Peterburg – gorod petrovskoi mechty: materialy XVI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa, Sankt-Peterburg, 9–10 iunja 2023 goda,* ed. by I.A. Karpenko, I.F. Sviderskaia. St. Petersburg, Jevropeiskii dom Publ., 2024, p. 471–485. (In Russ.)
- Pavlenko N.I. *Aleksandr Danilovich Menshikov.* Moscow, Nauka Publ., 1981, 198 p. (In Russ.)
- Solov'jev S.M. Sochineniia. Kn. 7. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen.* Moscow, Mysl' Publ., 1993, t. 15–16, 639 p. (In Russ.)

Received on 24.02.2024

Accepted on 31.05.2024

Информация об авторе:

Кочегаров Кирилл Александрович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9877-7381
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Information about the author:

Kirill A. Kochegarow
PhD (History) Senior Research Fellow
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9877-7381
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 51–63

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 51–63

DOI: 10.31857/S0869544X24040053, EDN: WXANPH

Оригинальная статья / Original Article

Положение в Протекторате Богемия и Моравия и в Словакии летом 1944 года

© 2024 г. Е.П. Серапионова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

serapionovae@mail.ru

Аннотация. В статье использованы разнообразные источники информации, поступавшие советским представителям НКВД и хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации, а также опубликованные документы. Автором предпринята попытка реконструировать ситуацию, сложившуюся в Протекторате Богемия и Моравия, а также в Словакии летом 1944 г., а также проанализировать идеи послевоенного устройства Центральной Европы на последнем этапе войны. Хронологический выбор не случаен – это канун мощного национального восстания на территории Словакии (части бывшей Чехословакии), начала вооруженного массового Сопrotивления в стране. На основе изучения источников можно сделать вывод о том, что, несмотря на различные условия, и в Протекторате, и в Словакии к концу лета 1944 г. усилилось движение Сопrotивления и выросли симпатии к СССР и Красной армии. Идеи послевоенного устройства Европы в это время продолжали активно обсуждаться в политических кругах на Западе и внутри страны.

Ключевые слова: Чехословакия, Протекторат Богемия и Моравия, Словакия, Вторая мировая война, идеи послевоенной Европы.

Ссылка для цитирования: *Серапионова Е.П.* Положение в Протекторате Богемия и Моравия и в Словакии летом 1944 года // *Славяноведение*. 2024. № 4. С. 51–63. DOI: 10.31857/S0869544X24040053, EDN: WXANPH

Situation in the Protectorate of Bohemia and Moravia and in Slovakia in summer 1944

© 2024. Elena P. Serapionova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

serapionovae@mail.ru

Abstract. Based on various sources of information received by Soviet representatives of the NKVD and stored in the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, as well as published documents, the author attempts to reconstruct the situation that developed in the Protectorate of Bohemia and Moravia and also in Slovakia in summer

of 1944, and to analyze the ideas of post-war structure of the Central Europe, that were discussed at the last stage of the war. The chronological choice is not accidental – this is the eve of a powerful national uprising on the territory of Slovakia (part of the former Czechoslovakia), the beginning of armed mass Resistance in the country. Based on the study of sources, it can be concluded that, despite different conditions, both in Protectorate and in Slovakia, by the end of summer of 1944, the Resistance Movement intensified and sympathy for the USSR and the Red Army grew. The ideas of the post-war structure of Europe at this time continued to be actively discussed in various political circles in the West and within the country.

Keywords: Czechoslovakia, The Protectorate of Bohemia and Moravia, Slovakia, World war II, ideas of post-war Europe.

For citation: *Elena P. Serapionova. Situation in the Protectorate of Bohemia and Moravia and in Slovakia in summer 1944 // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 4. P. 51–63. DOI: 10.31857/S0869544X24040053, EDN: WXANPH*

Когда речь заходит о военном периоде, то историки прежде всего берутся изучать военные действия, политику и дипломатию, а внутренняя обстановка в странах остается в тени и известна в меньшей степени. Исходя из этого, хотелось бы остановиться как раз на положении внутри Протектората Богемия и Моравия и Словакия, которое сложилось к лету 1944 г. Как известно, Чехословакия распалась 14 марта 1939 г., еще до начала Второй мировой войны. Словакия по требованию Гитлера объявила о национальном суверенитете, а Чешские и моравские земли в качестве Протектората были включены в состав нацистского рейха. Весной-летом 1944 г. ситуация в Протекторате и особенно в Словакии сильно отличалась от положения в 1939 г.¹ Некоторые документы того времени дают возможность проследить то, как современники видели события, какие они строили планы, какие выдвигались идеи послевоенного мира.

К таким источникам относится, например, сообщение одного из членов Польской социалистической партии (ППС), побывавшего в Праге². Он отметил, что чехи жили в условиях, сильно отличавшихся от польских. Они не испытали военной катастрофы и поражения, потеряв независимость «мирными средствами». Условия их существования, несомненно, трудные и полные различных ограничений, невозможно было сопоставить с условиями, в которых жили поляки. Чехи не так часто сталкивались с коллективной ответственностью, массовой охотой за людьми и казнями в концентрационных лагерях. Они не понимали, как это возможно, чтобы человек, уходя на работу, не знал, вернется ли домой. Террор коснулся многих чехов (университетских профессоров, лиц, принимавших участие в антифашистском Сопротивлении, семей и родственников эмигрантов). Но то же самое происходило и в самой Германии. В Протекторате в трамваях, поездах, в местах развлечений, в кино или театрах чехи могли сидеть рядом с немцами. Транспорт работал без ограничений. Все гонения касались лишь цыган, поляков и евреев, которым не разрешалось нигде регистрироваться и получать работу, евреев стали лишать прав на тех же основаниях, что и в Польше³. Чехам напояказ было разрешено сохранить определенные стороны их национальной жизни, как, например, нелимитированный выпуск печатных органов. Они могли, как и до войны, наслаждаться

¹ Подробнее о положении в Протекторате и Словакии в 1939 г. см.: [Серapiroнова 2019, 24–36].

² АВР РФ. Л. 88.

³ Там же. Л. 89.

чтением своих любимых ежедневных газет, хотя, конечно, существовала строгая цензура, и печать в Протекторате, как и в Германии, способствовала пропаганде нацизма. Однако у каждого чеха имелся радиоприемник, и население слушало не только радиопередачи, в которые включались чешская музыка, беседы и пропаганда, но и чехословацкие радиопередачи из Лондона, а чешские спортивные клубы организовывали матчи так же, как и до войны, любители регулярно посещали их по воскресеньям.

Чехи оказались невосприимчивы к идеологической пропаганде. Апеллируя к реализму и здравому смыслу, нацисты требовали от них принятия идеи Великой Германии, но эта пропаганда не имела влияния на массы. Ненависть к немецким захватчикам становилась все большей, а заявления о мести — все более открытыми. Но, по словам представителя ППС, чехи не пострадали в такой мере, как поляки, и их реакция, по его мнению, должна была быть несомненно более слабой и менее радикальной. Он предугадал, что наиболее популярным для чехов после войны станет лозунг изгнания немцев из страны.

В Протекторате практически отсутствовали нелегальные газеты за исключением время от времени появлявшихся коммунистических. Надо сказать, что изменения, по сравнению с довоенными политическими условиями, показались польскому социалисту несущественными. Значительное влияние оказывала республиканская партия аграриев, в тот момент лишенная руководства, которая в 1938/1939 г. предпочла в страхе перед войной сотрудничать с существующим режимом. Аграрная партия и католическая народная партия, которая имела влияние в Центральной Моравии, а также среди интеллигенции и в промышленных кругах, поддерживали тех, кто не возлагал надежды на Советский Союз. В промышленных районах огромное влияние имели социал-демократы (Южная Моравия). Партия Э. Бенеша⁴, и так не очень большая численно, серьезно пострадала из-за арестов. Ее члены крайне отрицательно относились к немцам⁵. Раньше не настроенные решительно на войну до победы, в 1944 г. они в основном полагались на Великобританию и СССР. В виду сильного авторитета Бенеша, влияние на массы национальных социалистов было весьма значительно. Летом 1944 г. совершенно ничего не было слышно о деятельности национальных демократов, которых до своей кончины в 1937 г. возглавлял д-р К. Крамарж⁶.

16 апреля 1944 г. находившиеся в Великобритании представители левых (Р. Бехине, Б. Лаушман) и правых (Ф. Немец, Я. Бечко) социал-демократов приняли совместную декларацию, в которой высказались за единство национально-освободительной борьбы с опорой на Советский Союз и западные демократии, за справедливое решение в освобожденной стране проблемы национальных меньшинств, разнообразие видов собственности, удаление с административных должностей и из армии коллаборационистов, повышение жизненного уровня народа⁷.

По словам польского информатора, чехи высказывались за соглашение с Советской Россией на почве «реалистических настроений», которые, по их мнению, не исключали другой возможности — более тесных отношений с Польшей. Все благоразумные чехи и те, кто интересовались политикой,

⁴ Партия национальных социалистов.

⁵ Там же. Л. 90.

⁶ Первый премьер-министр, депутат Национального собрания и лидер партии национальных демократов.

⁷ АВП РФ. Л. 104–108.

стояли за тесное польско-чехословацкое сотрудничество после войны. Однако они считали, что преждевременно обсуждать детали какого-либо союза или федерации⁸. Э. Бенеш, лондонское правительство Я. Шрамека, а также идея чехословацкого государственного суверенитета воспринимались как крупнейшие «моральные» основы нации, не придавалось никакого практического значения ни чехословацко-советским переговорам, ни наличию чехословацкой дивизии на Восточном фронте. В Протекторате рассуждали так: когда мы выгоним немцев из страны, мы сами все решим.

Между тем в документе отмечено несомненное изменение чешского общественного мнения в пользу СССР. Иногда обида на поляков за нападение в 1938 г.⁹ давала о себе знать, но эти настроения понемногу исчезали в виду того, что борьба с немцами проходила уже на польской границе. В Праге ширилось сочувствие к полякам, так что поляк мог рассчитывать на всестороннюю помощь. В Богемии произошла коренная перемена в общественном мнении, которая сделала возможным чехословацко-польское сотрудничество. Спорный вопрос о чешско-польских границах автор донесения не считал особо важным, по его мнению, он не должен был стать препятствием урегулированию чехословацко-польских отношений¹⁰. В Праге понимали, что в послевоенной организации Центральной Европы спор о границах не мог расколоть две нации, которые зависели одна от другой.

Еще один польский информатор, долгое время живший в Чехии и хорошо знакомый с положением в Протекторате, подчеркивал, что чешское общественное мнение настроено антинемецки, за исключением небольшой группы чешских гитлеровцев, членов ассоциации «Vlajka» («Знамя»), и «отдельных лиц такого сорта», как министр просвещения Э. Моравец, которых все считали предателями национального дела¹¹. Чехи отказывались даже допустить возможность любой политической конвенции, основанной на сотрудничестве с немцами, а когда обсуждались вопросы, связанные с отношением к полякам, они всегда выражали опасения, что Польша может согласиться на какую-либо форму такого взаимодействия¹².

С любой, даже малейшей попыткой германизации чехи вели отчаянную борьбу. На практике немцев ставили во главе всех главных административных и промышленных учреждений, но делали это закулисно, так, что формально чехи оставались у руководства. Вся общественность в стране морально поддерживала чешский административный аппарат во главе с Э. Гахой, несмотря на то что чешские власти в Лондоне постоянно подвергали критике его самого и его администрацию. В стране же правительство Протектората считали чешским органом, перед которым стоит трудная задача ослабления давления германизации и которое вынуждено исполнять немецкие требования.

⁸ В Лондоне между чехословацким и польским эмигрантскими правительствами при посредничестве Великобритании в 1940–1942 гг. велись переговоры о создании после войны конфедерации, заключались соглашения. Подробнее см.: [Серapiroнова 1983, 24–36; 1984, 20–38; Borodovčák 1982, 26–57].

⁹ Сразу после Мюнхенского договора польский министр Ю. Бек отправил Чехословакии ноту с требованием передачи всего Тешинского района, на что Э. Бенеш был вынужден согласиться. Это дает определенные основания считать Польшу участницей мюнхенского раздела ЧСР. См. [Филитов].

¹⁰ На самом деле этот «не особо важный» территориальный спор о границах удалось решить лишь в конце 1950-х годов и то под нажимом СССР. См. подробнее: [Волокитина 2019, 146–174; Friedl 2005, 123–133].

¹¹ АВР РФ. Л. 90.

¹² Там же. Л. 91.

Как только Бенеш уехал в 1938 г. в США, доверие к нему начало падать. Позднее его авторитет постепенно восстанавливался, и к лету 1944 г. его популярность достигла пика. Фактором, который больше всего способствовал этому являлось подписание чехословацко-советского договора о дружбе и послевоенном сотрудничестве¹³ [Марьина 2013, 355–356] а также, как считал польский информатор, то обстоятельство, что это соглашение было подписано с одобрения Лондона и Вашингтона. Бенеш пользовался поддержкой не только собственной партии национальных социалистов, но также многих аграриев и социал-демократов. Словак, аграрий М. Годжа (премьер-министр ЧСР в 1938 г.), который резко критиковал Бенеша в США и которого поддерживал бывший чехословацкий посол в Париже, также словак, Ш. Осуский, потерял значительную часть популярности в стране, где считали, что он наносит большой вред национальному единству. Что касается внешней политики, Бенеш несомненно представлял политическое направление, которое одобрялось всеми чешскими патриотическими группами. В донесении отмечалось, что, за исключением коммунистов, он являлся «диктатором сердец в Чехии»¹⁴.

Под влиянием дипломатических успехов Бенеша определенные круги Богемии не только обсуждали вопрос о сохранении бывших довоенных территорий республики, включая Тешинский район, но также и проблему включения значительных районов венгерской территории на основе словацких этнографических претензий на них¹⁵. При этом они допускали возможную уступку Подкарпатской Руси СССР, для того чтобы добиться с ним общей границы. По мнению польского информатора, чехам не удалось до конца понять словацкую проблему. Они хотели бы, чтобы немцы лишили Словацкое государство независимости, и это навсегда отдалило бы словаков от Германии. Большинство же чехов, традиционно относившихся к словакам свысока, при общении с ними не могли не заметить, что для словака идея возвращения в довоенную Чехословакию также была неприемлема, как и включение Словакии в Венгрию или Польшу. В сообщении подчеркивалось, что идея совместного государства чехов и словаков как двух свободных наций могла бы лишь насильно быть навязана чехословацкому обществу каким-либо мощным авторитетом. Легко предположить, что им мог бы стать СССР.

Весьма подробно второй польский информатор описал и чехословацко-польские отношения. Безусловно, можно согласиться с его мнением, что эти отношения никогда не были сердечными или основанными на доверии. Начиная с ранних стадий пробуждения национального самосознания, т.е. с середины XIX в., чехи привыкли считать Россию главным защитником славянства от немецкого вторжения, они полагали, что борьба поляков с Россией представляла собой самое серьезное препятствие к любому объединению славянства. При немецкой оккупации чехи предъявили полякам новое обвинение в том, что Польша приняла участие в расчленении Чехословакии в 1938 г., и более того, они считали, что союз между Польшей и Германией являлся предательством всего славянства. Радикальная перемена настроений произошла в результате кампании 1939 г. и обороны Варшавы, которая произвела огромное впечатление на чехов и воспринималась ими как «героическая легенда».

Поэтому первые сообщения из Лондона о планах создания после войны польско-чехословацкой федерации были восприняты очень благосклонно.

¹³ Договор подписан 12 декабря 1943 г. в Москве. ДМИСЧО. С. 394–396.

¹⁴ АВП РФ. Л. 91.

¹⁵ Там же. Л. 92.

Начались дискуссии о практическом значении объединения, главным образом в военном и экономическом отношении. Чехи пытались устанавливать связи с поляками, главным образом в промышленности и торговле.

Однако катынское дело изменило отношение чехов. Как и Бенеш, чешское общественное мнение считало, что главным принципом чешской внешней политики должен стать принцип абсолютно корректных отношений с СССР. Чехи продолжали одобрять идею сильной и независимой Польши, но в пределах своих «этнографических границ»¹⁶. Чехи не сомневались в том, что победоносная Россия за то, что именно она вынесла основное бремя войны, должна получить в качестве вознаграждения территории, на которых большинство населения составляют украинцы и белорусы. Это, как им казалось, позволит ликвидировать опасность разрушения СССР украинскими националистами. В документе указывалось, что сохранение национализма вне границ Советского Союза было бы равнозначно подготовке украинского Пьемонта.

Чехи считали независимость Польши гарантией независимости Богемии и того, что СССР не попытается совершить военную или политическую агрессию в Европе, как это сделал Гитлер.

Лондонское чехословацкое правительство в изгнании уже получило признание, и советское руководство, как уже отмечалось, в декабре 1943 г. заключило с ним договор о сотрудничестве в борьбе против гитлеровской Германии. Во все еще разделенной стране развивалось движение Сопrotивления в составе различных групп и политических направлений.

Информация о положении в Протекторате Богемия и Моравия и Словакии содержится и в донесениях, поступавших из посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне в НКВД. В частности, 4 июля 1944 г. советник посольства, посланник 2-го класса В.А. Вальков направил заведующему IV Европейским отделом НКВД Союза ССР тов. В.А. Зорину политический доклад¹⁷, в котором обрисовывал ситуацию в Чехословакии, подготовленный на основе разных донесений, в том числе поступивших чехословацкому эмигрантскому правительству. В нем указывалось, что наступление на Западном и Восточном фронтах и вступление советских войск на территорию Чехословакии вызывают «глубокое удовлетворение и надежды на скорый конец войны»¹⁸. Немецкое производство переводилось в протекторат (так как Германию сильно бомбили), туда же стягивались немецкие войска. Немцы начали предпринимать дополнительные меры охраны (она в основном состояла из гитлерюгенд) лагерей военнопленных британцев и американцев, опасаясь парашютистов. После покушения на Гейдриха начались массовые репрессии в отношении чехов. Летом 1944 г., как говорилось в документе, чехи больше готовились к решительному сражению, чем проводили акты саботажа, однако немцы были уверены, что в конце концов «от чехов они получают удары тяжелее, чем от югославов».

Хотя, конечно же, саботаж и подрывные действия продолжались. Автор доклада привел в пример взрывы на фабрике по производству ручных гранат в Бойковице и на заводе по производству авиабомб в Богуславице¹⁹, а также организованное в Яблонне столкновение железнодорожных составов, в результате которого сгорели девять вагонов с маслом и 20 цистерн с нефтью, было повреждено железнодорожное полотно, а движение приостановлено

¹⁶ Там же. Л. 93.

¹⁷ АВР РФ. Л. 74–84.

¹⁸ Там же. Л. 75.

¹⁹ Там же. Л. 76.

на сутки. Немцы тщательно готовились к обороне Германии, включая Протекторат, предполагая в случае отступления взорвать большинство предприятий и сооружений.

В документе излагались сведения, полученные от деятелей Сопротивления, действовавших в Протекторате. Группа Сопротивления № 4 из Богемии сообщала, что применение магнитных мин, заложенных в Дунае, оказалось успешным, передвижение войск задержано на 3–4 недели. Группа Сопротивления № 1 прислала донесение о положении в Богемии. Интерес населения в основном был сосредоточен на Италии и «Русском фронте», поскольку там с успехом развивалось наступление. Немцы вели пропаганду нового оружия «Мщение 1», но народ Богемии принимал это холодно. Начались новые аресты чехов, особенно коммунистов. Массовые аресты прошли в южной Богемии. Группа Сопротивления № 2 доносила через нейтральную страну, что в день высадки союзников в Праге было арестовано 1000 чел. Группа Сопротивления № 3 в Восточной Богемии сообщала о продолжавшихся арестах в Моравии и начале преследования лиц, которых обвиняли в членстве в национальных комитетах, организованных по указке из Лондона.

Группа Сопротивления № 1 передала, что во всех крупных городах Богемии поспешно сооружаются бомбоубежища, а также строятся бетонированные резервуары для воды, главным образом в парках. Президент Э. Гаха серьезно болен. Говорили, что его преемник должен быть назначен в том же году, среди кандидатов называли В. Мастного, Ф. Хвалковского и председателя Антибольшевистской лиги профессора Драховского.

В школах занятия проходили лишь 18 часов в неделю, из них четыре часа отводились немецкому языку и три часа чешскому. Ученики, занимавшиеся географией в основных школах, знали о Германии больше, чем о протекторате.

Группа Сопротивления № 4 сообщила, что в Богемии в результате бомбардировки Моста норму заправки для автомобилей вынуждены сократить в десять раз. Поэтому завод «Шкода» может использовать только десятую часть своих автомобилей. Там обнаружился недостаток хрома и других специальных металлов. Участились простои и задержки производства. В остальном «Шкоду» удовлетворительно снабжали сталью и цветными металлами. Поставки задерживались из-за перебоев с транспортом. Паровозов не хватало. Особенно затруднен был подвоз из районов Рейна.

Отряды чешской полиции перебрасывались в различные районы на самолетах и насчитывали 150 тыс. Они имели французскую форму со знаком «Протекторат Богемия унд Маарен лүфтштүцполицай» на рукаве. Некоторые части располагавшиеся в Германии в районах, подвергшихся бомбардировке, понесли большие потери. Их набирали среди фабричных рабочих (около 5% тех, кто не был занят непосредственно в военной промышленности), других брали из частных фирм, особенно мелких торговцев и ремесленников, большинство из них холостые. Возраст 18–45 лет.

Армия правительства Протектората охраняла линии коммуникаций между Моравией и Богемией. Там имелись два батальона. Следуя пословице «Мы не германизируем, мы колонизируем», немцы поселили немецких крестьян, главным образом из Бессарабии, в деревне Миловице и других, где хозяйства чехов были конфискованы под различными незначительными предлогами.

Переброска предприятий немецкой промышленности в протекторат из самой Германии продолжилась. Производство разбрасывалось главным образом по сельской местности в соответствии с политикой децентрализации. Мачник,

бывший министр национальной обороны и член аграрной партии был приговорен к смерти 28 февраля 1944 г., так же как и генерал Достал.

Нейтральный источник сообщил, что тысячи немецких крестьянских семей, которые до этого были отправлены в качестве колонистов на Украину, эвакуируются обратно через Румынию и Болгарию. Они возвращались как цыгане на поломанных телегах, оборванные, худые, явно недовольные гитлеровским планом завоевания, апатично тянулись по дорогам рядом с телегами, в которые запряжены худые лошади, вся их собственность заключалась в одной или двух худых коровах или овцах, которые следовали за телегами. Немецкая армия организовывала для них останки и давала им продовольствие в дорогу²⁰.

Что касается Словакии, то в уже упоминавшемся докладе В.А. Валькова сообщалось²¹, что большинство словацкой армии находилось в оппозиции к немцам и было настроено в пользу Чехословацкой республики. Словацкие солдаты и офицеры оставались дисциплинированными и слушались команд. Немцы вели себя сдержанно, но требовали удаления евреев в концентрационные лагеря как враждебных элементов. Положение с продовольствием в Словакии для военного времени считалось хорошим. Тяжело с продуктами было в 1942 г., затем снабжение улучшилось. Снизились цены на черном рынке²². Транспорт в Словакии находился в относительном порядке. Экономическое положение словацкого государства характеризовалось в докладе в целом как неплохое. Военные условия позволили улучшить торговлю Словакии с нейтральными странами, такими как Швейцария, Швеция и Турция. Легкая промышленность работала без перебоев, но на искусственном сырье, тяжелая же промышленность находилась в руках немцев. Банк Словакии назывался бастионом чехословацкой идеи, но Татра банк был в руках у А. Маха, командира глинковской гвардии²³.

Немецкий Генеральный штаб затребовал еще 12 пехотных батальонов в качестве рабочих бригад во вторую линию на Восточном фронте, а затем еще четыре. Техническая бригада в Италии должна была увеличиться с 4 тыс. до 6 тыс.²⁴ Еще 6 тыс. словаков находились в Румынии. Словацко-немецкий комитет с начала мая заседал сначала в Вене, затем в Братиславе, с тем чтобы договориться об увеличении поставок из Словакии в Германию жизненно важных продуктов.

Евреев из Словакии отправляли в Венгрию, а затем в Подкарпатскую Русь и Польшу для работы на строительстве оборонительных сооружений в Карпатах.

С самого начала войны политики стали задумываться над ее причинами и возможностью в дальнейшем предотвратить повторение мирового конфликта, и разрабатывали проекты будущего послевоенного европейского устройства. Идея нежизнеспособности малых стран, подтвержденная на практике их распадом, поражением, оккупацией в результате внешней агрессии, вела к мысли о необходимости объединения стран в европейскую федерацию или конфедерацию. Рассматривались планы греко-югославского, польско-чехословацкого объединений. По поводу последнего при посредничестве Великобритании между эмигрантскими правительствами, как уже говорилось, велись переговоры и даже заключались соглашения. Эти же идеи явились предметом

²⁰ Там же. Л. 158–159.

²¹ Там же. Л. 79.

²² Там же. Л. 81.

²³ Там же. Л. 82.

²⁴ Там же. Л. 83.

обсуждения на собрании Чешско-польско-словацкого клуба в Лондоне 30 мая 1944 г. Запись хода собрания подписал некто Д. Рот, а направил в IV Европейский отдел НКВД 1-й секретарь посольства Э. Фабриков²⁵.

Собрание состоялось 30 мая 1944 г. в помещении клуба «Бялы Оржел». Профессор В. Вельгорский выступил за единство Центральной Европы. Присутствовали 45 человек, завсегдаев клуба. До него выступил майор Левицкий и рассказал о проектах создания западноевропейского блока с Бельгией, Голландией, Норвегией и др., но этот проект не нашел отклика. Затем говорилось о планах Великобритании создать латинский блок, в который должны были войти: Португалия, союзник Англии, Италия, где была сохранена савойская монархия и установлено сотрудничество с Бадииолио, Испания, о нейтралитете которой заявил У. Черчилль. Французский комитет не годился для этого блока — он представлялся слишком левым, и вероятно поэтому Великобритания не хотела признавать его в качестве французского правительства.

Вельгорский подробно остановился на экономических проблемах Центральной Европы, о которой говорил как об единой группе стран, одном блоке. При чем он включил в эту группу Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию, Югославию, Болгарию, Грецию. Вельгорский особо подчеркнул необходимость отделения от Германии Восточной Пруссии и всей Силезии, чтобы, с одной стороны, не допустить в будущем немецкого господства и немецкой агрессии, а с другой стороны, предоставлением этих богатых промышленных и сельскохозяйственных центров народам Центральной Европы способствовать их экономическому развитию и усилить их обороноспособность. Антисоветская позиция Вельгорского полностью проявилась в его «прогнозах» в отношении политики СССР. Пропагандистская война и «фейки» использовались и в то время.

Вельгорский считал, что война между Германией и СССР идет лишь за власть над Центральной Европой. Какова судьба народов Европы под немецким господством, видно было из опыта этих народов под немецкой оккупацией. Еще большая опасность, предупреждал он, угрожает народам Центральной Европы со стороны СССР.

Со ссылкой на турецкие источники он утверждал, что русские потеряли в войне 15–16 млн чел. на фронте и 25 млн в тылу от голода и болезней. Это, по его мнению, указывало на то, каким будет отношение русских к народам Центральной Европы: таким, как татары смотрели на нее в XIV ст. Им нужна будет рабочая сила и они захватят ее, завезут далеко на восток в качестве рабов. С другой стороны, русские смотрят на Центральную Европу как на объект советизации. Чтобы спасти от гибели ее цивилизацию, надо объединить все народы Центральной Европы, — делал вывод польский профессор.

Один из присутствовавших спросил Вельгорского откуда у него данные о потерях и сколько было вообще мобилизовано в СССР. Вельгорский ответил, что не знает, из каких источников сведения, но он им доверяет. По его словам, всего было отмобилизовано 25–27 млн вместе с женщинами и юношами. Плюс имелось еще 1,5 млн отборных войск НКВД, но русские отправить их на фронт не могут, боясь восстания русского «страдающего и голодающего» народа в тылу. При этом Вельгорский сослался на речь первого секретаря ЦК КПУ, председателя СНК УССР Н.С. Хрущева, который якобы говорил о трех проблемах, стоящих перед СССР — паралич транспорта, жизненный уровень (т.е. голод)

²⁵ Там же. Л. 84–86.

и бонапартизм армии. Один из чехов (Карл Лохер, известный авантюрист, гай-донец²⁶, польский агент, сотрудник западнославянского бюллетеня, издаваемого поляками в 1941–1942 гг., активный работник Чешско-польско-словацкого клуба, выдавал себя за вице-председателя клуба) поддержал выступавшего.

Используя донесения от группы Сопrotивления в Словакии, 14 июля 1944 г. посол при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедев так описал первому заместителю наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому ситуацию в Словакии. После немецких поражений на Восточном фронте отношение «людей режима» к немцам «намного остыло». Под влиянием наступления Красной армии все настолько изменилось, что только Тидл Гашпар²⁷ пользовался доверием немцев. Все правительственные круги в Братиславе оправдывали свою предшествующую непатриотическую деятельность тем, что они хотели спасти Словакию от ужасных условий, которые существовали в Протекторате, указывая при этом на относительное экономическое процветание Словакии. Этим занималась правительственная группа, близкая к президенту Словакии Й. Тисо. Те члены правительства, которые поддерживали премьер-министра и министра иностранных дел В. Туку, возглавлявшего радикальное крыло Словацкой национальной партии и полностью ориентировавшегося на Германию, потеряли почву под ногами и их влияние стало незначительным²⁸. Информатор Лебедева считал, что если все те лица, кто на тот момент и были настроены против немцев, то лишь постольку, поскольку это не вело к конфликтам с ними, им это ничем не грозило. Они, конечно, ничего бы не предприняли, если бы не оккупация Словакии²⁹, просто хотят обеспечить себе алиби и, кроме того, пытаются сохранить *status quo* до конца войны. Многие лица отказывались от выгодного экономического положения лишь для того, чтобы иметь возможность затем доказать, что они не сотрудничали с режимом по корыстным причинам. Некоторые из них пытались связаться с лицами, которые подвергались преследованиям за то, что выступали за объединенную Чехословакию, другие — с коммунистами, а третьи — с теми лицами, которые, по их мнению, могли быть связаны с Лондоном. Они были уверены, что Германия проиграла и ее политика потерпела провал.

Настроение среди масс оставалось в основном неизменным. Люди сопротивлялись немцам и существовавшему режиму. Подпольное движение Сопrotивления все еще находилось под влиянием прежнего политического устройства Чехословацкой республики. Оно было разделено и организовано в рамках старых политических партий.

В армии рядовые, старшинский состав и молодые офицеры выступали за Чехословацкую республику. Со времен Сталинграда лишь единицы высших офицеров сохраняли пронемецкий настрой. Большинство офицеров в тот момент продолжали считать себя военнослужащими Чехословацкой армии. Но командир словацкой Быстрой дивизии генерал Й. Туранец являлся ярким

²⁶ Радол Гайда (1892–1948) — чехословацкий военачальник, политик, бывший легионер, генерал-лейтенант, депутат парламента, в 1927 г. избран главой Фашистской национальной лиги, выступавший с чешских националистических позиций против немцев и евреев, после оккупации ушел из политики, поддерживал Сопrotивление.

²⁷ Тидо Гашпар (1893–1972) — словацкий политик, идеолог, сторонник союза с нацистской Германией, начальник Управления пропаганды Словацкой республики, писатель, драматург, журналист.

²⁸ АВР РФ. Л. 154.

²⁹ 29 августа 1944 г. в Словакию были введены войска вермахта, что послужило причиной начала Словацкого национального восстания.

германофилом и соглашался на все требования немцев. Министр национальной обороны генерал Ф. Чатлош официально сохранял верность режиму, хотя даже про него говорили, что он строил планы против немцев.

Армия в Словакии насчитывала в то время 60 000 человек. Из них около 30 000 находились в двух дивизиях на Восточном фронте. В марте еще 1300 человек отослали в трудовые лагеря в Италию. Министерство национальной обороны в основном было эвакуировано в Банску-Бистрицу.

Словацкая жандармерия, согласно донесению В. Лебедева, также была настроена против тисовского режима и немцев. Многие жандармы помогали партизанам и группам Сопротивления. Положение в словацкой полиции было сходным, около 75% полиции желало восстановления Чехословакии³⁰.

По сообщению словацкого чиновника в нейтральной стране, в результате военных действий практически совершенно был разрушен нефтеочистительный завод, пожар на нем продолжался три дня. В убежище погибли 200 чел. Поврежден замок, принадлежавший Туке, северо-западный музей и вход во дворец президента.

По сообщению группы Сопротивления в Словакии, очистительный завод «Апполо» был полностью выведен из строя. Зимний порт совершенно разрушен, потоплено в порту 12 пароходов, из них семь танкеров, два из которых были немецкие, пароход «Штур», серьезно повреждены верфи, сгорели склады. Уничтожено на складах 1250 немецких грузовиков и автомобилей. Бомбы попали в министерство транспорта, кафе «Музей», бараки на Дунайской улице и 20 домов в различных частях города. Организация противовоздушной обороны распалась совершенно. Из 800 рабочих завода «Апполо» убиты 250, 506 ранены, из них 50 умерли. Ворота были закрыты после сигнала тревоги, и ответственность за гибель людей возлагали на правительство.

Все больше словаков, служивших в венгерской армии, и даже венгров дезертировали и возвращались в Словакию главным образом через Кошице. В Восточной Словакии в тот момент не было ни немецких, ни венгерских частей.

30 июля 1944 г. Лебедев, основываясь на сообщениях группы Сопротивления в стране, доложил Вышинскому о положении в Чехии и Словакии: «Гаху ненавидят в сельских частях Богемии. Бенеш пользуется доверием всей нации. Все любят армию за границей. Радиопередачи из Лондона чехи слушали даже группами, хотя это опасно. Вся нация сопротивлялась, но выражалось это в медленном темпе работы. Народ считал, что ни одному немцу не должно быть разрешено остаться в Чехословакии. Президент Бенеш никогда не пользовался такой симпатией и не имел так много сторонников, как теперь. Если бы не Гаха, чехов бы посылали на фронт. Судетские немцы вели себя жестоко и грубо по отношению к чехам»³¹.

Начались бомбардировки в Словакии. Жизнь изменилась с началом воздушных налетов на Братиславу. Люди нервничали, в некоторых местах имели место паника и беспорядки. Производительность труда на заводах и в учреждениях упала на 50%. Атаки с воздуха заставляли население искать укрытие в полях. Количество жителей Братиславы сократилось наполовину. Туда не хотели ехать на работу. Люди не выполняли приказы немцев и полиции, касавшихся воздушных налетов. При первом налете погибли 711 человек. 156 бомб упало на город и 31 вне города³².

³⁰ АВП РФ. Л. 155–156.

³¹ АВП РФ. Л. 130.

³² Там же. Л. 131–132.

Украинский штаб партизанского движения в середине августа информировал лидера Заграничного руководства КПЧ К. Готвальда, что «в словацких воинских частях разучивают советский гимн», «среди словацкого народа и в армии проявляются антинемецкие настроения»³³.

Сравнивая донесения из разных источников, можно сделать вывод, что к концу лета 1944 г., несмотря на различные условия в отдельных частях разделенной Чехословакии, движение Сопrotивления как в Протекторате, так и в Словакии усилилось. И это было связано с продвижением на запад Красной армии, отступлением и поражениями Германии, в победу которой верилось все меньше. При этом формы Сопrotивления существенно различались. Если в Протекторате преобладали пассивные формы, то в Словакии разворачивалось партизанское движение, в том числе во многом благодаря подписанию советско-чехословацкого договора 1943 г., переговорам о помощи готовившемуся Словацкому восстанию [Марьина 2009, 188–192] и достигнутому соглашению. В день начала СНВ министр иностранных дел Чехословакии Я. Масарик направил послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру депешу с указанием немедленно обратиться к советскому правительству за помощью СНВ³⁴. И большая помощь оружием, боеприпасами была оказана. Также осуществлялась переброска в Словакию новых партизанских отрядов и групп, были изменены стратегические планы и в ускоренном порядке подготовлена Восточно-Карпатская операция по прорыву и соединению с повстанческой армией и партизанами³⁵. Тщательно отслеживало советское посольство при союзных правительствах развитие ситуации в Словакии после начала восстания, но это уже тема для другой статьи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
 ДМИСЧО – Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
 КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии
 НКВД – Народный комиссариат по иностранным делам
 ППС – Польская социалистическая партия
 СНВ – Словацкое национальное восстание
 СНК СССР – Совет народных комиссаров Украинской советской социалистической республики
 ЦК КПУ – Центральный комитет Коммунистической партии Украины

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АВП РФ. Ф. 0138 Референтура по Чехословакии Оп. 25в. Д. 44. Папка 158 Словакия.
 ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. М.: Наука, 1983. 472 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волокитина Т. В. Борьба за Тешин. Территориально-пограничный вопрос в межгосударственных отношениях Чехословакии и Польши // Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки. Научное издание (Памяти Л. С. Лыкошиной). СПб.: Нестор-история, 2019. С. 146–174.
Марьина В. В. Советский союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945. М.: Индик, 2009. Кн. 2. 1941–1945. 432 с.

³³ ДМИСЧО. С. 105.

³⁴ Там же. С. 117.

³⁵ Там же. С. 124–125.

- Марьина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 488 с.
- Серापionoва Е.П. Проекты создания послевоенной чехословацко-польской конфедерации (1939–1941) // Советское славяноведение. М., 1983. № 3. С. 24–36.
- Серापionoва Е.П. Провал планов создания чехословацко-польской конфедерации (1941–1943) // Советское славяноведение. М., 1984. № 3. С. 20–38.
- Серापionoва Е.П. События 1939 года в чехословацкой истории по материалам НКВД // Славяноведение. 2019. № 5. С. 24–36.
- Филитов А.М. Мюнхенский сговор: историческая реальность и современные оценки. URL: <https://www.prlib.ru> (дата обращения 13.11.2023).
- Borodovčák V. *Polský národ a národy Československa na dejinnej križovatke (1939–1948)*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1982. 252 s.
- Friedl J. K odrazu československo-polského sporu o Tešínsko v druhém československém zahraničním odboji // *Národnostní otázka v Polsku a Československu v meziválečném období*. Praha: Masarykův ústav AV ČR, Institut Historii ÚO, Historický ústav AV ČR, 2005. S. 123–133.

Рукопись поступила в редакцию 14.11.2023 г.

Рукопись принята к печати 04.12.2023 г.

REFERENCES

- Borodovčák V. *Polský národ a národy Československa na dejinnej križovatke (1939–1948)*. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1982, 252 p.
- Filitov A.M. *Miunkhenskii sgovor: istoricheskaia real'nost' i sovremennyye otsenki*. URL: <https://www.prlib.ru> (data obrashcheniia 13.11.2023). (In Russ.).
- Friedl J. K odrazu československo-polského sporu o Tešínsko v druhém československém zahraničním odboji. *Národnostní otázka v Polsku a Československu v meziválečném období*. Praha, Masarykův ústav AV ČR Publ., Institut Historii ÚO Publ., Historický ústav AV ČR Publ., 2005, pp. 123–133.
- Mar'jina V.V. *Sovetskii soiuz i chekho-slovatskii vopros vo vremia Vtoroi mirovoi voiny. 1939–1945. Kniga 2. 1941–1945*. Moscow, Indrik Publ., 2009, kn. 2, 432 p. (In Russ.).
- Mar'jina V.V. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek. 1884–1948*. Moscow, Indrik Publ., 2013, 488 p. (In Russ.).
- Serapionova E.P. *Projekty sozdaniia poslevojennoi chekhoslovatsko-pol'skoi konfederatsii (1939–1941)*. *Sovetskoye slavianovedeniye*. Moscow, 1983, no. 3, pp. 24–36. (In Russ.).
- Serapionova E.P. *Proval planov sozdaniia chekhoslovatsko-pol'skoi konfederatsii (1941–1943)*. *Sovetskoye slavianovedeniye*. Moscow, 1984, no. 3, pp. 20–38. (In Russ.).
- Serapionova E.P. *Sobytiia 1939 goda v chekhoslovatskoi istorii po materialam NKID*. *Slavianovedeniye*, 2019, no. 5, pp. 24–36. (In Russ.).
- Volokitina T.V. *Bor'ba za Teshin. Territorial'no-pogranichnyi vopros v mezghosudarstvennykh otноsheniakh Chekhoslovakii i Pol'shi. Moskva i Vostochnaia Jevropa. Natsional'no-territorial'nyye problemy i polozenije men'shinstv v stranakh regiona. Sobytiia. Fakty. Otsenki*. Nauchnoje izdaniye (Pamiati L.S. Lykoshinoy). St. Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2019, pp.146–174. (In Russ.)

Received on 14.11.2023.

Accepted on 04.12.2023.

Информация об авторе:

Серापionoва Елена Павловна
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0269-140X
E-mail: serapionovae@mail.ru

Information about the author:

Elena P. Serapionova
DSc. (History),
Head of the Department
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0269-140X
E-mail: serapionovae@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 64–79

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 64–79

DOI: 10.31857/S0869544X24040063, EDN: WWSHGP

Оригинальная статья / Original Article

Функционально-стилистическая эквивалентность при передаче кодовых переключений (на материале русских глаголов в польской «Версии R» романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин»)

© 2024 г. О.А. Остапчук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

ostapczuk@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/> на англ.

Аннотация. Предметом анализа в статье являются глаголы, представляющие собой однословные русскоязычные включения в одной из польских версий перевода романа Э. Бёрджесса «*Mechaniczna pomarańcza. Wersja R*» (1999) авторства Р. Стиллера. Русский язык сознательно используется переводчиком для конструирования особого «сленга» *Nadsat* в его польской версии с целью придания тексту соответствующей экспрессивной окраски в рамках игровой поэтики. Из прилагаемого к переводу «Словарика непонятных слов» объемом в 1000 единиц нами было отобрано 117 глаголов, представляющих собой кодовые переключения или другие контактные явления гибридного характера. Анализ призван выявить функционально-стилистическую эквивалентность польского перевода при использовании стратегий внедрения русизмов в польский текст на формальном, семантическом и коммуникативном уровнях. Глагольные лексемы русского происхождения классифицируются в зависимости от стратегии включения русизма в текст, а также степени и уровня его адаптации.

Ключевые слова: перевод, Э. Бёрджесс, польский язык, функциональная эквивалентность, переключение кодов, смешение кодов, русизм, заимствованный глагол.

Ссылка для цитирования: *Остапчук О.А.* Функционально-стилистическая эквивалентность при передаче кодовых переключений (на материале глаголов в польской «Версии R» романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин») // Славяноведение. 2024. № 4 С. 64–79. DOI: 10.31857/S0869544X24040063, EDN: WWSHGP

Functional and Stylistic Equivalence by Translating the Facts of Code-Switching (on the Material of Russian Verbs in the Polish «Version R» of A. Burgess' Novel «A Clockwork Orange»)

© 2024. Oxana A. Ostapchuk

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

ostapczuk@yandex.ru

The study was carried out with the support of grant from the Russian Scientific Foundation, the project № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian verb inclusions in one of the Polish versions of the translation of A. Burgess's novel «A Clockwork Orange» under the title «Mechaniczna pomarańcza. Wersja R» (1999) by R. Stiller. The Russian language is deliberately used by the translator to construct a special «slang» Nadsat in its Polish version in order to give the text an appropriate expressiveness within the language play. 117 verbs selected from the 1,000-item Dictionary of «Unintelligible Words» accompanying the translation represent Russian-Polish code-switchings and other hybrid contact phenomena. The analysis is intended to reveal the functional and stylistic equivalence of the translator's strategies of introducing Russian verbal borrowings in the Polish text on the formal, semantic and communicative levels. Verbal borrowings of Russian origin are classified depending on the strategy of their incorporating into the text, as well as the degree and level of its adaptation.

Keywords: translation, A. Burgess, Polish, functional equivalence, code-switching, code-mixing, Russian borrowing, verbal borrowing.

For citation: Oxana A. Ostapchuk. Functional and Stylistic Equivalence by Translating the Facts of Code-Switching (on the Material of Russian Verbs in the Polish «Version R» of A. Burgess' Novel «A Clockwork Orange») // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 64–79. DOI: 10.31857/S0869544X24040063, EDN: WWSHGP

Язык романа Э. Бёрджесса неоднократно привлекал внимание исследователей. Так, М.В. Окс, анализируя «сленг» *Nadsat* (от русского *-нациатъ*, аналогичного английскому *-teen*) с использованием лексем, образованных от русских корней, рассматривает его как языковой эксперимент, являющийся частью игровой поэтики и стилистики [Окс 2006]. В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на трудности, возникающие при переводе вымышленного языка, созданного Э. Бёрджессом с использованием практики переключения и смешения кодов на базе русского языка. Существует несколько стратегий при работе переводчика с такими иноязычными включениями. Так, в отечественном переводоведении активно обсуждается эквивалентность различных версий перевода романа на русский язык (в частности, В. Бошняк¹ и Е. Синельщикова) с точки зрения воспроизведения в них нетипичной для английского языка формы и содержания языковых единиц, а также сохранения экспрессивной и эстетической (игровой) функции окказиональных авторских образований [Паутова 2019].

Установление отношений эквивалентности между оригиналом и переводом в этих обстоятельствах происходит одновременно на нескольких уровнях. Автор многочисленных исследований по сопоставительному анализу грамматического строя близкородственных языков А.Г. Широкова отмечала, что «лингвистика перевода является надстройкой над сравнительно-сопоставительным языкознанием». При оценке параметров адекватности переводных соответствий она призывала не ограничиваться поиском узальных функционально-семантических эквивалентов, подчеркивая, что «при установлении функциональной эквивалентности необходимо также принимать во внимание коммуникативную эквивалентность текста» [Широкова 1998, 55] на уровне грамматико-контекстуальных текстовых комплексов, считая «необходимым

¹ Бёрджесс 1991.

критерием подлинной эквивалентности» также «стилистическую адекватность сопоставляемых единиц» [Там же, 57].

Ситуация в данном случае осложняется тем, что мы имеем дело с особой формой индивидуального двуязычия, а именно с литературно-художественным билингвизмом, являющимся результатом сознательной интеллектуальной и творческой деятельности [Герд 2005, 35–37]. Контактные явления, в том числе переключение и смешение кодов, носящие в практике неформальной (устной) коммуникации неосознанный характер и преследующие прежде всего коммуникативные цели, в литературном творчестве могут использоваться — как в данном случае — сознательно с целью создания дополнительных семантических, эмоционально-экспрессивных и/или стилистических коннотаций². Выбор выразительных средств, происходящих из разных языков, для автора литературного высказывания является не только средством достижения определенного эстетического (или, как в случае с Э. Бёрджессом, игрового и сатирического) эффекта, но в определенной степени отражает его собственную языковую и коммуникативную компетенцию. Автор расширяет набор выразительных средств за счет использования возможностей сразу нескольких языков, при этом демонстрируя не только собственные способности продуцирования текста с опорой на разные языки, но в определенном смысле (сознательно или невольно) ограничивая также круг своих читателей, поскольку предполагается, что они смогут понять (декодировать) и оценить произведение, в котором использованы несколько языковых кодов. Таким образом, текст реализует не только задачу своеобразного игрового «остранения», но и создает некую общность «посвященных», как это происходит при использовании в коммуникации любого языкового идиома, ориентированного на «своих», тех, кто владеет собственным кодом (таким как сленг, жаргон, тайный язык и под., ср. [Окс 2006]). Неслучайно исследовательница польских переводов Э. Бёрджесса А. Гинтер особо подчеркивает роль сленга как третьего кода, используемого автором в рамках логики языковой игры и оказывающего серьезное влияние на работу переводчика по поиску стилистически и функционально адекватных средств образности [Ginter 2003].

Сознательное использование автором элементов нескольких языков при создании текста является важным стимулом, активизирующим восприятие читателя, который таким образом становится равноправным участником языковой игры. В текстах, построенных по ее законам, экспрессивный эффект достигается, в частности, за счет нарушения формальных и смысловых связей слов [Попова 1997, 131], а также — как в нашем случае — расширения возможностей словотворчества. В «Заводном апельсине» (и в оригинале, и в его переводах) экспрессивные авторские новообразования конструируются с использованием словообразовательных и морфологических элементов, маркированных в сознании читателей как «чужие», тем самым можно их рассматривать как аналог контактных явлений в речи, более узко — как факты переключения и/или смешения кодов.

Переключение кодов, будучи одним из интерференционных процессов в спонтанной речи в ситуации языкового контакта, предполагает использование билингвом в одном речевом акте единиц, относящихся к разным языковым системам; при использовании лексических и структурных элементов разных языков в рамках одного слова принято говорить также о более узком

² Ср. понятие маркированного переключения кода, нацеленного на достижение максимального коммуникативного эффекта, в ситуации языкового контакта в: [Русаков 2003, 67].

явлении – смешении кодов (ср. [Русаков 2003, 93–95]). Именно таким случаям мы намерены уделить особое внимание при анализе глагольной лексики и ее роли как специфического стилистического средства при воссоздании игровой стилистики текста в польском переводе «Заводного апельсина». Таким образом, предметом анализа в настоящей статье являются однословные русскоязычные включения, представляющие собой контактные явления (факты переключения или смешения кодов) в сфере глагола, в одной из польских версий перевода романа Э. Бёрджесса «*Mechaniczna pomarańcza. Wersja R*» (1999) авторства Р. Стиллера³. Русский язык сознательно используется переводчиком для конструирования особого «сленга» *Nadsat* в его польской версии с целью придания тексту соответствующей экспрессивной окраски в рамках игровой поэтики и достижения функционально-стилистической и коммуникативной эквивалентности перевода.

Сам Р. Стиллер в послесловии к «русской» версии своего перевода (существуют также «английская» версия, изданная впервые в 1991 г.⁴, и незаконченная «немецкая» [Ginter 2003, 300]) уделяет довольно много внимания технике передачи в польском языке специфических особенностей языка Э. Бёрджесса. «Выдуманный язык юных дегенератов в “Заводном апельсине” составляют прежде всего элементы молодежного сленга и жаргона преступников, приправленные выпадами в стиль невежественный и почти библиейский, но прежде всего множеством заимствований, в основном из русского языка. Этого языка английский читатель сначала тоже не понимает. С какой целью это делается? Прежде всего, чтобы затруднить читателям восприятие, чтобы подчеркнуть чуждый и непонятный характер этого культурного, общественного и исторического явления, а также отвлечь внимание от происходящего ужаса частично благодаря нагромождению языковых трудностей»⁵ (здесь и далее перевод мой. — О.О.). Особым образом объясняет он также необходимость обращения к русскому языку при воспроизведении в переводе контактных явлений: «С самого начала было ясно, что, если для оригинала Э. Бёрджесс придумал искусственный язык, щедро вплетая в английский исковерканные русские слова, переводчик также должен создать собственный язык, соответственно изменяя польский. И с первого момента было также ясно, что наложение русских элементов на польский язык даст совершенно другой эффект и несравнимо более глубокий, существенный, значительный масштаб этого эксперимента, чем в оригинале»⁶. Чрезвычайно важными представляются рассуждения переводчика о соответствии его индивидуальных творческих решений общей логике языкового развития и истории взаимодействия русского и польского языков: «Было понятно, что польский язык этого перевода требует большей, чем в оригинале, русификации. [...] Это не пустое развлечение, а попытка проследить и испытать стихийный процесс в развитии и истории языка, процесс чрезвычайно трудный!»⁷.

В приложении к польскому изданию романа Р. Стиллер помещает «Словарик непонятных слов» (*Słowniczek mniej zrozumiałych wyrazów*)⁸. Словарь демонстрирует по крайней мере трехкратное увеличение числа окказиональных

³ Burgess (1999) 2019b.

⁴ Burgess (1991) 2019a.

⁵ Stiller 2019b, 181.

⁶ Stiller 2019a, 192.

⁷ Ibid, 193.

⁸ Stiller 2019c.

единиц (1000 против 300) по сравнению с оригиналом⁹, среди них значительное место занимают именно контактные явления, по большей части носящие окказиональный характер¹⁰. Примечательно, что в словаре версии «Р» насчитывается 117 глаголов (11% от всех выделенных переводчиком заимствований), несколько больше, чем в версии «А», где представлено около 70 глаголов (7%). При этом сам переводчик отмечает, что далеко не все приставочные дериваты попали в словарь: так, если префикс «существенным образом не меняет значения корня, под которым данное слово уже фигурирует»¹¹, то окказионализм не выносится в словарный список.

Заметим, что учет частеречной принадлежности при анализе заимствований из русского языка в польской прессе периода XIX в., когда значительная часть Польши входила в состав Российской империи, показывает сходный процент глагольной лексики, но только в одном из типов заимствований. Так, глаголы составили 13% среди калек (в том числе семантических), обнаруженных в публицистических текстах того времени, в то время как среди непосредственных заимствований из русского языка их число ограничилось лишь 4% [Karaś 1996, 330]. Исследователи польско-восточнославянских контактов на территории распространения периферийных польских говоров специально не выделяют глаголы, рассматривая их наряду с лексическими заимствованиями другой частеречной принадлежности [Krawczyk 2007], [Rieger (2004) 2019]. При этом лингвистический анализ стилистических средств в рамках игровой поэтики показывает, что чаще всего «происходит опосредованное вовлечение глагола в языковую игру: через переосмысление его дериватов или через обыгрывание какого-либо слова с помощью окказионального текстового глагольного мотиватора» [Попова 1997, 134]. Выбранный нами фокус предполагает выявление специфики поведения именно глагольной лексики в ситуации перевода (передачи) контактных явлений на фоне имеющихся данных о взаимодействии польского и русского языков.

Обнаруженные в «Словарике непонятных слов» и непосредственно в тексте перевода романа глагольные лексемы русского происхождения могут быть классифицированы в зависимости от стратегии включения русизма в текст, степени и уровня его адаптации и характера структурных элементов в составе заимствований и разного рода гибридных образований. В качестве ориентира используется классификация русскоязычных заимствований, разработанная Г. Карась на материале польской публицистики XIX в. [Karaś 1996], на которую опираются также исследователи смешанных идиомов на польско-восточнославянском пограничье: периферийных польских говоров [Krawczyk 2007; Rieger 2019a, 2019b], а также польского молодежного социолекта Вильнюса [Dawlewicz 2011]. Польские исследователи исходят из широкого понимания русизма, причисляя к лексическим элементам, возникшим под влиянием русского языка, как формально-семантические заимствования, демонстрирующие различные формы адаптации на фонетическом, словообразовательном и/или грамматическом уровнях, так и структурные (словообразовательные и синтаксические) кальки, а также семантические кальки и полукальки [Karaś 1996, 47]. М. Давлевич дополнительно уделяет много внимания лексическим и фразеологическим цитатам с минимальной степенью формального приспособления к системе польского языка, что отчасти объясняется тем, что в виленском молодежном социолекте в качестве

⁹ Burgess (1962) 2011.

¹⁰ П. Мэйскен все окказиональные заимствования относит к включениям [Muysken 2000, 3].

¹¹ Stiller 2019c, 214.

источника заимствований выступает не литературный язык, а различные идиомы из сферы неформального общения (разговорная речь, просторечие, жаргоны, включая преступный) [Dawlewicz 2011, 74]. Тенденция к использованию в качестве источника заимствования стилистически сниженных русских лексем и элементов сленга (говоров) является также важной составляющей переводческой стратегии Р. Стиллера, что обеспечивает необходимый уровень функциональной эквивалентности и сохранение стилистической (игровой) специфики романа Э. Бёрджесса на польском языке.

Применительно к глаголам классификация русизмов, однако, может быть уточнена за счет привлечения специальных работ по данной проблематике, учитывая тот факт, что процесс их заимствования демонстрирует целый ряд особенностей. Так, Я. Вольгемут, проанализировав различные стратегии перенесения глагольных лексем в другую языковую среду, создал собственную типологию таких заимствований. Им были выделены следующие стратегии: вставка парадигмы (*paradigm insertion*) при перенесении глагола со свойственными ему флексиями из базового языка; прямое и не прямое включение (*direct / indirect insertion*) на основании наличия / отсутствия особых показателей (специальных адаптирующих суффиксов, так называемых вербализаторов); использование «облегченных глаголов» с обобщенной семантикой (*light verb strategy*), вводящих заимствованные глагольные формы [Wohlgemut 2009].

В нашем материале, соответственно, можно выделить следующие **группы русизмов в сфере глагола: фактически неадаптированные вкрапления-цитаты** (стратегия вставки парадигмы по Я. Вольгемуту), **формально-семантические заимствования, прошедшие фонетико-словообразовательную адаптацию¹² и приспособленные к грамматической системе польского языка** (на основе стратегий прямого и непрямого включения по Я. Вольгемуту), а также **использование усеченных глагольных основ в составе аналитических предикатов** (ср. использование «легких» глаголов по Я. Вольгемуту). Особо выделяются структурные и семантические кальки (и полукальки), основанные на логике языковой игры, а также случаи поддерживающего влияния, когда русизм замещает нейтральную лексему маркированной, совпадающей по форме с исконным (чаще всего устаревшим или диалектным) словом. Названные типы окказионализмов используются переводчиком сознательно в целях достижения функционально-стилистической адекватности польского перевода английскому оригиналу.

Неадаптированные русскоязычные глагольные вкрапления

В устных формах современных контактных идиомов широко понимаемые русскоязычные цитаты с минимальной степенью адаптации фиксируются довольно широко [Dawlewicz 2011, 69]. Количественные подсчеты среди заимствованных лексем, требующих адаптации, в польском говоре на Подолье также показывают некоторое преобладание фонетически неадаптированных форм: 40 против 30 [Krawczyk 2007, 48]¹³. При этом в письменных польских текстах сохранение исходной фонетической формы русского заимствования, особенно характерного для звучания русской речи аканья или смягчения согласных перед *e*, выглядит скорее исключением, чем правилом¹⁴. Аналогич-

¹² Известный исследователь языковых контактов на польско-восточнославянском пограничье Я. Ригер особо подчеркивает необходимость выделения группы лексем, не требующей формальной адаптации [Rieger 2019a, 148].

¹³ Заметим, что А. Кравчик не разграничивает в этом отношении украинизмы и русизмы.

¹⁴ Ср. замечания о немногочисленности заимствований «со слуха» и преобладании графических русизмов в публицистических текстах XIX в. [Karaś 1996, 182].

ная тенденция обнаруживается также в нашем материале. Отмечены лишь единичные русскоязычные вкрапления-цитаты, сохраняющие не только свою исходную фонетическую, но и морфологическую форму: речь идет о восьми из 117 глаголов (ок. 7%) с учетом того, что некоторые из них являются производными от идентичных корней. Если в случае с формой *dawaj*¹⁵ (рус. *давай*, ср. пол. *jazda, nuże*¹⁶) можно говорить о возможном переносе ударения на предпоследний слог¹⁷, то в других случаях именно указание на особое место ударения, а также сохранение на письме русского аканья и характерных грамматических показателей служит важным стилистическим маркером, выделяющим русизм в общей языковой ткани польского перевода: *paga'di* (рус. *погоди*, ср. пол. *roczejaj*), *pa'jechali* (рус. *поехали*, ср. пол. *jazda!*). К этой же группе фонетически и грамматически неизменных заимствований относятся формы глаголов 'пойти': *pa'szli* (рус. *пошли*, пол. *poszli*¹⁸), *pa'szoł* (рус. *пошел*, пол. *poszedł*) и 'понимать/понять': *paj'miosz* (рус. *поймешь*, пол. *zrozumiesz*), *panimajesz* (рус. *понимаешь*, пол. *rozumiesz*), *pani'maju* (рус. *понимаю*, пол. *rozumiem*)¹⁹. Перечисленные русизмы, часть из которых закреплена в польском диалектном/разговорном узусе, выполняют в тексте экспрессивную функцию, дополнительно подчеркивая сленговый, неформальный характер идиома, на котором общаются герои романа, что позволяет обеспечить необходимый уровень функционально-стилистической эквивалентности перевода. Именно применительно к таким единицам можно говорить о переключении кода в узком значении этого слова, поскольку речь идет о единичном включении иноязычного слова (русизма) в текст на доминирующем (польском) языке. Согласно классификации Я. Вольгемута, такие случаи можно рассматривать как реализацию стратегии вставки парадигмы [Wohlgemut 2009, 118].

Адаптация глагольных заимствований на фонетико-фонологическом и графико-орфографическом уровне²⁰.

Близость фонетико-фонематических систем русского и польского языков обусловила тот факт, что среди однословных вкраплений в тексте перевода (как и в польской публицистике XIX в.) преобладают адаптированные заимствованные глаголы (93% всех русизмов), что выражается на письме в соответствующей графико-орфографической форме (ср. [Karaś 1996, 172–182]). В ходе формального приспособления заимствования к системе принимающего языка, как известно, происходит узуальная субституция изофункциональных фонем (ср. [Комиссаров 1990, 136]), в случае с русизмами фактически исключая фиксацию на письме аканья и других ярких проявлений фонетической редукации в сфере вокализма [Karaś 1996, 179]. В сфере консонантизма в контактных идиомах отчетливо реализуется тенденция к фонетико-графической субституции с учетом регулярных межъязыковых (этимологических в своей основе)

¹⁵ Идентичная форма фиксируется в польских периферийных говорах [Krawczyk 2007, 112]. Данное заимствование можно рассматривать также как неосемантизм, учитывая возможность образования аналогичной польской формы от глагола *dawać* с другим значением.

¹⁶ Здесь и далее польские аналоги окказионализмов приводятся в соответствии с текстом «Словарика непонятных слов» (Stiller 2019в).

¹⁷ Об акцентуационной адаптации как особой форме приспособления восточнославянских заимствований в польских говорах см. [Krawczyk 2007, 50–53].

¹⁸ В данном случае отличие от узуальной польской формы состоит именно в фиксации аканья.

¹⁹ В говорах на польско-украинском пограничье фиксируется форма без аканья с польским окончанием 3 л. ед.ч.: (она) *ponimaje* [Krawczyk 2007, 132].

²⁰ При всей важности методологического принципа разграничения сугубо фонетических и графико-орфографических фактов, наш материал не позволяет этого сделать.

соответствий (ср. [Rieger 2019a, 150]), а на окончательную форму слова влияет наличие функционального аналога в польском языке. Это хорошо видно на примерах адаптации корневых глагольных морфем в нашем материале:

- после губных устраняется I эпентетикум при сохранении мягкости: *dobawiać*²¹ (рус. *добавлять*, пол. *dodawać*);
- русские мягкие свистящие заменяются польскими аффрикатами и среднеязычными шипящими *ǰ', ʒ' / dź, ź*, как в: *proischodzić* (от рус. *происходить*, пол. *dziać się*), *pogłazić*²² (от рус. *поглазеть*, пол. *popatrzeć*);
- мягкому русскому *p'* соответствует польский *rz* [ż]: *dowierzać*²³ (рус. *верить*, пол. *wierzyć*);
- соответствием русского *ч* (мягкого) является польский диграф *cz* (обозначающий твердый звук): *połuczyc*²⁴ (рус. *получить*, пол. *dostać*);
- *щ* передается польским функциональным соответствием при сочетании согласных *szcz*: *obszczać się*²⁵ (от рус. *общаться*, пол. *obcować*), *szczurzyć się* (рус. *щуриться*, пол. *mrużyć oczy*).

Наличие созвучных польских корневых лексем не только облегчает понимание заимствования, но и позволяет активизировать игровой потенциал образований такого рода благодаря создаваемой прозрачности внутренней формы. Так, в последнем примере у глагола *szczurzyć się* возникает ассоциативная связь с окказиональным лексическим мотиватором *szczur* 'крыса', подчеркивающая экспрессивность и сниженный характер русизма. Интерференционный процесс, который переводчик имитирует при создании единиц такого рода, описывается скорее в терминологии смещения кодов, а передача русских глаголов в польском тексте в данном случае реализует (с некоторыми оговорками) стратегию прямого включения (по Я. Вольгемуту).

Формальная адаптация на фонетико-орфографическом уровне позволяет Р. Стиллеру задействовать в качестве функциональных соответствий для окказионализмов из оригинального английского текста также сниженные по своему характеру интерферемы, отмечаемые при различных формах русско-польского языкового контакта в условиях недостаточной языковой компетенции, напр. *znachodzić się* (рус. *находиться*, пол. *znajdować się*²⁶), *uwidzieć* (рус. *увидеть*, ср. пол. НСВ *widzieć* – СВ *zobaczyć*)²⁷. Важная стилистическая роль отводится также примерам, квалифицируемым как факты поддерживающего влияния, когда нейтральная польская лексема заменяется маркированной (чаще всего устаревшей), совпадающей по форме с русизмом²⁸ (*dzierżyć* – рус. *держать*, ср. пол. нейтр. *trzymać*) (ср. [Kaгаś 1996, 70]). В данном случае речь идет о поисках переводчиком функциональных соответствий с целью воссоздания стилистически неоднородного языкового идиома, в котором «элементы молодежного сленга и жаргона преступников» соседствуют с «выпадами

²¹ Ср. в говорах польско-восточнославянского пограничья *dobawić* – укр. *добавити* [Krawczyk 2007, 112].

²² Ср. диалектное *zglazić* от рус. *сглазить* [Krawczyk 2007, 150].

²³ Ср. близкое *zwierzyć*, выводимое из укр. *звірити* [Krawczyk 2007, 150].

²⁴ Аналогично в польских периферийных говорах [Krawczyk 2007, 131].

²⁵ Ср. в польской публицистике XIX в. именные заимствования с аналогичным корнем напр. *obszczyzna* (от рус. *община*) [Kaгаś 1996, 132].

²⁶ Ср. диалектную форму совершенного вида *najść* при узуальном *znaleźć*, очевидно, от рус. *найти* [Rieger 2019b, 468].

²⁷ Форма нередко появляется у русскоязычных студентов, осваивающих польский язык.

²⁸ Об архаизмах и диалектизмах, совпадающих по звучанию с соответствующими украинскими и русскими словами, которые сохранились в польских периферийных благодаря поддерживающему влиянию см. также [Krawczyk 2007, 39–43].

в стиль невежественный и почти библейский»²⁹. Польские архаизмы, одновременно являющиеся русизмами, позволяют переводчику использовать должным образом стилистический потенциал включений такого рода.

Словообразовательная адаптация и кальки

Субституция фонем, происходящая в префиксах с учетом узуальных этимологических соответствий, позволяет говорить об их фактической функциональной мене на уровне морфем. Учитывая сохранение их структурных (словообразовательных) функций, польские исследователи рассматривают такие случаи как факты словообразовательной адаптации заимствований [Karaś 1996, 176], [Krawczyk 2007, 59–61], дополнительно отмечая сложности при установлении границ собственно фонетической и словообразовательной адаптации, с чем нельзя не согласиться. Среди заимствованных из русского языка глаголов, используемых Р. Стиллером в качестве экспрессивного средства в польском переводе, довольно много приставочных дериватов, дающих примеры такого типа адаптации: *przydumać* (рус. *придумать*, пол. *wymyśleć* при наличии пол. кн. и диал. *dumać* ‘размышлять’ и ряда производных: ср. [Krawczyk 2007, 113, 150], [Rieger 2019b, 471]); *przydzierać się* (рус. *придираться*, пол. *szepiać się* при наличии узуального пол. *przedzierać się* ‘продираться’), *rozdziargać* (рус. *раздергать*, пол. *poszarpać* при наличии пол. *dziargać* ‘вязать, напр. на спицах’). Наличие созвучных узуальных и/или маркированных польских корневых лексем в данном случае создает дополнительные сложности при квалификации заимствований. Так, наличие/отсутствие формально близкого исконного соответствия корневой морфемы при адаптации аффиксов позволяет некоторым исследователям выделять особую категорию полукалек [Krawczyk 2007, 62].

Возможности функционального отождествления структурных элементов различного происхождения позволяют переводчику максимально расширить сферу применения калькирования как особого способа создания окказиональных глаголов с использованием русских и польских морфем (по аналогии с фактами смешения кодов в естественных идиомах). Заметим, что учет частеречных характеристик структурных и семантических калек, отмечаемых при естественном польско-восточнославянском языковом контакте, демонстрирует значительное увеличение доли глагольной лексики именно в этом типе заимствований [Karaś 1996, 330]. Калькированным глаголам с опорой на русский язык отводится также чрезвычайно важная роль в рамках воссоздания средств игровой поэтики Э. Бёрджесса в польском переводе: см., напр., *przekrócić* (от рус. *прекратить*³⁰, пол. *położyć kres* при наличии узуального *skrócić*); *rozgadnąć* (рус. *разгадать*, пол. *zgadnąć*); *rozwlekać (się)* (1) от рус. *развлекаться*, пол. *zażywać rozrywki*; 2) рус. *сволакивать (с себя)*, *раздеваться*, гибрид на базе пол. *rozbierać się*³¹ и *zwlekać* ‘с трудом снимать’.

Механизм совмещения морфологических элементов разных языков в рамках одного слова при условии их созвучия (ассоциативной связи) использован Р. Стиллером также при конструировании многочисленных гибридов, в которых обыгрывается внутренняя форма лексем из обоих языков: *uczmychnąć się* (рус. *улыбнуться* + пол. *czmychnąć*) ‘uśmiechnąć się z odgłosem jakby czmychnięcia bez otwierania ust’ – ‘улыбнуться, хмыкнув, не размыкая губ’; *uwrasznać się* (рус. *ужаснуться* + пол. *wrasznać*) ‘wydać krzyk przerażenia’ – ‘вскрикнуть от ужаса’,

²⁹ Stiller 2019b, 181.

³⁰ Ср. зафиксированную в говорах форму *przekrucić się* ‘испортиться’, связанную с укр. *перекрутитися* и рус. *прекратиться* [Krawczyk 2007, 134].

³¹ Ср. в диалектном материале неосемантизм *rozebrać się* ‘разбираться’ [Krawczyk 2007, 136].

zacerpić (рус. *цепь*, *зацепить*, пол. *zaczepić*) ‘ударить цепью’, *odkluczyć*³² (рус. *ключ*, *отключить*, пол. *otworzyć*) ‘открыть ключом’. Возможность функционального отождествления приставок и калькирование в сфере глагольной лексики, таким образом, создает для переводчика дополнительный стилистический ресурс, который может быть использован им — без нарушения логики языкового развития и законов контактирования близкородственных языков — для воссоздания специфической игровой поэтики романа на польской почве.

Морфологическая адаптация глаголов

На грамматическую форму русских заимствований существенное влияние оказывает возможная аналогия с собственно польскими лексемами и морфемами, что в сфере глагола приводит к абсолютному превалированию морфологически адаптированных русизмов. Для сравнения: из 60 заимствованных восточнославянских глаголов в периферийном польском говоре на Подолье у 21 были отмечены окончания, идентичные в языке-доноре и языке-реципиенте, и лишь один глагол был заимствован в неизменном виде в соответствии со стратегией «вставки парадигмы» (речь о глаголе *dumajesz* [Krawczyk 2007, 55], ср. [Karaś 1996, 181], выше приводились аналогичные примеры в нашем материале). Это не в последнюю очередь связано с типологической близостью русского и польского языков, изоморфизмом их грамматических систем и синтаксических структур, что способствует быстрому морфологическому освоению заимствованных глаголов³³.

Как и в естественных контактных идиомах, в переводе Р. Стиллера в ходе морфологической адаптации важную роль играет наличие узуального функционального соответствия между глагольными формантами, в частности русским *-ть* и польским *-ć*: *kidać*³⁴ (рус. *кидать*, пол. *rzucić*) в инфинитиве. Сохранение русского тематического суффикса и Г. Карась, и М. Давлевич считают характерной особенностью перенесения глаголов в польскую речь, в нашем материале такие случаи также фиксируются: напр. *poniać*³⁵ (рус. *понять*, пол. *zrozumieć*), *rabotać*³⁶ (от рус. *работамь*, пол. *pracować*). Следует, однако, отметить, что в целом ряде случаев тематические суффиксы в обоих языках совпадают, следовательно, такие глаголы можно отнести к нейтральной группе с точки зрения необходимости морфологической адаптации. О дискуссионной роли тематических гласных при адаптации заимствованных глаголов пишет, в частности, Г.П. Пилипенко на материале славянских переселенческих говоров в ситуации славянско-неславянского контакта [Пилипенко 2023, 201–202]. Если продолжить эту логику, то в терминологии Я. Вольгемута рассматриваемую модель адаптации можно квалифицировать как «прямое включение», когда глагольный показатель присоединяется непосредственно к заимствованному элементу [Wohlgemut 2009, 92].

Особый интерес вызывают случаи субституции не только глагольного форманта, но и тематического суффикса: так, в паре *szwurgać* — *szwyrznąć* (ср. рус. *швырять* — *швырнуть*, пол. *rzucić*) в глаголе несовершенного вида сохраняется

³² Ср. в ситуации естественного контакта более предсказуемое заимствование с аналогичным значением *odkrywać* — *odkryć* [Krawczyk 2007, 127].

³³ Ср. замечания П. Мэйскена о конгруэнтной лексикализации при уподоблении грамматических структур взаимодействующих языков и наличии факторов типологической близости [Muysken 2000, 122].

³⁴ Данную глагольную лексему исследователи польских периферийных говоров причисляют к архаизмам [Krawczyk 2007, 40; Rieger 2019b, 465].

³⁵ Ср. оцениваемый в говорах как частотный глагол *pojąć* с идентичным значением [Rieger 2019a, 148].

³⁶ При наличии узуального существительного *robota* ‘работа’, синонимичного *praca* и отмеченного в периферийных говорах заимствования *roboczy* | *raboczy* ‘рабочий’ [Krawczyk 2007, 136].

исходный тематический суффикс *-a-*, а в перфективе русский суффикс *-ну-* замещается его польским функциональным соответствием *-nq-*. Оформленные таким образом русизмы в терминологии Я. Вольгемута реализуют стратегию «непрямого включения», что предполагает вставку между заимствованным корнем и глагольным показателем так называемых суффиксов-вербализаторов [Wohlgemut 2009, 57]. В переводе Р. Стиллера польский суффикс *-nq-*, изофункциональный русскому *-ну-*, используется довольно активно: *głotnąć* (рус. *глотнуть*, ср. пол. *łyknąć*), *rozpachnąć* (рус. *распахнуть*, ср. пол. *szeroko otworzyć* при случайном совпадении с *pachnąć* ‘пахнуть’); *ruchnąć* (рус. *рухнуть*, ср. пол. *runąć* ‘рухнуть’ — здесь важную роль играет созвучие русской и польской глагольных лексем, совпадающих также по значению). Впрочем, в перечисленных случаях морфологическую адаптацию (как ранее словообразовательную) довольно сложно отделить от фонетической, что вполне понятно, учитывая системную близость русского и польского языков и наличие этимологически обусловленных фонетических соответствий, в частности, *-(h)u-* и *-(n)q-*.

В свою очередь, известный исследователь польских периферийных говоров Я. Ригер включает суффикс *-nq-* (аналогичный восточнославянскому *-ну-*) в перечень формообразующих глагольных формантов с функцией видообразования [Rieger 2019a, 461–462]. В нашем материале суффикс *-nq-* также может выступать как самостоятельное средство адаптации (с одновременной перфективацией) заимствованного глагола: *bałaknąć* (от укр. *балакати*³⁷, ср. пол. *powiedzieć* ‘сказать’); аналогичные образования фиксируются в польских периферийных говорах: *wyplunąć* (пол. *wypluć*) [Krawczyk 2007, 147], *zarągnąć się* ‘выругаться’ [Ibid., 89]. Аналогия с русскими заимствованиями позволила переводчику расширить использование данного суффикса-вербализатора также при оформлении англицизмов (многие из них появляются в обеих версиях перевода): *czeknąć* ср. англ. *to check*, пол. *sprawdzić* ‘проверить’, *lafnąć* ср. англ. *to laugh*, пол. *śmiać się* ‘засмеяться’, *frajnąć* ср. англ. *frighten*, пол. *przełęknąć* ‘перепугать’; а также германизмов: *machnąć*, ср. нем. *machen*, пол. *zrobić* ‘сделать’. Ср. функционирование оформленных таким образом заимствований в двух версиях польского перевода романа Э. Бёрджесса:

Версия «Р» (русская)	Версия «А» (польская)
(1) <i>Krugom łypały na nas i już mi się prawie zachciało bałaknąć</i>	<i>Łypały na nas ołdy tajm i już mi się prawie zachciało spiknąć</i>
(2) <i>Głotnąłeś sobie tego mleka</i>	<i>Drynknąłeś se tego mleka</i>
(3) <i>luknąć, co się hapnie</i>	<i>luknąć, co się hapnie</i>

Отметим, что основным конкурентом суффикса *-nq-* при реализации стратегии непрямого включения англицизмов является формант *-owa-*, который в современном польском языке является наиболее частотным средством морфологической адаптации глагольных заимствований из английского языка (ср. [Wohlgemut 2009, 57]). В тексте перевода Р. Стиллера обнаруживаем, в частности, такие глаголы, как: *fajtować* (от англ. *to fight*, пол. *bić się* ‘биться’), *pejntować* (от англ. *to paint*, пол. *rysować* ‘рисовать’), *tokować* (от англ. *to talk*, пол. *mówić* ‘говорить’); *odfryzować* (англ. *to freeze* ‘замораживать’, *odmrozić* ‘разморозить’), *miksować*³⁸ (англ. *to mix*, пол. *mieszać* ‘смешивать’), *tankować* (*to tank* ‘наполнять

³⁷ Лексема фиксируется также в периферийных польских говорах [Rieger 2019b, 463].

³⁸ Первая фиксация глагола *miksować*, согласно WSJP, относится к 1938 г., однако с другим значением ‘измельчать с использованием миксера’ [WSJP].

резервуар', пол. *pić* 'пить', в т.ч. об алкоголе³⁹) и др. Имеющиеся прямые совпадения созданных Р. Стиллером (оказиональных) кодовых переключений с узуальными заимствованиями в польском языке лишь подтверждают продуктивность использованной переводчиком модели адаптации, усиливая намеренный стилистический эффект.

Особого внимания заслуживают в данном контексте случаи нарушения оппозиции возвратных и невозвратных глаголов под воздействием русского языка. Так, русский рефлексив, прошедший стадию фонетико-морфологической адаптации, в переводе Р. Стиллера может использоваться при отсутствии изофункциональной возвратной формы в польском языке: напр., *obradować się* (рус. *обрадоваться* = пол. *ucieszyć się*, ср. пол. *obradować* 'заседать'), *nakłonić się* (рус. *наклониться* = пол. *schylić się*, ср. пол. *nakłonić* 'склонить'), *zrażać się* (рус. *сражаться* = пол. *walczyć*, ср. пол. *zrażać* 'вызывать отвращение'). Заметим, что возвратность оценивается исследователями польско-восточнославянского контакта как одна из зон межъязыковой «напряженности» в глагольной сфере (ср. [Fellerer 2020, 155–156]).

Фонетико-морфологическая адаптация является обязательным этапом внедрения в текст перевода также образованных Р. Стиллером с опорой на русский язык неосемантизмов в сфере глагола. Возникающий в данном случае экспрессивный игровой эффект является следствием формального сближения лексем разного происхождения, различающихся также по своей семантике, что позволяет обыгрывать внутреннюю форму таких семантических калек: напр. *dosadzać* (рус. *досаждать* = пол. *dokuczać*, ср. пол. *dosadzać* 'подсаживать'), *piąć* (рус. *петь* = пол. *śpiewać*, ср. *piąć* 'петь' о петухе (ср. [Rieger 2019b, 469]), *przystawać* (рус. *присоединяться*); *zapierać się* (рус. *запираться* = пол. *zamykać (się)*, ср. *zapierać się* 'отпираться, отказываться'), *ustroić* (рус. *устроить* = пол. *urządzić* ср. пол. *ustroić* 'украсить'); *wonieć* (рус. *вонять* = пол. *cuchnąć*, ср. пол. *wonieć* 'источать аромат'). Подобные случаи семантических сдвигов в польской лингвистической традиции принято квалифицировать как «ассоциативные» кальки [Krawczyk 2007, 71]. К ним примыкают также используемые переводчиком в экспрессивных целях гибридные явления, отмечаемые в других формах польско-русского языкового контакта, которые могут квалифицироваться одновременно как архаизмы: *odkrywać* (рус. *открывать* = пол. *otwierać*, ср. [Karaś 1996, 233; Krawczyk 2007, 127] / пол. *odkrywać* 'делать открытие'), *skazać* (рус. *сказать* = пол. *powiedzieć*, ср. [Rieger 2019b, 465; Krawczyk 2007, 40] / пол. *skazać* 'обречь, приговорить'; ср. *skazać w sołdaty* [Karaś 1996, 310]), *zakazać* (рус. *заказать* = пол. *zamówić*, ср. *zakazywać* 'заказывать' [Krawczyk 2007, 43], *zakaz* 'заказ' [Karaś 1996, 235] / пол. *zakazać* 'запретить').

Одним из способов приспособления заимствованных глаголов к морфологической системе языка-реципиента является использование **аналитических предикатов с обобщенным глаголом** из принимающего языка, охарактеризованный Я. Вольгемутом как стратегия использования «легких глаголов». В нашем материале такая форма грамматической адаптации русизмов встречается довольно редко (обнаружены лишь единичные примеры, что в целом соответствует логике языкового взаимодействия на польско-восточнославянском пограничье), что лишь подчеркивает ее выразительность как индивидуального

³⁹ Глагол *tankować* в значении 'употреблять алкоголь в больших количествах' фиксируется в польских словарях с 1951 г. [WSJP].

экспрессивного средства. В качестве своеобразных «легких» глаголов в нашем материале могут выступать различные польские лексемы, а вторая часть аналитической конструкции представляет собой обозначение некоего опредмеченного (интенсивного) действия, представленного усеченной основой, которую можно трактовать и как глагольную, и как именную. Источник польской конструкции (4) *strzępy książki, którą ja wciąż **darłem razrez!** razrez!* без труда обнаруживаем в оригинале: *and the bits of this book that I was still ripping away at, **razrez razrez***. Подобные аналитические предикаты, представляющие собой сочетания «легких» глаголов с междометиями, активно используемые Р. Стиллером в стилистических целях, также нередко напрямую воспроизводят аналогичные экспрессивные конструкции из английского оригинала: (5) *dałem parę razy **hyp hyp*** – англ. *When I'd gone **erk erk** a couple of razzes*, чем пренебрегает в русском переводе, например, В. Бошняк: рус. *Пару раз с детской непосредственностью сыто **икнув***⁴⁰.

При этом Р. Стиллер идет дальше, превращая усеченные глагольные лексемы, заимствованные из русского языка, в один из стилистических маркеров смешанной (сниженной) русско-польской речи в своей версии Р «Заводного апельсина». Они появляются даже при отсутствии аналогичных конструкций в оригинале, привнося дополнительную экспрессивность на фоне как вариантов польской версии А, так и узуальных глагольных конструкций в русском переводе:

Версия «Р»	Оригинал	Версия «А»	Русский перевод
(6) <i>zacząłem drzeć te kartki na kawałeczki i razbros po podłodze</i>	<i>Then I started to tear up the sheets and scatter the bits over the floor</i>	<i>After det zacząłem drzeć te pejjers na kawałeczki i rozrzucac po podłodze</i>	<i>Потом я начал рвать страницы, разбрасывая обрывки по всему полу</i>
(7) <i>To był taki jak gdyby paj w mroźonce, który ona rozsmroz i potem odgrzała</i>	<i>It was like some frozen pie that she'd unfroze and then warmed up</i>	<i>To był taki sort of paj w mroźonce, który ona odfryzowała i potem odgrzała</i>	<i>На столе был какой-то штулі пудинг, который она разморозила, подогрела</i>

Этот стилистический прием с использованием техники усечения была распространен переводчиком также на причастные формы ((8) *To **ty się raz dwa zdecyd**o na to drugie* – *This latter we **decided** on*), что дополнительно подчеркнуло сниженный неформальный характер смешанного идиома, на котором общаются герои романа:

Версия «Р»	Оригинал	Русский перевод
(9) <i>Po czym już świecący się, uczesany, wyszczotko i git galant z kiciorem, przysiadłem na kusoczek paju</i>	<i>Then, shining, combed, brushed and gorgeous, I sat to my lomtick of pie</i>	<i>Потом, сияющий, причесанный, чистый и блистающий, сел пообедать ломтиком пудинга</i>

Заключение

Произведенный анализ функционирования глаголов в версии «Р» польского перевода романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», осуществленного Р. Стиллером, позволяет сделать следующие выводы.

Глагольные лексемы благодаря лингвокреативным усилиям переводчика становятся важным стилистическим ресурсом и активно используются в целях воссоздания логики языковой игры в польском варианте «Р» романа. Это становится возможным, в частности, благодаря активному конструированию окказионализмов в глагольной сфере, воспроизводящих логику языкового

⁴⁰ Здесь и далее русские цитаты даются по наиболее популярному переводу «Заводного апельсина» авторства В. Бошняка (*Бёрджесс* 1991).

контактирования польского и русского языков, в частности, за счет совмещения в рамках одного слова морфологических элементов, различных по своему происхождению.

Сознательное использование переводчиком, вслед за Э. Бёрджессом, фактов переключения и смешения кодов, а также разнообразных гибридных образований на базе русского языка создает мощный прагматический и игровой потенциал конструируемых языковых единиц в сфере глагольной лексики. Тот факт, что часть использованных переводчиком форм имеют свои прямые аналоги в диалектном (разговорном) узусе, создает дополнительное стилистическое напряжение и помогает подчеркнуть неформальный сленговый характер идиом, на котором общаются герои романа. Это, в свою очередь, позволяет добиться необходимого уровня функционально-стилистической и коммуникативной эквивалентности при переводе.

Использованная Р. Стиллером при переводе техника языковой стилизации демонстрирует ряд закономерностей, характерных для взаимодействия близкородственных польского и русского языков в глагольной сфере. Так, были отмечены узуальные способы фонетической и морфологической адаптации, распространенность калькирования, а также тенденция к использованию неосемантизмов и интерферем, иллюстрирующих отсутствие изоморфизма в отдельных граммемах, таких как *uwidzieć* или *uszedł*. В свою очередь, нарушение естественных закономерностей контакта в соответствии с логикой художественного текста (и перевода), может создавать дополнительную экспрессивность, как это происходит в случае включения в текст полностью неадаптированных русских глаголов или окказиональных аналитических конструкций с усеченными глагольными формами (примеры 4–9).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Bёрджесс Э.* Заводной апельсин / пер. В. Бошняк. Л.: Художественная литература, 1991. 160 с.
Burgess A. A Clockwork Orange (1962). London: Penguin, 2011. 142 p.
Burgess A. Nakręcana pomarańcza. Powieść. Wersja A (1991) / przełożył z angielskiego i postówiem opatrzył R. Stiller. Kraków: Vis-a-vis / Etiuda, 2019a. 219 s.
Burgess A. Mechaniczna pomarańcza. Powieść. Wersja R (1999) / przełożył z angielskiego i postówiem opatrzył R. Stiller. Kraków: Vis-a-vis / Etiuda, 2019b. 254 s.
Stiller R. Burgess a sprawa polska // *Burgess A.* Mechaniczna pomarańcza. Powieść. Wersja R (1999). Kraków: Vis-a-vis / Etiuda, 2019a. S. 192–213.
Stiller R. Kilka sprężyn z nakręcanej pomarańczy // *Burgess A.* Mechaniczna pomarańcza. Powieść. Wersja R (1999). Kraków: Vis-a-vis / Etiuda, 2019b. S. 164–191.
Stiller R. Słowniczek // *Burgess A.* Mechaniczna pomarańcza. Powieść. Przełożył z angielskiego i postówiem opatrzył R. Stiller. Wersja R. (1999) Kraków: Vis-a-vis, 2019c. S. 214–229.
Wielki słownik języka polskiego (WSJP). [Электронный документ]. URL: <https://wsjp.pl/>. Дата последнего обращения – 27.02.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герд А.С.* Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 457 с.
Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
Окс М.В. Вымышленный сленг «надцать» в романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» // Игровая поэтика. Ростов на-Д., 2006. Вып. 1. С. 99–162.
Паутова С.М. Способы передачи кодовых переключений при переводе на русский язык романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 3 (90). С. 91–97. DOI: 10.23859/1994–0637–2019–3–90–10.

- Пилипенко Г. П. Адаптация заимствованных глаголов из испанского языка в речи потомков украинских переселенцев в Южной Америке // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 193–230. DOI: 10.31168/2073–5731.2023.1–2.2.01.
- Попова Т. В. Семантическое пространство русского глагола и языковая игра // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 131–143.
- Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов (северно-русский диалект цыганского языка в контекстологической перспективе): Дис. в виде науч. доклада... док. филол. наук. СПб., 2003. 105 с.
- Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М.: 1998. С. 10–99.
- Dawlewicz M. Rusycyzmy w socjolekcie młodzieży polskiego pochodzenia w Wilnie // *Slavistica Vilnensis*. 2011. K. 56 (2). S. 67–76.
- Fellerer J. *Urban multilingualism in East-Central Europe: The Polish dialect of late-Habsburg Lviv*. Lanham/MD; London, 2020.
- Ginter A. Slang as the Third Language in the Process of Translation: A Clockwork Orange in Polish and Russian // *Стил*. 2003. S. 295–306.
- Karaś H. *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie epoki zaborów (na podstawie prasy warszawskiej z lat 1795–1918)*. Warszawa: Dom wydawniczy Elipsa, 1996. 361 s.
- Krawczyk A. *Zapóżyczenia leksykalne w sytuacji wielojęzyczności. Ukrainizmy i rusycyzmy w gwarze Maćkowiec na Podolu*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. 157 s.
- Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.
- Rieger J. Jak badać słownictwo kresowe // *Idem. Język Polski na kresach*. Warszawa: DiG, 2019a. S. 144–153 (впервые опубликовано в: *Studia nad polszczyzną kresową*. T. XI. Warszawa: Semper, 2004. S. 23–33).
- Rieger J. *Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu* // *Idem. Język Polski na kresach*. Warszawa: DiG, 2019b. S. 442–479 (сокращенная версия статьи: *Bakun-Kiczyńska M., Rieger J. Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu*. SPK XI. Warszawa: Semper, 2004. S. 135–199).
- Wohlgemuth J. A. *Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.

Рукопись поступила в редакцию 31.03.2024

Рукопись принята к печати 15.05.2024

REFERENCES

- Dawlewicz M. Rusycyzmy w socjolekcie młodzieży polskiego pochodzenia w Wilnie. *Slavistica Vilnensis*, 2011, k. 56 (2), pp. 67–76.
- Fellerer J. *Urban multilingualism in East-Central Europe: The Polish dialect of late-Habsburg Lviv*. Lanham/MD; London, 2020.
- Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingwistiku. Kurs lektii i khrestomatiya*. 2-e izd., ispravl. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2005, 457 p. (In Russ.)
- Ginter A. Slang as the Third Language in the Process of Translation: A Clockwork Orange in Polish and Russian. *Stil*, 2003, pp. 295–306.
- Karaś H. *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie epoki zaborów (na podstawie prasy warszawskiej z lat 1795–1918)*. Warszawa, Dom wydawniczy Elipsa Publ., 1996, 361 p.
- Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingwisticheskie aspekty): ucheb. posobie*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 253 p. (In Russ.)
- Krawczyk A. *Zapóżyczenia leksykalne w sytuacji wielojęzyczności. Ukrainizmy i rusycyzmy w gwarze Maćkowiec na Podolu*. Warszawa, Wydawnictwo DiG Publ., 2007, 157 p.
- Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2000, 306 p.
- Oks M. V. Vymyshlennyy sleng «nadsat’» v romane A. Burgessa «Zavodnoi apel’sin». *Igrovaya poetika*. Rostov na-D., 2006, vyp. 1, pp. 99–162. (In Russ.)
- Pautova S. M. Sposoby peredachi kodovykh pereklyuchenii pri perevode na russkii yazyk romana A. Burgessa «Zavodnoi apel’sin». *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 3 (90), pp. 91–97. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-3-90-10. (In Russ.)

- Pilipenko G.P. Adaptatsiya zaimstvovannykh glagolov iz ispanskogo yazyka v rechi potomkov ukrainских pereselentsev v Yuzhnoi Amerike. *Slavyanskiĭ al'manakh*, 2023, no. 1–2, pp. 193–230. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01. (In Russ.)
- Popova T.V. Semanticheskoe prostranstvo russkogo glagola i yazykovaya igra. *Khudozhestvennyi tekst: struktura, semantika, pragmatika*. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. Univ-ta Publ., 1997, pp. 131–143. (In Russ.)
- Rieger J. Jak badać słownictwo kresowe. *Idem. Język Polski na kresach*. Warszawa, DiG Publ., 2019a, pp. 144–153 (впервые опубликовано в: *Studia nad polszczyzną kresową*. T. XI. Warszawa, Semper Publ., 2004, pp. 23–33).
- Rieger J. Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu. *Idem. Język Polski na kresach*. Warszawa, DiG Publ., 2019b, pp. 442–479 (сокращенная версия статьи: Bakun-Kiczyńska M., Rieger J. Morfologia czasownika w gwarze wsi Wójtowce na Podolu. SPK XI. Warszawa, Semper, 2004, pp. 135–199).
- Rusakov A. Yu. *Interferentsiya i pereklyuchenie kodov (severno-russkii dialekt tsyganskogo yazyka v kontaktologicheskoi perspektive)*: Dis. v vide nauch. doklada... dok. filol. nauk. St. Petersburg, 2003, 105 p. (In Russ.)
- Shirokova A.G. Metody, printsipy i usloviya sopostavitel'nogo izucheniya grammaticeskogo stroya geneticheskii rodstvennykh slavyanskikh yazykov. *Sopostavitel'nye issledovaniya grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavyanskikh yazykov*, pod red. A.G. Shirokovoĭ. Moscow, 1998, pp. 10–99. (In Russ.)
- Wohlgemuth J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2009, 459 p.

Received on 31.03.2024
Accepted on 15.05.2024

Информация об авторе:

Остапчук Оксана Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2856-0793
E-mail: ostapczuk@yandex.ru

Information about the author:

Oxana A. Ostapchuk
PhD (Philology), Assistant Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2856-0793
E-mail: ostapczuk@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 80–94

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 80–94

DOI: 10.31857/S0869544X24040073, EDN: WWRAEU

Оригинальная статья / Original Article

Этнолингвистика и фольклорная поэтика. 4. «Мать превращает сына в змея»

© 2024 г. И.А. Седакова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ised@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу болгарских народных песен «Мать превращает сына в змея», которые отличаются уникальным мифологическим сюжетом и описывают превращение человека в гибридное существо – полчеловека-полузмея в результате колдовских действий матери. В центре исследования – структура песни и комбинация повторяющихся и уникальных содержательных блоков. Особое место уделяется мифологическим аспектам – описанию цыганок как носительниц магического знания, травмам, разлучающим супругов, приготовлению колдовского зелья, характеристике того, как демонологический персонаж представлен в песне и в других фольклорных жанрах. Показан эксплицитный дидактизм песни – на примере расправы с матерью транслируются представления о том, что клевета, ненависть в семье, черная магия наказуемы. В заключении содержатся основные выводы по изображению этнографической реальности средствами фольклорной поэтики.

Ключевые слова: семиотика, этнолингвистика, фольклор, поэтика, болгарский язык, мифология.

Ссылка для цитирования: Седакова И.А. Этнолингвистика и фольклорная поэтика. 4. «Мать превращает сына в змея» // *Славяноведение*. 2024. № 4. С. 80–94. DOI: 10.31857/S0869544X24040073, EDN: WWRAEU

Ethnolinguistics and Folklore Poetics. 4. «A Mother Bewitches her Son into a Snake»

© 2024. Irina A. Sedakova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ised@mail.ru

The article is supported by the Russian Scientific foundation, project 'Semiotic models in the cross-cultural space: Balcano-Balto-Slavica', #22-18-00365

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the Bulgarian folk songs «Mother turns her son into a snake», which are distinguished by a unique mythological plot and describe the transformation of a person due to the magic activity of the mother into a hybrid creature – half-man, half-snake. The study focuses on the structure of the song and the combination of repeated and unique content blocks. A special place is given to mythological aspects – the description of gypsies as carriers of magical knowledge, herbs that separate spouses, preparation of a witch's potion, the characteristics of how a demonological character is presented in the songs and in other folklore genres. The explicit didacticism of the song is shown – using the example of reprisals against the mother, the ideas are conveyed that slander, hatred in the family, and black magic are punishable. The conclusion contains the main ideas of the depiction of ethnographic reality with folklore poetic means.

Keywords: semiotics, ethnolinguistics, folklore, poetics, Bulgarian language, mythology.

For citation: *Irina A. Sedakova. Ethnolinguistics and Folklore Poetics. 4. «A Mother Bewitches her Son into a Snake» // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 80–94. DOI: 10.31857/S0869544X24040073, EDN: WWRAEU*

Эта статья продолжает цикл работ по изучению фольклорно-этнографических параллелей и особенностей словаря и поэтики болгарских мифологических баллад¹. В предыдущих статьях рассматривались некоторые аспекты передачи этнографических сведений и «цитирование» других фольклорных жанров в народных песнях: функционирование проклятий в балладах [Седакова 2008], описание страданий святой Недели в свете воскресных запретов на работу [Седакова 2011] и реализация поверий о слезе в сюжете о смерти юноши [Седакова 2023а]. В этой статье я разбираю сюжет «Мать превращает сына в змея/ужа» («Майка превръща сина си в змей/смок»)² и концентрирую внимание на том, как темы метаморфозы, колдовства и мифологии (демонологии) отображаются в фольклорных балладах.

Этнолингвистические методы, используемые в данной работе, в значительной мере сопряжены с семиотикой и базируются на восприятии традиционной культуры и обслуживающих ее текстов как знаковых систем. Идеи о параллелизме языка и культуры, в том числе и фольклора, как семиотических систем проходят через все этнолингвистические труды Н.И. и С.М. Толстых [Толстой 2013, 14, 27; Толстая 2013, 68–69] и во многом на них основаны. Кроме того, изучение сюжета о метаморфозах непосредственно связано с семиотическими исследованиями в области мифологии В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Т.В. Цивьян и других, разработывавших «змеиные» темы в свете основного мифа [Иванов, Топоров 1965; 1974; Иванов 1980; Цивьян 1977].

¹ О терминах «семейная баллада», «мифическая песня» и других в болгарской науке см. [Седакова 2023а, 497]. О важности учета номенклатуры жанров в конкретной традиции писал В.Н. Топоров [Топоров 1974, 5].

² В болгарской научной традиции при публикации народных песен их обозначают по первой строке [НПБУМ], дают им условное название на основании сюжета [Молерови 2006] или используют именования по двум вышеуказанным принципам [БНБ 1, 2]. Исследуемый в статье сюжет может фигурировать в одном издании под разными заголовками: «Мать превращает сына в змея с помощью магии», «Сын – змей по вине матери», «Мать хочет различить сына с бездетной женой при помощи магии» [БНБ 1, 329–338], «Свекровь – колдунья» [Молерови 2006, 201–202].

«Змеиная» тема в фольклоре и в ритуально-обрядовой практике всех народов совершенно необъятна [Попов 1983; Баева 2016; Бер-Глинка 2016]. Даже если сузить материал одной традицией и одним жанром – болгарскими фольклорными балладами, можно говорить о десятках сюжетов, в которых змеям отводится главенствующая роль³ («Муж-змея/змея/уж», «Змей сватается к девушке», «Змей превратился в парня и обманул девушку», «Девушка и пастух-змея», «Благодарная змея», «Змея любит пастуха», «Сын-змея»⁴ и др.).

Змеи выступают медиаторами между Богом, святыми и людьми – так, они наказывают девушку, которая работает в праздник: «Пъстра са ѝ змея спузнала, / Радка във стана убила, / в коси ѝ гнездо извила, / в гнездо змийчета измотила» [Пестрая змея спустилась, Радку в ткацком станке убила, в ее волосах гнездо свила, в гнезде змеенышей вывела]⁵. В песнях с сюжетом «Отец проклинает сына, который подал на него в суд» фигурируют змеи и змееныши, в которых по отцовскому проклятию превращаются жена и дети сына: «Когат са назад повърнеш, / Къщата в камък да свариш, / Жена си – змия усойна, / Децата – малки змийчета. / Като са назад повърна, / ...Къщата в камък завари / Жена си – змия усойна, / Децата – малки змийчета» [Когда ты домой вернешься, пусть дом твой камнем станет, жена змеей обернется, а дети – малыши змейками. Когда назад он вернулся, не дом, а камень увидел, вместо жены – гадюку, вместо детей – змеенышей]⁶. Подобные проклятия встречаются и в песнях на другие сюжеты, например, в песнях о свекрови-клеветнице⁷. В ряде песен описывается, как для умерщвления героя отыскиваются и используются части змеи, собирается змеиный яд. Например, в распространенном сюжете «Сестра отравляет брата»⁸ юноша учит возлюбленную, как добыть яд змеи⁹, чтобы лишить жизни брата, противящегося ее свадьбе. Этот ряд можно значительно продолжить.

При анализе «змеиной» темы надо учитывать то, что в народных представлениях о змее соединяется по крайней мере две ее ипостаси: змея как животное (далее ЗЖ) и змея как демон, мифологический персонаж (далее ЗМ). В фольклорных произведениях ЗЖ и ЗМ нередко контаминируются, смешиваются или являются взаимозаменяемыми. Так, в песнях об отравлении брата для сбора змеиного яда необходимо отыскать змею (*сойна ми змия, пепелянка* «змея из оврага, гадюка», *змия ридовкиня* «змея с холмов»), но в некоторых вариантах появляется *сойна ламя* («змея из оврага»).

Образ ЗМ у южных славян и балканских народов вбирает в себя представления об «облакопрогонниках», летающих змеях-драконах, именуемыми на Балканах (*х)ала, аждай/я, аждер, лам(и)я*) [Плотникова 2004, 222–231], а представления о домовом змее совмещают в себе образы ЗЖ и ЗМ и пр., и подобные контаминации последовательно проходят через все фольклорные тексты.

Анализируемые в этой статье баллады выделяются в корпусе «змеиных» народных песен рядом особенностей. Прежде всего – это исключительно болгарский сюжет, что отмечают многие фольклористы¹⁰. В указателе мотивов

³ Сюжет (7.1.3, 7.1.4) *Krstić* 1984, 22. Номер сюжета указывается далее в круглых скобках и только в том случае, если он обнаружен в доступных мне указателях мотивов.

⁴ (K76B) *Березкин, Дувакин*.

⁵ БНБ 1, 418–419.

⁶ БНБ 2, 377–378.

⁷ НПБУМ 2, № 1432.

⁸ (Н 8,2,2,6) *Krstić* 1984.

⁹ В этих песнях идет речь о змеином яде, однако и здесь в некоторых вариантах ЗЖ смешивается с ЗМ.

¹⁰ По устному сообщению сербских, румынских и албанских коллег, в соответствующих традициях этот сюжет отсутствует. Ср. также мнение болгарской исследовательницы [Беновска-Събкова

южнославянских песен Б. Крстич обозначает этот сюжет как «Человек, политый отваром из трав, превращается в человека-змея» и приводит исключительно болгарские источники¹¹. Эти песни известны во множестве вариантов — в собрании Т. Моллова¹² фиксируется свыше 200 версий из всех регионов страны, а также из болгарских диаспор Молдовы, Греции, Сербии при том, что часть опубликованных вариантов в нем не учтена¹³. Примечательно также и то, что в центре этих баллад — мифологический гибридный персонаж — получеловек-полузмей / полу-уж, который в других фольклорных песнях не фигурирует.

Баллады повествуют о том, как свекровь невзлюбила в силу разных причин невестку и решила разлучить ее со своим сыном, околдовав ее с помощью отвара из трав (или частей змеи), которые она приобрела у цыганок. Невестка узнала о ее планах и поменялась на ночь в постели местами с мужем. Свекровь приготовила зелье и полила им своего сына, в результате чего он превратился в получеловека-полузмею. Концовка баллад сводится к двум вариантам — сын «излечивается», возвращает антропоморфный облик и жестоко наказывает свою мать или же (реже) остается в облике змеи и женится на царице змей.

Сюжет данной песни строится на соединении ряда мотивов, среди которых можно выделить базовые структурные блоки; в различных версиях они (за исключением сюжетообразующих, центральных) подвергаются вариациям или могут отсутствовать (отчасти в силу того, что фрагменты песни утрачиваются):

- а. зачин: почему свекровь возненавидела невестку;
- б. поиск и приобретение свекровью магических средств, их состав и предназначение;
- в. невестка узнает о планах свекрови;
- г. супруги меняются местами в постели;
- д. превращение;
- е. действия невестки с мужем-змеей;
- ж. финал: расправа сына с матерью или его уход в змеиное царство.

Часть этих блоков мигрирует из песни в песню независимо от их основного сюжета; немало песен с иными сюжетами повествует о том, как свекровь, возненавидев невестку, находит магические средства у цыганок и разлучает сына с женой без превращения сына в змея¹⁴, или клеветает на невестку и требует, чтобы она была убита¹⁵. Однако блоки **д**, **е** и **ж** — именно мифологические, описывающие превращение, являются стержневыми для сюжета «Мать превращает сына в змея» и с незначительными вариациями присутствуют во всех песнях на эту тему.

Мифологизм этих песен сочетается с подробным прописыванием бытовых деталей, что типично для фольклора в целом и для болгарских баллад в частности (подробнее об этом см. [Седакова 2023b]). Зачин (**а**) во всех вариантах именно бытовой, описывающий патриархальные семейные отношения: свекровь недовольна, что невестка ее не почитает, что у нее нет приданого, что она часто уходит из дома, что у нее в доме постоянно гости, что она не может родить ребенка; мать также ревнует сына, который «слишком» любит свою жену.

1991, 100–101].

¹¹ (G3,3) *Krstić* 1984.

¹² В статье, если не указано иначе, используются материалы сайта Т. Моллова, на котором собраны баллады из опубликованных и архивных источников [БФМ]. Фольклорные тексты на этом сайте передаются в упрощенной фонетической записи.

¹³ К примеру, интересный вариант песни фрагментарно публикуется в сборнике о Пиринском крае [Пирински край, 508].

¹⁴ БНБ 1, 337–342.

¹⁵ (H10,3,2,6) *Krstić* 1984.

Еще одним вариантом зачина является диалог невестки с мужем: она доит коров или выполняет домашнюю работу и плачет, поскольку узнала о планах свекрови: «Либе Калино, Калино, / що доиш крави, та плачеш? / – Либе Стояне, Стояне, / как да не доим и плачем / – нашата пуста свекърва, / тя иска да ни раздели!» [Милая Калина, Калина, что ты доишь корову и плачешь? Милый Стоян, Стоян, как мне не доить и не плакать – наша проклятая свекровь, она хочет нас разлучить]. Подобный диалог служит зачином многих болгарских песен с другими сюжетами.

Далее следует «этнографическая» или «мифологическая» часть (б), которая требует подробных этнолингвистических и семиотических комментариев. Свекровь ищет средства, чтобы околдовать нелюбимую невестку и разлучить сына с женой. За травами и советом она обращается к цыганкам, нередко с эпитетом «валашским», которые считаются носителями магического знания¹⁶. «Другой», «чужой» в народных представлениях всегда наделяется особой магической силой¹⁷ [Ангелов 1997], к этому поверью добавляется и то, что цыгане «много ходят и много знают».

Лексика, обозначающая в песнях цыганок, разнообразна: в большинстве песен они именуются *цыганки*, однако используется устаревшая и диалектная лексика: *егюпки (агюпки, ягюпки), катунарки, катунки*¹⁸. Чаще всего этноним сопровождается постоянным эпитетом «черный», применяются также уничижительная лексика «голые и босые», «проклятые», «ненавистные», что типично для всего корпуса болгарских народных песен и шире – фольклора¹⁹. При этом свекровь обращается к цыганам как к сестрам и братьям – прием, известный в народной магической речи, ср. болгарский глагол *сестря се* ‘объявлять сестрой’ (*Мама цыганки сестри-ла*), как к добрым подругам *добри достунки*. Кроме цыган, упоминаются и другие народы: татары, валахи, *аранки* ‘арабка, негрityянка’, используется и лексика, которая в словарях дается с пометой «грубое»: *манафки* (турчанки из Малой Азии). Другим обозначением турчанок служат *трокменки, трукменки*, искаженное ц.-слав. *трокмани* как обозначение представителей огузских тюркских племен (в русском языке известны как *туркоманы*). Нередко подчеркивается, что цыганки не местные, из других сел (*другоселченки, горноселянки*), городов Сливена (*цыганки дор три сливенки*), Ямбола (*цыганки, черни ямболки*) или просто издалека. Добавляется обозначение цыганок как «знающих» и «колдуний»: *вещарки, многознайници: магьосници, развалници*.

Именно эти свойства цыганок как «знающих» релевантны для свекрови. Она объясняет цыганкам, что хочет разлучить сына с женой, иногда используя индоевропейское сказание, зоонимическую метафору о бездетной короле²⁰, хочет, чтобы ее сын возненавидел свою жену и прогнал ее из дома. При этом превращение в змею эксплицируется лишь в трех вариантах песен, в остальных же образ змеи как

¹⁶ См. работу о вере в действенность валашской магии у сербов, основанную на современных полевых исследованиях [Голант, Рыжова 2019; Ivkov-Džigurski et al.].

¹⁷ Отношения славян (болгар, сербов) к цыганам как к «другим» описано в монографии О. В. Беловой [Белова 2005, 41]. К цыганам, по сербским фольклорным данным, обращаются, в частности, за приворотными средствами [Станојевић 1933, 63], по болгарским – для лечения бесплодия [Родопи, 120]. Мне не известны подробные исследования о цыганах как носителях магических сведений в представлениях болгар. В толковых словарях к слову *цыганин* приводятся переносные значения «нищий», «обманщик» [РБЕ, с. v.], и одним из обозначений цыганок в исследуемых песнях служит турцизм *яланджийки* «обманщицы». В «Словаре духовной культуры болгар» в статьях «Цыган», «Цыганка» говорится только об этих персонажах в процессах ряженных [Барболова и др. 2018].

¹⁸ РБЕ, с. v.

¹⁹ Дабева 1939, 59.

²⁰ Ср. подобную метафорическую зоонимическую лексику при сватовстве.

концентрирующей ненависть, отвращение, брезгливость и другие эмоции, как материализация метафоры физического охлаждения²¹ присутствует имплицитно.

Разлучение сына и невестки обозначается в песнях предикатами и глагольными конструкциями со значением 'разделить', 'отделить', 'оставить', 'возненавидеть', 'бросить'. Эта же семантика представлена в народных фитонимах – свекровь ищет «разлучающие», «разделяющие» травы, вызывающие чувство ненависти и др. Названия этих растений многообразны с точки зрения их морфологии и соответствуют словообразовательным моделям, типичным для фольклорного языка: *билки разделни*, *билчици разделчици*, *билчици-разделчици*, *билки-разделки*, *разместни билки* и др. Травы именуются также «колдовскими»: *омайно биле*, *направилки*, *върли маджие*, *тежке маджийне*, *биле омайниче*; вызывающими ненависть и отвращение: *билки омразилки*, *билки отвратни*; «ядовитыми»: *отровни* и др. В качестве эпитетов используются прилагательные с широким спектром негативных значений: «плохие», «лютые», «страшные» (*лоши*, *люти*, *страшни билки*). Для магического воздействия на невестку свекровь использует и «змеиные» травы: *смоково биле*, *змейови билки*, *змейничево*, *змейорно биле*. Кроме того, в магических целях в ход идут змеиный рог; кости, чешуя и пепел гадюки; лапки ящерицы и жабы; выползок и голова ужа.

Конкретные фитонимы, призванные разделить супругов и / или навредить невестке²², встречаются в песнях с этим сюжетом очень редко, доминируют родовые названия наподобие «разлучающие» или «змеиные» травы. Упоминаемые в песнях травы известны в магической практике – их используют для «лечения» парня или девушки, которых любит змей, и избавления от него: *синя*, *бяла*, *загорска*, *горска*, *полска тинтява* (горечавка), *червена (жълта) кумонига* (донник); частично это другие травы: *планински син тъжсек*, *тъжец* (садовый ирис), *овчарска чубрица* (чабер), *теменуга* (фиалка), *метличина* (василек), *чемерика* (чемерица) [Мишев 2021; Стоилов 1921, 164; Георгиева 1993, 117]. Очевидно эти растения символизируют двустороннюю связь между человеком и змеей (змеем) и их потенциал к возможной метаморфозе. Таким образом эксплицируется амбивалентность «колдовских» реалий, контаминация их функций и многонаправленность.

В балладах ритуал изготовления зелья описывается подробно: оговаривается, что во время варки нужно быть обнаженной, без головного убора, босой, готовить зелье надо в заброшенном доме в полночь, в ночь с пятницы на субботу в «непочатой» воде в новом горшке: «Да си бильето увариш, / у къща запустелица, / със вода неначената, / с гърне необжежено, / че влезнеш гола гологлава, / че влезнеш точно полунощ» [Сваришь свои травы в доме заброшенном, на воде непочатой, в горшке необожженном, войдешь туда голая-непокрытая, войдешь ровно в полночь]. Добавляются и некоторые другие детали – для действенности магических средств необходима вода, набранная из девяти источников, а входить в дом следует спиной: «Узела ново гърненце, / на девет брода ходила, / по-цяла вода узела, / и се назаде върнала. / Гърне на огън сложила, / билки омразни варила, / гърбом в собата увлязла» [Взяла новый горшочек, на девять бродов сходила, «целую» воду набрала и домой вернулась. Горшок на огонь поставила, травки ненависти варила, в комнату спиной вошла]. Балладная версия приготовления колдовского зелья полностью совпадает с «этнографической» – той, что воспроизводится в болгарских описаниях действий знахарок. Так же этнографически точен и сам способ

²¹ Метафора охлаждения встречается в любовных отсушках, ср. сквозной термин *ледяной* в отворотном заговоре [Заговоры, 47].

²² «Травы, вызывающие ненависть и предназначенные разлучить влюбленных» – очень представительная группа песен в южнославянском континууме (G, 3, 7) *Krstić* 1984.

магического воздействия – описывается поливание, опрыскивание наговоренной водой или отваром из трав, используемое как для вредоносных, так и для лечебных целей, в частности, от бесплодия²³ (ср. специальное исследование этого вида магических действий [Мишев 2020]).

Важным с точки зрения параллелизма фольклорной поэтики и этнографического содержания представляется описание того, как невестка узнает о замысле свекрови (блок в): ее оповещают цыганки, оценив ее достоинства и пожалев ее. Невестка как младшая (и как находящаяся в особом иерархическом статусе) соблюдает правила этикета: вежливо приветствует цыганок, уступает им дорогу, дает им напиток, утверждая, что «вода Божия, пейте, сколько можете». Особо отмечается, что она следует балканским канонам гостеприимства и угощает цыганок в доме, подносит им сладости. Цыганки обращают внимание на то, что она хорошая хозяйка: «Я глядай, мари, я глядай,/ как е подляло и подмело,/ как се е гладко оплело,/ как ше затрием туй булче,/ туй булче, тъз младинка?!» [Смотри-ка, смотри-ка ты, как она полила и подмела двор, как ровно заплела косу, как же мы уморим эту невестку, эту невестку, эту молодуху?]. Такое поведение не согласуется с тем, как в зачине свекровь описывает нарушение правил иерархического подчинения в семье²⁴: «че ми хатъра не гледа,/ вкъщи ми пътя минава,/ не съм ли права, не става» [она меня не уважает, дорогу мне в доме переходит, не встает, если я не встаю].

Узнав о планах свекрови, невестка настаивает на том, чтобы они с мужем на ночь поменялись местами в кровати, жалуясь на боли в спине или выражая надежду, что она зачнет ребенка (блок г). В полузмея-получеловека превращается ее муж (блок д), а она же остается такой, как была: «Взела, напръскала хи,/ та си Стояна омай,/ пък Рада пак е весела,/ весела и засмяена» [Взяла <свекровь> и их опрыскала, и Стояна околдовала, а Рада все такая же веселая, веселая и улыбающаяся].

Мифологический персонаж, который подробно описывается в балладах о превращении мужчины вследствие магических действий матери, фигурирует и в быличках – т.е. в текстах, которые повествуют о «реальных» событиях, случившихся со знакомыми или родственниками. Так, например, в области Монтана записаны рассказы о том, как одна женщина родила подобного полузмея-получеловека, а другая (ее имя даже указывается – *баба Райна*) такое чудовище выкопала в поле в змеиной норе²⁵. Второй рассказ заканчивается констатацией: «Значи сигурно е, че е имало такива змейове навремето» [Значит, это точно, что такие змеи раньше водились]. Более того, рассказ о встрече с полузмейей-получеловеком преподносится как «свидетельство» от первого лица, в интервью, записанном в 2014 г. в Плевенской обл., см. «Видял змий и сайбия» [33ЛХ, 46–50]. Демонологический персонаж *змей*, по поверьям в области Сакар, представляет собой «наполовину человека наполовину ужа. Тело у него мокрое, покрытое золотой чешуей. У него зеленые зубы, потому что он питается в основном травой. По вечерам он превращается в красивого молодца»²⁶. Подобные сведения фиксируются и в других областях Болгарии, например, в Ловечском крае: «Одна из ипостасей змея – наполовину змей, наполовину человек»²⁷. Похожий персонаж известен и в Родопах

²³ Ловешки край, 288.

²⁴ Непочитание старших составляет зачин многочисленных песен с сюжетом «Свекровь-клеветница». Эта тема требует особого исследования.

²⁵ Старозагорская обл. [33ЛХ, 204, 38].

²⁶ Сакар, 232.

²⁷ Ловешки край, 287.

как дух — охранитель села: *Селското — отгоре змей с едно око, отдолу човек* «Сельский <дух> — сверху змей с одним глазом, снизу человек»²⁸. Мифический «хозяин» водного источника в Родопах появляется в облике разных животных (барана, собаки, козы, лягушки), в том числе и змеи, причем у змеи «получеловеческая голова и крылья», т.е. это гибридный мифический персонаж с элементами змея-дракона²⁹.

Т.В. Цивьян, анализирувавшая балканские черты змея в свете основного мифа, отмечает, что в змее есть человеческое, а в человеке — змеиное, и ссылается именно на анализируемый в этой статье сюжет: «Зыбкость границы между змеем и человеком, способность змея к метаморфозам обуславливает и относительную легкость превращения человека в змея и обратно, см. хотя бы “Злая свекровь превращает своего сына в змея”» [Цивьян 1977, 185–186].

По народным поверьям болгар, змея произошла из человека [Маринов 1891, 154]; по другим свидетельствам, она может превратиться во что и в кого угодно [Барболова 2020, 263], метаморфозы почти обязательны во всех фольклорных сюжетах. В балладах описание самого превращения чаще всего опускается, как это бывает в сказках: мать поливает сына отваром, и он просыпается уже человеком-змеей. Лишь в двух известных нам балладах показаны этапы превращения героя: «Стоян се от сын събуди — / до коленете пъстър смок, / от коленете жив челяк, / доде се зора зазори, / по пояс станал пъстър смок, / от пояс станал жив челяк!..» [Стоян от сна пробудился, до колен он пестрый уж, от колен — живой человек, пока заря зазорилась, снизу до пояса стал он пестрым ужом, выше пояса стал живым человеком]. Как утверждают болгарские фольклористы, чаще всего после превращения у героя нижняя часть змеиная, а верхняя — человеческая; лишь единичные случаи, когда все тело человеческое, и только голова — змеиная³⁰. Между тем в балладах, при том что доминирует наиболее распространенный териоморфно-антропоморфный вид «заколдованного» сына, встречаются и варианты: нижняя часть человеческая, а верхняя — змеиная, или даже такое сочетание ЗЖ и ЗМ: «Стоян се в змия обърнал, / до пояс змия отровна, / нагоре змей се обръща, / ръце му — крила змейови, / глава му — глава на змейо...» [Стоян в змею превратился, до пояса змея ядовитая, сверху в змею превратился, руки у него — змеиные крылья, голова у него — голова змея]³¹.

Териоморфное существо после превращения обозначается и демонологической (*змей*), и зоологической (*змия*, *смок*) лексикой. Чаще, однако, используется лексема *змей* с эпитетами *огнен* ‘огненный’, *грамаден* ‘громадный’, *страшен* ‘страшный’, *силен* ‘сильный’, апеллирующими именно к демонологической ипостаси превращенного. В некоторых вариантах фигурируют другие мифические персонажи — трехглавая змея («Я съм станул змия тройоглава» [Стал я змеей трехголовой]) и крылатый змей, который не выползает, а вылетает из дома. Намечаются в балладах также этапы дальнейших метаморфоз, подобно тем, что описаны в прозаических текстах о змеях-драконах, именуемых *хала*, *ламя*, *аждер*: «да сторя девет месеца, / докато ми криле израстат, / в небеса, либе, да хвъркна, / облаци тъмни да вода...» [пройдут девять месяцев, пока у меня крылья вырастут, в небеса, любимая, я взлечу, тучи темные я поведу за собой].

²⁸ Троева-Григорова 2003, 96.

²⁹ Родопи, 46.

³⁰ ЗЗЛХ, 38.

³¹ Гибридные существа с их двойственной сущностью описываются Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым как особенно пугающие и чуждые человеческой природе [Иванов, Топоров 1965, 163].

Новой ипостаси сына присуща амбивалентность – сочетание человеческого и демонического (звериного), это проявляется и в том, как описываются его действия после превращения: он шипит, ползет, извивается; «със уста само съскаше./ не можеше той да говори» [устаи лишь шипел он, говорить не мог]; «Сутринта се на смок превърнал/ и като смок засвирил» [Утром в ужа превратился и, как уж, засвистел он]; «Стоян се на змей превърнал./ като говедо ревеше» [Стоян в змея превратился, он мычал, как скотина]. Передвижение обозначается глаголами со значением «ползти» (*пълзеше*) и «тянуться»: *влече се, повлече, привлече, извлече*, типичными для описания передвижения змей и идеи «протянутости, протяженности их в пространстве» как важной характеристики³², ср. однокоренное *влечуго* «рептилия». В ряде вариантов МП вылетает из дома как змей-дракон (*префръкна / прехвъркна*), промчался со свистом (*изфуча, изсурна*), разговаривает, как человек.

Такое соединение «человеческого» и «нечеловеческого» проходит через все тексты; вид этого МП пугает всех, особенно детей, а домашние животные на него кидаются: «Кучета лаят по него./ кокошки крекат по него» [Собаки на него лаят, куры вслед ему кудахчут]. Этим объясняются наказания (блок е) превратившегося сына своей жене: «Води ме горе в грамади / да не се плашат децата от мене» [веди меня вверх в каменоломню, чтобы дети меня не пугались].

Гибридный образ получеловека-полузмея в песнях задает амбивалентность в развязке (**ж**) – побеждает или «человеческая» его часть, и тогда он возвращается в семью, или «змеиная», и тогда он женится на змее и остается в змеином царстве. Последние концовки единичны, и это, очевидно, связано с тем, что обратная метаморфоза из змея в человека влечет за собой наказание матери-губительницы, что соответствует дидактической направленности фольклора.

Наиболее частая расправа с матерью-разлучницей, которую изображают в балладах – это обливание смолой и сжигание, причем горит она (в соответствии с экспрессивной фольклорной гиперболой) три дня и три ночи. Такой тип казни указывается Д. Мариновым как пережиток патриархального устройства общества, в народной памяти хранится подобная расправа с женами-изменницами [Маринов 1907, 152]. Следующее по частоте наказание совершается через язык – сын просит мать поцеловать его, а сам жалит ее в язык или отгрызает его, вследствие чего она превращается в змею или умирает: «Посегна да я целуне / и й езика отгризна» [Потянулся поцеловать ее и ей язык отгрыз]; Като я по език ухапа, / тя се с душа раздели [Как ужалил в язык ее, так она с жизнью простилась]. В болгарской традиционной культуре у языка, кроме речевых функций и вкусовыми рецепторами, фиксируется и еще одна – волшебным образом оказывать воздействие на человека или животное и на судьбу³³. В болгарских сказках поцелуй в язык превращает змею в женщину, а юноше дает несметное богатство³⁴. Известны также проклятия: «Змия ти езика изяла» [Чтоб тебе змея язык съела]³⁵; ср. сербское «Бајо Јоване, Јоване / змија ти езика изјала» [Бай Йован, Йован, чтоб тебе змея язык съела]³⁶. В песнях язык выступает как орудие клеветы, поэтому через него

³² Ср. запреты на действия с длинными тонкими предметами (нитьями, веревками, шнурками и пр.) в «змеиные» праздники – день Сорока мучеников Севастийских (09.03. ст. ст.), Благовещения (25.03. ст. ст.), чтобы уберечься от змей летом [Ловешки край, 309].

³³ Галанова 2008а, 47.

³⁴ Даскалова-Перковска и др. 1993, 144–№ 409А; СбНУ, т. 60, ч. 1, 163; Бер-Глинка 2016, 439; Беновска-Събкова 1992, 23.

³⁵ Дабева 1935, 21.

³⁶ Рајковић 1981, 221.

приходит наказание матери-клеветнице: «Че й езика отхапа,/ да не може ник'ги да продума» [И язык откусил ей, чтобы никогда говорить не смогла она].

Глаза — еще один орган, через который сын наказывает мать, «Очите да й изпием, / она че стане змеица,/ я че си станем млад Стоян...» [Выпью у нее очи, она станет змеей, а я стану молодым Стояном]. Мотив выпивания глаз змеями часто встречается в болгарском фольклоре, известно проклятье «Змии ти очите изпили» [Чтоб тебе змеи глаза выпили]³⁷, а этиологические легенды повествуют о том, что Солнце было двуглазым и светило слишком ярко, пока змея не выпила у него один глаз³⁸. В болгарских балладах о разговоре с умершей матерью (дочерью) на могиле часто говорится о том, что змеи свили гнезда в волосах покойной и выпили глаза.

Мифологически маркированным в этой балладе является и лоб: «Че си се мама му наведе,/ че по челото я ухапа./ Стоян стана жив човек,/ майка му — пьстьр смок» [Мать к нему наклонилась, он ее в лоб укусил. Стоян стал живым человеком, мать его — пестрым ужом]. Лоб, по поверьям, — средоточие жизненной силы, именно на нем записана судьба, предсказанная орисницами³⁹. Чтение заговоров сопровождается разнообразными действиями со лбом пострадавшего от сглаза: знахарка плюет в середину лба и растирает слюну к вискам, лижет лоб, трет лоб, смачивает лоб заговоренной водой, растирает лоб солью, дует на него, трет большим пальцем правой руки, касается лба языком⁴⁰, от эпилепсии знахарка произносит заговор, предварительно плюнув на палец и нарисовав им крест на лбу⁴¹. «Заговор на лоб» читается и от испуга⁴²; лоб служит верхней частью креста (три другими точками служат подбородок и две щеки) в действиях знахарки: так, остывшим угольком окрещивают больного «от худобы вследствие голода»⁴³. Нередко в описаниях действия знахарки обозначается точка на лбу — между бровями; эта же точка в песнях указывается как место укуса змеи, что встречается и в других песнях: также «Изправи са люта змия / та си кльцна Марко българина / та го кльцна на челото / на челото между двете вежди» [Выпрямилась лютая змея и укусила Марко болгарина и укусила его в лоб между двух бровей].

В песнях описываются и другие страшные наказания матери: сын отрубает ей руки, ноги или только голову; он запрягает двух коней, сажает на них мать, они несутся в разные стороны и разрывают ее надвое. Разрывают мать и змеи: «люти са змейове излезли / и са майка му разкъсали» [лютые змеи вылезли и мать его разорвали]. Сын проклинает ее, и она уходит в землю: «Земята да се разтвори, / девет педи навътре да влезеш» [Пусть земля расторгнется, и ты на девять пядей вглубь войдешь]. Из других вариантов гибели клеветницы отметим ее самоубийство: «че си е колан разпасала, / на сладка ябълка вързала, / там се е майка му обесила» [свой пояс она развязала, на сладкую яблоню привязала, и там его мама повесилась].

Эксплицированная вербальная дидактика⁴⁴ вложена в уста сына: «Да знаеш, мамо, да помниш, / как си омразила сина си,/ сина си и снаха си!» [Чтобы ты мама знала и помнила, как ты сына со снохой возненавидела]. Наказание изображено

³⁷ Дабева 1934, 15.

³⁸ Родопи, 10.

³⁹ Галанова 2008b, 187.

⁴⁰ Тодорова-Пиргова 2003, № 25, 59, 44, 50, 60, 62, 72.

⁴¹ Тодорова-Пиргова 2003, № 3 43.

⁴² Тодорова-Пиргова 2003, № 179.

⁴³ Тодорова-Пиргова 2003, № 474.

⁴⁴ По мнению ученых, это важная форма трансмиссии личностных и коллективных правил поведения в традиционном обществе [Иванов-Топоров 1965, 8].

публичным – на сельской площади: «На мегдана я запалва, / та да се чуди мало и голямо» [Поджог он ее на сельской площади, чтобы видели и молодые, и старые]. Особенно подчеркивается, что видеть казнь должны все: «да гледа старо и младо; / да гледа мало и голямо, / майка как прави, разделя» [пусть смотрят и молодые, и старые, как мать колдует, разлучает]; «да види мало, голямо, / каква е била душманка [пусть видят и малые, и большие, какая она зловерная]; «Да знае мало и голямо, / щом се младите искат, / старите да се не месят, / защо-то стават чудеса [Пусть знают малые и большие, если молодые любят друг друга, старые пусть не вмешиваются]; «да знае тя, да помни, / че с магия не се играе» [пусть знает она, пусть помнит, что с магией шутки плохи]. Таким образом песня служит иллюстрацией народных воззрений на то, что навет и клевета, ненависть и озлобление в семье, а также колдовство и черная магия наказуемы.

В заключение следует отметить, что бытовые и этнографические описания подчиняются определенным правилам фольклорной поэтики. Часть деталей опускается, вплоть до того, что создается алогическая парадоксальная ситуация – так, в песнях практически не описываются реакции жены, когда она видит, что ее муж превратился в получеловека-полузмея. Благодаря бытовым деталям мифическое воспринимается как реальное: жена встает, разжигает очаг, начинает печь хлеб и др.

Другая часть описаний расширяется – формулы обозначения локусов небытия, встречающиеся в заговорах, дополняются: «Иди ни бъзе набери, / гдето го вятър не вей, / гдето го слънце не грей, / гдето го сянка не стига!» [Иди набери бузины нам, там, где ветер на нее не дует, где солнце на нее не светит, где тень на нее не падает]; «Петкано, либе Петкано, / в гора ме, либе, однеси, / там къде петли не поят, / къде секира не сече» [Петкана, милая моя Петкана, в лес меня, милая, отнеси, туда, где петухи не поют, где топор не рубит]. «Опасное», лиминальное время обозначается уникальной, не встретившейся мне более нигде формулой: «Ни в туй време, ни в онуй» [Ни в то время и ни в это], ср. болг. *никое време* «никакое время». Появляются новые, явно книжные формулы, следующие, однако, традиционным фольклорным образцам: «До полунощ мир и милост, / от полунощ остри ножи, / до полунощ тънка Стана, / от полунощ люта змия!» [До полуночи мир и милость, после полуночи острые ножи, от полуночи тонкая Стана, после полуночи лютая змея!].

В песни, как это часто встречается в болгарском фольклоре, встроены проклятия: «Стоян я люто кълнеше: / – На мястото ти шипка да никне, / който мине, да се окъче /и люто да те прокъльне!» [Стоян проклинал ее люто: «На твоём месте пусть куст колючий вырастет / кто ни пройдет, пусть уколется / и пусть тебя проклянет люто»], ср. [Седакова 2011].

Обращает на себя внимание изобилие словообразовательных неологизмов и окказионализмов в соответствии с поэтическими приемами жанра баллады. Многие термины знахарок не фиксируются в словаре традиционной культуры болгар, они создаются по морфологическим законам болгарского языка и следуют эмоциональной поэтике народных песен⁴⁵: *многознайница*, *многознаенка*, *многопътница*, *развалница* и др. Травы, которые использует свекровь, обозначаются по их функциям, в связи с чем задействованы основы со значением ‘разлучать’ ‘разлюбить’ ‘разделить’ ‘оставить’ ‘развести’. Так появляются сдвоенные «рифмующиеся» существительные *билки-разделки*, *билки-усойки*, а также адъективные

⁴⁵ О таких словообразованиях на материале русских фольклорных текстов см. [Толстая 2005; Агапкина 2023].

словосочетания *оставни билки, остално, размилно, расколно биле, билки разпарясни*, и это характерно не только для описания трав: *магия за омразия* «магия для ненависти».

В песнях встречаются устаревшие слова (*раставям, растана* в значении «разлучать», *екимджийка* «знахарка» и др.), что также типично для фольклорной поэтики [Вакарелска 1980]. И наконец, все песни построены на использовании постоянных эпитетов, в том числе цветowych, которые составляют общезнакомый лексикон: «от зелен гушер краката, / от жълта змия утръски, / и от черен смок главата» [лапки зеленой ящерицы, желтой змеи сползок / голова черного ужа].

Обобщая изложенное, отмечу, что представленность этнографических фактов в фольклорных произведениях всегда подчиняется поэтике устного народного творчества. Набор поэтических средств неизменен, но их комбинация зависит от конкретного сюжета, и уникальность поэтики каждого сюжета создается уникальным соединением неуникальных элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Барболова З. Энциклопедия на персонажите в българската митология. София: Наука и изкуство, 2020. 692 с.
- Барболова З., Симеонова М., Китанова М., Мутафчиева Н., Лезурска П. Речник на народната духовна култура на българите. София: Наука и изкуство, 2018. 504 с.
- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>.
- БНБ – Български народни балади и песни с митическо и легендарно съдържание // Сборник за български народоумствования. София: Издателство на БАН, 1993. Т. 60. 927 с.
- БНПП – Българска народна поезия и проза / Богданова Л., Бояджиева Ст. и др. (съст.). София: Български писател, 1982. Т. 4. 494 с.
- БФМ – Български фолклорни мотиви. Т. II / Моллов Т. (съст.). Електр. издание; https://liternet.bg/folklor/motivi/nedko_urochasan/content.htm.
- Галанова М. Език // Митология на човешкото тяло. Антропологичен речник / съст. и науч. ред. М. Георгиев. София: Академично издателство «Професор Марин Дринов», 2008а. С. 46–51.
- Галанова М. Чело (лоб, челинка) // Митология на човешкото тяло. Антропологичен речник / съст. и науч. ред. М. Георгиев. София: Академично издателство «Професор Марин Дринов», 2008б. С. 186–188.
- Дабева М. Ев. Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София: С. М. Стайков, 1934. 139 с.
- Дабева М. Ев. Епитет в българската народна песен / с характеристика от проф. М. Арнаудов. София, Стара Загора, 1939. 322 с.
- Даскалова-Перковска Л., Добрева Д., Коцева Й., Мицева Е. Каталог на българските фолклорни приказки. София: Унив. издателство «Св. Климент Охридски», 1993/1994. 827 с.
- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. / сост. Т. А. Агапкина. Т. 1. М.: Индрик, 2023. 512 с.
- ЗЗЛХ – Змей. Змеица. Ламя и Хала: Сборник с фолклорни текстове / отв. ред. В. Баева. София: Запад и Изток, 2016. 576 с.
- Ловешки край [Материална и духовна култура]. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1999. 434 с.
- Маринов Д. Жива старина. Етнографическо и фолклорно изучаване на Видинско, Кулско, Белоградчишко, Ломско, Берковско, Оряховско и Вратчанско. Русе: Печатница Св. Кирил и Методий, 1891. 924 с.
- Маринов Д. Жива старина. Етнографическо фолклорно списание. Шеста книга. Народно карателно (углавно) право. София, 1907. 252 с.
- НПБУМ – Народни песни на българите от Украинска и Молдовска ССР. София: Издателство на БАН, 1982. Т. 1. 576 с. Т. 2. 928 с.
- Пирински край. [Етнографски, фолклорни и езикови проучвания]. София: Изд-во на БАН, 1980.
- РБЕ – Речник на българския език. София. Т. 1–; <https://ibl.bas.bg/rbe/>.

- Родопи [Етнографски проучвания на България]. София: Изд-во на БАН, 1994. 294 с.
- Сакар [Етнографски проучвания на България]. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002. 480 с.
- СБНУ – Сборник за народни умотворения. Т. 1–. София, 1889–.
- Странджа [Материална и духовна култура]. София: Изд-во на БАН, 1996. 456 с.
- Тодорова-Пиргова И. Баяния и магии. София: Академично издателство «Професор Марин Дринов», 2003. 558 с.
- Троева-Григорова Е. Демони на Родопите. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2003. 255 с.
- Krstić Br. Indeks motiva narodnih pesama Balkanskih Slovena. Srpska Akademija Nauka i Umjetnosti. Posebna izdanja. Knjiga DLV. Odeljenje jezika i književnosti. Knjiga 36. Beograd, 1984. 672 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т.А. Еще раз об инерции в заговорах (заметки на полях архивных материалов) // Славяноведение. 2023. № 6. С. 30–44.
- Ангелов Д. Представи за «другия» в българския песенен фолклор // Българска етнография. 1997. 1–2. С. 109–121.
- Арнаудов М. Основни черти в езика и стила на народната песен // Българско народно творчество / ред. Г. Керемидчиев. София: Народна просвета, 1950. С. 236–270.
- Баева В. Съвременни устни разкази за змея в с. Пирин: фолклорен образ и идентичност // Фолклор. Разказване. Религиозност. Юбилеен сборник в чест на Албена Георгиева / съст. А. Иванов, В. Баева, Л. Гергова, М. Борисова, Я. Гергова. София: Издателство на БАН «Марин Дринов», 2016. С. 227–241.
- Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005. 288 с.
- Беновска-Събкова М. Змеят в българския фолклор. София: Изд-во на БАН, 1992. 168 с.
- Бер-Глинка А.И. Змея как сексуальный и брачный партнер человека (Еще раз о семантике образа змеи в фольклорной традиции европейских народов) // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И.В. Манзуры / под ред. С. Церны и Б. Говедарицы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2016. С. 435–577.
- Вакарелска Д. Редки и остарели думи в българския епос // Език и поетика на българския фолклор. София: Изд-во на БАН, 1980. С. 147–151.
- Георгиева Ив. Българска народна митология. София: Изд-во на БАН, 1993. 256 с.
- Голант Н.Г., Рыжова М.М. «Влашка магия», русская эзотерическая литература и интернет: магические практики одной знахарской семьи из восточной Сербии // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / И.А. Седакова (отв. ред.), М.М. Макаревич, Т.В. Цицвян. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 129–133.
- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Иванов В.В. Змей // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 387–389.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 247 с.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 340 с.
- Мишев Г. Поливки – ритуални измивания. София: Shambala, 2020. 123 с.
- Мишев Е., Недялкова Е. 77 и половина чудни растения. Народна вяра, магия и лечение. София: Ракета, 2021. 254 с.
- Молерови Д. и К. Сборник за Банско и банскалия. София: Сиела – Софт енд паблицинг, 2006. 584 с.
- Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.
- Попов Р. Характеристика на българските вярвания за змея // Българска етнология. София, 1983. 1. С. 42–52.
- Рајковић Љ. Родоскрнављења у народним песмама Тимочке крајине // Гласник Етнографског музеја у Београду. Књига 45, 1981. С. 211–224.
- Седакова И.А. Страдания св. Недели в народных балладах болгар и македонцев: этнолингвистика и фольклорная поэтика // Этнолингвистика проучавања српског и других словенских језика. У част акад. Светлана Толстој / уред. П. Пипер, Љ. Раденковић и др. Београд: САНУ, 2008. С. 375–384.
- Седакова И.А. Проклятье в народных болгарских песнях: Этнолингвистика и фольклорная поэтика. 2 // Славянский и балканский фольклор. [Вып. 11.] Виноградье. К юбилею Л.Н. Виноградовой. М.: Индрик, 2011. С. 225–236.

- Седакова И.А. Представления о сглазе в болгарских народных балладах: Этнолингвистика и фольклорная поэтика. 3 // Слово и человек. К 100-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2023а. С. 497–511.
- Седакова И.А. Реальное и ирреальное (мифическое) в болгарских народных балладах («Мать превращает сына в змею / ужа») // Балканские чтения 17. Определенность / неопределенность. М.: ИСл, 2023b. С. 157–162.
- Станојевић М. Из народног живота на Тимоку // Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1933. Књ. 8. С. 59–63.
- Стоилов П. Ламите и змейовете в народната поезия // Списание на Българската академия на науките. Кн. XXII. Клон историко-филологичен и философско-обществен. 12. София: Придворна печатница, 1921. С. 159–175.
- Толстая С.М. Ритм и инерция в структуре заговорного текста // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 292–308.
- Толстая С.М. Постулаты московской этнолингвистики // Толстые Н.И. и С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. (Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г.). С. 67–82.
- Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстые Н.И. и С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. (Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г.). С. 19–32.
- Топоров В.Н. К проблеме жанров в фольклоре // Σπινθηρολογία. Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1(5). Тарту: Тартуский Гос. Университет, 1974. С. 5–16.
- Цивьян Т.В. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце // Балканский лингвистический сборник. М.: ИСл, 1977. С. 172–196.
- Ivkov-Džigurski A., Babić V., Dragin A., Košić K., Blešić I. The Mystery of Vlach Magic in the Rural Areas of 21st century Serbia // Eastern European Countryside. 18' 2012. DOI: 10.2478/v10130-012-0004-9.
- Рукопись поступила в редакцию 31.10.2023
Рукопись принята к печати 05.12.2023

REFERENCES

- Agapkina T.A. Jeshche raz ob inertsvii v zagovorakh (zametki na poliakh arkhivnykh materialov). *Slavyanovedeniye*, 2023, no. 6, pp. 30–44. (In Russ.)
- Angelov D. Predstavi za «drugii» v bŭlgarskii pesenen folklore. *Bŭlgarska etnografiia*, 1997, no. 1–2, pp. 109–121. (In Bulg.)
- Arnaudov M. Osnovni cherti v ezika i stila na narodnata pesen. *Bŭlgarsko narodno tvorchestvo*, red. G. Keremidchiev. Sofia, 1950: Narodna Prosveta, pp. 236–270. (In Bulg.)
- Baeva V. Sŭvremenni ustni razkazi za zmeia v s. Pirin: folkloren obraz i identichnost. *Foklor. Razkazvane. Religioznost. Iubileen sbornik v chest na Albena Georgieva*, sŭst. A. Ivanov, V. Baeva, L. Gergova, M. Borisova, Ia. Gergova. Sofia, Izdatelstvo na BAN «Marin Drinov» Publ., 2016, pp. 227–241. (In Bulg.)
- Belova O.V. *Etimol'turnye stereotipy v slavianskoi narodnoi traditsii*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 288 p. (In Russ.)
- Benovska-Sŭbkova M. *Zmeiat v bŭlgarskii folklor*. Sofia, Izd-vo na BAN Publ., 1992, 168 p. (In Bulg.)
- Ber-Glinka A.I. Zmeia kak seksual'nyi i brachnyi partner cheloveka (Jeshche raz o semantike obraza zmei v fol'klornoj traditsii jevropeiskikh narodov). *Kul'turnye vzaimodeistviia. Dinamika i smysly. Sbornik statei v chest' 60-letii I.V. Manzury* /pod red. S. Tserny i B. Govedaritsy. Kishinev, Vysshiaia antropologicheskaia shkola Publ., 2016, pp. 435–577.
- Georgieva Iv. *Bŭlgarska narodna mitologiia*. Sofia, Izd-vo na BAN Publ., 1993, 257 p. (In Bulg.)
- Golant N.G., Ryzhova M.M. «Vlaska magija», russkaia ezotericheskaia literatura i internet: magicheskiye praktiki odnoi znakharskoi sem'ji iz vostochnoi Serbii. *Balkanskii tezaurus: kommunikatsiia v slozhno-kul'turnykh obshchestva na Balkanakh*, I.A. Sedakova (otv. red.), M.M. Makartsev, T.V. Tsiv'ian. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2019, pp. 129–133. (In Russ.)
- Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi naponnoi traditsii*. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (In Russ.)
- Ivanov V.V. *Zmei. Mify narodov mira*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1980, t. 1, pp. 387–389. (In Russ.)
- Ivanov Viach. Vs., Toporov V.N. *Slavianskije iazykovyije modeliruiushchije semioticheskije sistemy*. Moscow, Nauka Publ., 1965, 247 p. (In Russ.)
- Ivanov Viach. Vs., Toporov V.N. *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: Leksicheskije i frazeologicheskije voprosy rekonstruktsii tekstov*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 340 pp. (In Russ.)
- Mishev G. *Polivki – ritualni izmivaniia*. Sofia, Shambala Publ., 2020, 123 p. (In Bulg.)

- Mishev E., Nedialkova E. *77 i polovina chudni rasteniia. Narodna viara, magiia i lechenie*. Sofia, Raketa Publ., 2021, 254 p. (In Bulg.)
- Molerovi D. i K. *Sbornik za Bansko i banskalii*. Sofia, Siela – Soft end publishing Publ., 2006, 584 p. (In Bulg.)
- Plotnikova A.A. *Etnolingvistiicheskaia geografiia Iuzhnoi Slavii*. Moscow, Indrik Publ., 2004, 768 p. (In Russ.)
- Popov R. Karakteristika na bŭlgarskite viarvaniia za zmeia. *Bŭlgarska etnologiia*. Sofia, 1983, 1, pp. 42–52. (In Bulg.)
- Rajković Lj. Rodoskrnavljenja u narodnim pesmama Timočke krajine. *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*, knjiga 45, 1981, pp. 211–224. (In Serb.)
- Sedakova I.A. Stradaniia sv. Nedeli v narodnykh balladakh bolgar i makedontsev: etnolingvistika i fol'klornaia poetika. *Jetmolingvistichka prouchavaŭa srpskog i drugih slovenskikh jzjeka. U chast akad. Svetlane Tolstoj*, ured. P. Piper, Ђ. Radenkoviĥ i dr. Beograd, 2008, pp. 375–384. (In Russ.)
- Sedakova I.A. Proklat'je v narodnykh bolgarskikh pesniakh: Etnolingvistika i fol'klornaia poetika. 2. *Slavianskii i balkanskii fol'klor*, [vyp. 11.] *Vinograd'je. K iubileiu L.N. Vinogradovoi*. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 225–236. (In Russ.)
- Sedakova I.A. Predstavleniia o sglaze v bolgarskikh narodnykh balladakh: Etnolingvistika i fol'klornaia poetika. 3. *Slovo i chelovek. K 100-letiiu akademika Nikity Il'jicha Tolstogo*. Moscow, Indrik Publ., 2023a, pp. 497–511. (In Russ.)
- Sedakova I.A. Real'noje i irreal'noje (mificheskoje) v bolgarskikh narodnykh balladakh («Mat' prevrashchajet syna v zmeiu / uzha»). *Balkanskije chteniia 17. Opredelennost' / neopredelennost'*. Moscow, ISI Publ., 2023b, pp. 157–162. (In Russ.)
- Stanojeviĥ M. Iz narodnog života na Timoku. *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*. Beograd, 1933. knj. 8, pp. 59–63. (In Serb.)
- Stoilov P. Lamite i zmeiovete v narodnata poezii. *Spisanie na Bŭlgarskata akademiia na naukite, kn. XXII. Klon istoriko-filologichen i filosofsko-obshtestven. 12*. Sofia, Pridvorna pechatnitsa Publ., 1921, pp. 159–175. (In Bulg.)
- Tolstaya S.M. Ritm i inertsiiia v strukture zagovornogo teksta. *Zagovornyi tekst. Genezis i struktura*. Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 292–308. (In Russ.)
- Tolstaya S.M. Postulaty moskovskoi etnolingvistiki. *Tolstye N.I. i S.M. Slavianskaia etnolingvistika: voprosy teorii*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2013, 240 s. (Materialy ko Vtoromu Vserossiiskomu soveshchaniuu slavistov 5–6 noiabria 2013 g.), pp. 67–82. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. Etnolingvistika v krugu gumanitarnykh distsiplin. *Tolstye N.I. i S.M. Slavianskaia etnolingvistika: voprosy teorii*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2013, 240 p. (Materialy ko Vtoromu Vserossiiskomu soveshchaniuu slavistov 5–6 noiabria 2013 g.), pp. 19–32. (In Russ.)
- Toporov V.N. K probleme zhanrov v fol'klоре. *Σημειωτικῆ. Materialy Vsesoiuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruiushchim sistemam. 1(5)*. Tartu, Tartuskii Gos. Universitet Publ., 1974, pp. 5–16. (In Russ.)
- Tsiv'ian T.V. Balkanskije dopolneniia k poslednim issledovaniiam indojevropeiskogo mifa o Gromoverzhtse. *Balkanskii lingvisticheski sbornik*. Moscow, ISI Publ., 1977, pp. 172–196. (In Russ.)
- Vakarelska D. Redki i ostareli dumi v bŭlgarskiia epos. *Ezik i poetika na bŭlgarskiia folklor*. Sofia, Izd-vo na BAN Publ., 1980, pp. 147–151. (In Bulg.)

Received on 31.10.2023

Accepted on 05.12.2023

Информация об авторе:**Седакова Ирина Александровна**

доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9252-5407
E-mail: ised@mail.ru

Information about the author:**Irina A. Sedakova**

DSc. (Philology), Head of the Department
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9252-5407
E-mail: ised@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 95–104

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 95–104

DOI: 10.31857/S0869544X24040084, EDN: WWMOTN

Оригинальная статья / Original Article

Детская память о взрослой Истории. Травма Холокоста и миграции в «Спасении Атлантиды» З. Орышин

© 2024 г. И.Е. Адельгейм

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

adelgejm@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)»

Аннотация. Роман Зыты Орышин (р. 1940) «Спасение Атлантиды» (2012), подобно практически всему творчеству писательницы, порожден чувством вины – стремлением «накрыть словом» боль, которую причиняли детские воспоминания о травме участия (невольном соучастии в процессе изгнания немцев с Возвращенных территорий), травме свидетельствования (Холокост) и травме унаследованной (семейная память о насильственной миграции). Детское сознание, адаптируясь к взрослой действительности, вмещает в себя опыт силы и бессилия, захватчика, жертвы, свидетеля. С этой позиции в романе исследуется – во всей ее фрагментарности – автобиографическая память о бывшем немецком / ныне польском пространстве, функционирующем в парадигме насилия, пространстве травмирующем и порождающем чувство неукорененности. Драматические истории нескольких семей, рассказываемые с разных перспектив, перекликаются и переплетаются, образуя горестный лабиринт страха, обид, сиротства, унижения, непреодолимой чуждости.

Ключевые слова: память детская и взрослая, Возвращенные территории, переселенцы, чуждость.

Ссылка для цитирования: Адельгейм И.Е. Детская память о взрослой Истории. Травма Холокоста и миграции в «Спасении Атлантиды» З. Орышин // Славяноведение. 2024. № 4. С. 95–104. DOI: 10.31857/S0869544X24040084, EDN: WWMOTN

Childhood Memory of Adult History. Holocaust Trauma and Migration in Z. Oryszyn's novel «Saving Atlantis»

© 2024. Irina Ye. Adelgeim

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

adelgejm@yandex.ru

The study was carried out with the support of grant from the Russian Scientific Foundation, the project 24-28-00403 «The Representation and Overcoming of the Traumatic Experience of the National Past in the Literatures of Central and Southeastern Europe (the last third of the 20th – the beginning of the 21st centuries)»

Abstract. Zyta Oryszyn's (b. 1940) novel «Saving Atlantis» (2012), like almost all of her work, is born of a sense of guilt – a desire to «cover with words» the pain caused by childhood memories of the trauma of participation (unwitting complicity in the expulsion of Germans from the Regainde Lands), the trauma of witnessing (the Holocaust) and the trauma of inheritance (family memory of forced migration). Children's consciousness, adapting to adult reality, accommodates the experience of power and powerlessness, of invader, victim and witness. From this position, the novel explores – in all its fragmentation – the autobiographical memory of the former German space functioning in the paradigm of violence, a space traumatising and generating a sense of unrootedness. The dramatic stories of several families, told from different perspectives, intersect and intertwine, forming a sorrowful labyrinth of fear, resentment, orphanhood, humiliation, and insurmountable alienness.

Keywords: childhood and adult memory, Regained Lands, displaced people, foreignness.

For citation: *Irina Ye. Adelgeim. Childhood Memory of Adult History. Holocaust Trauma and Migration in Z. Oryszyn's novel «Saving Atlantis» // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 95–104. DOI: 10.31857/S0869544X24040084, EDN: WWMOTN*

Своей незаслуженно малой популярностью Зыта Орышин (1940–2018) обязана не только тому, что до 1990-х годов печаталась в основном во «втором круге обращения», но и тому, что слишком жестко и слишком открыто – без ностальгического флера, без обезболивающей сентиментальности (своих собственных особенно поэтичной «прозе малой родины» первого постсоциалистического десятилетия) затрагивала болезненные проблемы «не нанесенных на карты человеческих страданий», связанные с передвижением границ и «послевоенным исходом населения с востока на запад» [Miłosz 1996, 211]. И даже несмотря на очевидную ориентацию прозы 2000-х годов на «патогенез» травмы заселения Возвращенных территорий, отошедших к Польше после Второй мировой войны [Адельгейм 2018, 60–97], проза Орышин, по словам И. Ивасюв, вызывает неостребованные обществом эмоции: «...мы предпочитаем муляж боли или боль, поданную под соответствующим эстетическим и дискурсивным соусом» [Iwasiów 2012].

Писавшийся около двадцати лет и частично публиковавшийся в подпольной, а затем официальной печати [Kraskowska 2014, 223–224; Czyżak 2014, 101–102] роман Орышин «Спасенная Атлантида» (2012) вызван к жизни чувством вины – стремлением «накрыть словом» боль, причиняемую прежде всего детскими воспоминаниями о невольном соучастии в процессе изгнания немцев из Нижней Силезии: «По сей день – заноза в сердце. Что человек так легко присваивает. И не плачет»¹.

Семья Орышин – добровольные переселенцы, однако фамильная память хранила и воспоминания о насильственных переселениях с Восточных Кресов. К этому прибавлялась травма свидетельствования – отрывочные детские

¹ *Sulej* 2013, 18.

впечатления, связанные с совершающимся Холокостом, и порожденные им страхи: «Он пришел к выводу, что все они погибнут совсем скоро, а может, еще скорее, если окажутся евреями [...]. Может, они и есть евреи, иначе почему живут не дома, а в укрытии»². Детское сознание, адаптируясь к взрослой действительности, вмещало в себя одновременно опыт силы и бессилия, опыт захватчика, жертвы, свидетеля. «Хочу объяснить, о чем моя последняя книга — “Спасение Атлантиды”. — говорит Орышин. — Достаточно часа икс, момента безнаказанности. Пускай даже перед нами человек в принципе верующий, много переживший, испытывавший страдания и несправедливость. [...] Я тоже из семьи переселенцев. Я родилась в Прикарпатье, на Ославе, близ Санока. Во время войны я удивлялась, что к нам все время приходят какие-то чужие люди и что-то у нас забирают. Мама считала, что они и жизнь отберут, а не только картошку, самогон, овощи. Я боялась, что они захотят унести мои игрушки, и прятала их в укрытии под хлевом [...]. Я помнила рассказы о своих подольских тетках, которым дали два часа на сборы и депортировали в Сибирь лишь за то, что они были “польские панночки”, но при этом (приехав на Возвращенные территории. — И.А.) видела, что и сама кого-то выгоняю из дома. [...] Местные жители, еще оставшиеся там, нас попросту боялись. Понимали, что мы можем все у них отнять. А мы только и смотрели, что бы хапнуть [...]; мы брали все совершенно безнаказанно. [...] Сожаление и удивление, которое вызывал грабеж чужого, уничтожение могил, поиски белья получше, фарфора получше — не отпускают меня до сих пор. [...] едва выбравшись из укрытий, в которых они во время войны прятались от чужих завоевателей, (переселенцы. — И.А.) немедленно принялись грабить чужую землю и чужое добро. [...] тяжело травмированные войной поляки обижали местных жителей»³.

Действие романа происходит в Валбжихе и Шавно: автор одновременно с вымышленными названиями (Leśny Brzeg и Dębno) дает читателю множество топографических подсказок, указывающих на историческую и географическую реальность. Валбжих в 2000-е годы неслучайно оказался в центре постпереселенческой прозы [Адельгейм 2018, 28–97, 322–341, 403–409] — в конце и после войны он стал местом смешения самых разных стихий. По словам Хенрика Гринберга, практически все «жители Возвращенных территорий были чужеземцами» [Grynberg 1998, 94].

Роман состоит из одиннадцати глав-новелл, образующих многоголосное и, на первый взгляд, хаотичное повествование о немецкой и польских семьях, а также их окружении. Среди персонажей — поляки, евреи, немцы, украинцы, лемки; репатрианты, беженцы, ссыльные, местные; бывшие бойцы Армии Крайовой, мародеры и бродяги; доносчики и бунтари; передовики производства, творческая интеллигенция и партийные деятели... Время действия охватывает с разной степенью подробности несколько драматических десятилетий: трагические предыстории переселенцев (бегство от немцев, вступление советской армии на Восточные Кресы в сентябре 1939 г., расстрел беженцев, существование в вырытом под овином тесном укрытии), переселение, адаптация к послевоенной реальности, начало Холодной войны, репрессии, «Солидарность», военное положение — вплоть до эха Чернобыльской аварии и заката ПНР.

Перекликающиеся, переплетающиеся, пересекающиеся истории, иногда объясняющие друг друга, а иногда и запутывающие, образуют драматический

² *Oryszyn* 2012, 5.

³ *Ibid.*

лабиринт послевоенных Возвращенных территорий – лабиринт страха, лжи, обид, сиротства, унижения, непреодолимой чуждости. Такая структура повествования передает неоднородность и непредсказуемость, одновременно реальность и иллюзорность мира переселенцев.

Повествование опирается на густую сеть ключевых слов – как семантических оппозиций, так и пучков слов, объединенных семантическим полем, т.е. «покрывающих определенную область человеческого опыта» [Потапова 2020, 22].

Прежде всего это оппозиция *свой/чужой*, определяющая отношения между персонажами, их самоидентификацию, это один из главных факторов формирования художественного пространства и его восприятия.

Немецко-польское пространство само по себе отмечено двойной принадлежностью, помимо этого героев разделяют национальные, культурные, идеологические границы, происхождение, социальный статус, язык, кроме того, они вынуждены постоянно мимикрировать. Таким образом, это чуждость тройные: чужие друг другу и самим себе люди находятся в чужом пространстве: «Как тут выжить на чужой земле, в чужой квартире, в чужой шкуре, втиснутым в ящик чужого шкафа»⁴.

Вторым важнейшим ключевым словом является *страх* (*бояться*). Это одна из стихий, которым подчинена реальность Возвращенных территорий: «Страх окутывал его, как туман», люди умирают, «окутанные этим туманом, страданием и страхом, болью и обидой»⁵. Неслучайно привыкшие к разговорам о конце света, который словно бы все время рядом, герои спокойно встречают слухи о Чернобыльской аварии.

Сюда примыкают слова *бежать* (*убегать*), *исчезать*, *прятаться*, *охота* (*охотиться*), *укрытие*, *убежище*. «Охота» и «укрытие» вынесены также в названия первых двух глав романа. «Охота никогда не закончится»⁶, – говорит один из персонажей. Это стержень детского военного опыта: они «должны были бы привыкнуть, что люди вокруг появляются и исчезают, прячутся в лесу и в укрытиях, а потом убегают, а другие люди гонятся за ними всеми возможными способами, пешком, на мотоциклах, самолетах, танках и даже на лошадях, а когда догоняют, убивают»⁷. Укрытие в романе многозначно. Это и реальное – тесное, темное, вонючее – убежище, в котором будущие переселенцы прятались во время войны, и оставшееся после войны болезненное стремление спрятаться (прячутся прежде всего дети и старики: «в этой квартире негде было прятаться, разве что под кроватью или шкафу»⁸), ощущение себя в замкнутом, несвободном пространстве (изображаемый мир ограничен географически – Железный занавес, зеленая граница, и во времени – «Страна-до-войны» / «Страна-после-войны»). Таким образом, убежище оказывается одновременно спасением и тюрьмой.

Способом убежать и спрятаться оказывается *молчание*. Во время войны детям затыкают рот тряпкой или сжимают шею, чтобы не закричали и не выдали – будь то евреи, поляки или немцы. После войны люди исчезают, «потому что слишком много говорят и не тем, кому надо, и не то, что надо»⁹ – травма чуждости дополняется травмой вытеснения, замалчивания: «Так уж лучше бы

⁴ Орышун 2012, 58.

⁵ Ibid., 154.

⁶ Ibid., 13.

⁷ Ibid., 22.

⁸ Ibid., 18.

⁹ Ibid., 28.

совсем за границей какой-нибудь жить, в эмиграции самой худшей, и тосковать по родине. А так — как тосковать по родине, когда тебе говорят, что отчизна твоя и могилы вовсе не были твоей родиной и велят тебе жить на чужой родине среди не твоих могил. И еще велят — молчок на эту тему, не то заткнут рот раз и навсегда, что не уважаешь Возвращенные территории...»¹⁰.

Оппозиция *начало/конец* связана с официальным мифом: власти ПНР пропагандировали заселение Возвращенных территорий как миссию переселенцев и соблазнительную возможность начать новую жизнь. Однако пространство бывших немецких территорий не становится землей обетованной: не может служить началом начал земля, под которой «лежит, растоптанная [...] на помойках [...], в чужих квартирах»¹¹ родина его бывших обитателей, а новая жизнь выстроена на страхе и лжи.

С темой Холокоста, а также ставшего в первые послевоенные годы важнейшим элементом повседневности Возвращенных территорий мародерства связаны слова *сокровища, клад, спрятать/найти, копать, долбить, забирать, тащить, хватать, хапать*.

Оппозиция *память/забвение* отсылает к процессам коллективной и индивидуальной психологии, а также манипуляции ими. Культурную, историческую память новая власть пытается в одних случаях вытеснить, в других создать с нуля, а семейную память старшее поколение стремится передать младшему: «Память поколений — это лучшее укрытие»¹². Однако память старших, как и окружающая реальность — пугающий и опасный лабиринт, вызывающий у детей инстинктивный страх: «Она оцепенела от страха. Как это — быть чьим-то убежищем? Убежища обычно слишком малы даже для одного человека, они воняют страхом и смертью»¹³. И все же именно собственная память в шаткой реальности настоящего не только взрослым («Только память — единственная устойчивая реальность»¹⁴), но и детям представляется единственным спасением: «Боже, верни мне память», — просит подросток, ощущая, что «все здесь исчезает, словно Атлантида»¹⁵. Вынесенное в заглавие спасение Атлантиды, как ни парадоксально, отчасти удается лишь в отношении немецкой памяти — в сюжетной линии с фотоальбомом немецкого мальчика, который достается потом ребенку польских переселенцев, затем оказывается им утерян — и снова достается польскому ребенку, уже другого поколения, подобравшему его в куче выброшенных на свалку вещей. Выросший немецкий мальчик спрашивает у польского друга детства: «Скажи мне, как я выглядел, когда был маленьким. Кроме тебя, у меня из тех лет никого нет. И фотографий тоже нет»¹⁶.

Детская перспектива, с которой ведется повествование, позволяет обнажить абсурд новой реальности, усиливает ощущение, что люди — всего лишь пешки. Детское видение в сочетании с гротеском дает кривое зеркало послевоенного мира.

Детей и взрослых в романе Орышин объединяют военный опыт соприкосновения со смертью и инстинкт выживания, а также условия послевоенной задачи: новое место и новое время, которые и тем, и другим приходится

¹⁰ Ibid., 59.

¹¹ Ibid., 178.

¹² Ibid., 19.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., 139.

¹⁵ Ibid., 190.

¹⁶ Ibid., 165.

осваивать («учись послевоенным реалиям»¹⁷), шок при соприкосновении с иной бытовой культурой, мучительное ощущение собственной неприспособленности, недоверие и опасения как основа картины мира.

Реальность дается не только глазами ребенка, но и на слух — это взрослое видение стихий Истории, в водоворот которой попали истории частные, семейные, переосмысленные детьми — со всеми гротескными абберациями акцентов, масштабов, логики и пр. (например, многократно обыгрываемые детские представления о «железном занавесе» и новом мироустройстве).

Дети пытаются усвоить взрослые правила игры — прежде всего в мимикрию: «Взять хотя бы дядю Томека. Он был то Вонторским, то Розмариковским или Камашиньским, или еще кем-то. Приходилось эти его фамилии и имена заучивать наизусть. Как и то, что [...], все зависит от того, кто спрашивает»¹⁸.

Дети перенимают взрослые страхи: «... он [...] трясся от страха. Мать полагала, что за каждым деревом могут прятаться бандиты, привидения, убийцы женщин и детей, немецкие реваншисты [...]. Призраки и всевидящие гэбисты. Он все время ждал, что кто-то из этой многочисленной компании настигнет его и убьет...»¹⁹; «... ему в каждом мужчине видится милиционер, он даже при виде папы римского рыдать начинает...»²⁰. И не могут избавиться от страхов собственных: «Оле это тоже не нравилось, и она хотела от этой новой Польши спрятаться. Особенно, когда подслушала, как кто-то кому-то сказал, что какой-то железный занавес отделил их от нормального мира. В Лесном Бжеге не было хлебов, только деревянные сарайчики; в таких сарайчиках помещался только уголь, там не было места для хитроумного укрытия с вентиляцией. А в трехкомнатной бывшей немецкой квартире, где они поселились, тоже негде спрятаться, даже в шкафу. И под кроватью даже маленькую яму не выкопашь. [...] по утрам она потихоньку, на четвереньках подползала к кухне, чтобы посмотреть, кто там»²¹.

Дети играют — в жизнь довоенную, военную и послевоенную («Все дети, которые сидели в укрытиях в Стране-до-войны, в Стране-после-войны играли в такие игры»²²), в том числе в новые страхи — свои и взрослые: «Он начинает играть в обыск и арест, будит меня ночью и кричит: Пиши давай подписку о лояльности, не то отдам твоего ребенка в детский дом! Всё прячет — конфеты, хлеб [...]. А потом проводит обыск и находит то, что спрятал»²³. Пытаются приспособить услышанное к увиденному, детские мечты о путешествиях в далекие страны — к взрослым реалиям. Осваивают взрослую риторику, новые мифы, новояз, а подрастая, попадают в шестеренки системы.

Этот не-детский опыт чуждости и страха словно бы укрепляется, умножается как травмой Холокоста, так и травмой изгоняемого немецкого населения, свидетелем которых становятся польские дети. Орышин вводит «классический» польско-еврейский сюжет (на уровне действий, эмоций и рефлексии) времен оккупации. Это и обещавшая помощь и «обманутая» в своих ожиданиях полька («Йосек привез Мисяковой свою мебель и картины привез. И документ о крещении для Мириам, что якобы она Тереска и так далее, но золотые монеты

¹⁷ Ibid., 51.

¹⁸ Ibid., 22–23.

¹⁹ Ibid., 132.

²⁰ Ibid., 174.

²¹ Ibid., 184.

²² Ibid., 28.

²³ Ibid., 174.

не привез. Поэтому она его в укрытие не пустила. Немцы его схватили и застрелили. Тогда она Тереску, которая не Тереска, отнесла в лес, потому что знала, что в лесу где-то евреи бродят, может, они ее подберут, она ведь ихняя. И Тереска исчезла. То ли взяли ее действительно евреи, то ли еще что. Просто исчезла. А может, волк сожрал или что. Кстати, интересно, где там эти евреи, сама она ни разу на них в лесу не наткнулась»²⁴). Это и другая полька, тайком от всех спрятавшая еврейскую девочку, и долгое молчание травмированного ребенка.

Дети в «Спасении Атлантиды» смеются над взрослыми или боятся их, верят или не верят — но их детская жизнь не автономна, не является укрытием от взрослого ада. Роман Орышин — один из вариантов работы с травмой «послеялтинского детства» — процесса, характерного для польской прозы в 1990–2000-е годы. Это детство, по словам М. Черминьской, разыгрывается в «месте, сдвинутом с места, словно сразу после землетрясения». Это «детство в процессе перемещения», «расколотое между прошлым и настоящим, в атмосфере временности, в попытке укорениться или отторжении. Искушаемое и привлекаемое духом места, который открывается, прежде всего, ребенку» [Czermińska 2000, 47]. Для детей переселенцев полноценное укоренение в пространстве малой родины оказалось невозможным без рефлексии над судьбами предков (собственных и бывших жителей), без проработки отложенной травмы миграции, травмы утраты ощущения укорененности в *собственной* стране. Опыт детей тех, кто строил свой дом на руинах своей и чужой жизни, опыт детей, повседневно пространство жизни которых постоянно обнаруживало «прорехи на месте исчезнувшего прошлого» [Dąbrowski 2010, 211], получил разные воплощения: от мифологизации детства с его метафизическими тайнами и открытиями, неразрывно связанными с пространством Гданьска и его окрестностей, апологии детского видения как более открытого, не искаженного взрослым сознанием — в 1990-е годы до образов не рая, но ада детства в фантазмагорическом пространстве Щецина и Валбжиха, впитавшем, но отнюдь не похоронившем множество трагедий — в 2000-е. Это кризисное, гетерогенное пространство, гетеротопическая территория смещений и аберраций, отражающая и деформирующая другие, одновременно реальная и иллюзорная, обладающая собственным временем и порождающая свои истории, которые «наряду с большими нарративами или вопреки им творят альтернативный образ мира» [Видуگیریте 2015, 62]. В ней сосуществуют в разных временных измерениях элементы польского и немецкого: «В земле лежат останки пястовских князей, а в стенах немецких домов замурованы золотые ложки» [Dylewska 2018, 272]. В пространстве, «очищенном» от прошлого (стерты клейма с немецкого фарфора, заменены названия улиц и большинства населенных пунктов, искоренена «непольская» лексика), это прошлое упрямо просвечивает — в архитектуре, в осколках вещном мире, остатках топонимики.

Орышин называет Нижнюю Силезию могильником памяти²⁵, некрополией похороненных надежд, вытесненных воспоминаний, отвергнутого прошлого и идентичности, где — что подтверждает гетеротопический характер этого пространства — «существование может быть уже только болезненной формой несуществования. А жизнь — болезненной формой умирания»²⁶. «Польша — это

²⁴ Ibid., 24.

²⁵ Ibid., 38.

²⁶ Ibid., 38.

сплошной лабиринт. [...] Лабиринт страха, унижения, презрения, безнадежности, удручающей нищеты. Лабиринт смерти»²⁷, – говорит один из героев.

Это не столько малая родина, сколько родина идеологическая [Ossowski 1984, 27, 35–39], хотя порой процесс адаптации все же происходит, о чем свидетельствует, например, разговор – спустя десятилетия – польского переселенца и изгнанного немца: «Кинте твердил, что на этой акварели изображен его родной дом. И чтобы я не смел думать, будто это был мой родной дом. Мы ругались, я ему – как это не мой родной дом [...]? Я там знал каждую шишку и каждый корень...»²⁸). На идеологическую родину постепенно накладывается частная: «память [...] славится умением тихо, но искренне сопротивляться в тех случаях, когда политическая власть грубо попирает историю и манипулирует прошлым» [Лавабор 1995, 233].

Творчество Орышин скорее следует назвать проигрыванием, чем проработкой травмы: в своих произведениях она десятилетиями словно бы постоянно «заново переписывала чуждость» [Czyżak 2014, 99], осваивая травматический опыт через горький юмор и проекцию. То, о чем писательница рассказывает в ряде интервью, рассыпано в текстах Орышин по разным сюжетным линиям: действия, эмоции и чувство вины спроецированы на ряд персонажей, пережиты многократно – в том числе с перспективы изгоняемых из Силезии немцев.

Орышин подтверждает плодотворность высказанной М. Черминьской идеи существования «комплексного синтетического субъекта всех сочинений автора» и необходимости максимально полно использовать в исследованиях точки соприкосновения биографии и творчества писателя – творчества, «понимаемого широко, как корпус всех сохранившихся высказываний данного автора» [Czermińska 2011, 83]. «След личности автора отпечатывается в каждом произведении, а во всем творчестве, рассматриваемом в целом, также существует след, более богатый, чем эти отдельные, хотя и не являющийся их простой суммой. Характер этого общего следа можно определить при помощи бахтинской концепции диалога, переосмысленной и использованной дискурсивной психологией для описания полифонической структуры “я”, состоящей из многих голосов» [Czermińska 2004, 216].

В разных текстах Орышин (как и в данном романе) появляются одни и те же элементы автобиографического опыта, которые разыгрываются разными героями – опыта принудительной изоляции, непреодолимой чуждости окружению, государству – и самому себе. «Орышин рассказывает одну и ту же историю, добавляет к ней очередные эпизоды, вводит очередных персонажей, отступая назад и не давая надежды на освобождение из замкнутого круга первоначального повествования» [Iwasiów 2012] Само название – «Спасение Антлантиды» – словно бы не гарантирует результата, если интерпретировать его как процесс. Это скорее задача.

Реальное пространство детства оказывается территорией так и не освоенной до конца, отравляющей героев чуждостью: «Никому отсюда не вырваться»²⁹. Метафора чужой кожи неслучайно возникает и в прозе другого переселенца, Александра Юревича: «Чью кожу я надел и донашиваю, словно старый плащ, чья кровь бежит по [...] жилам?»³⁰

²⁷ Ibid., 170.

²⁸ Ibid., 190.

²⁹ Ibid., 170.

³⁰ Jurewicz A. 1995, 55.

Это опыт чуждости, отчаяния и чувства вины. Работа с этой виной оказывается не единовременным актом, а процессом — постоянно возобновляемым переписыванием в разных вариантах неуловимых аффектов, невыразимых эмоций. Это повествование, обреченное остаться обрывочным и незаконченным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- Jurewicz A.* Pan Bóg nie słyszy głuchych. Gdańsk: Marabut, 1995.
Oryszyn Z. Ocalenie Atlantydy. Warszawa: Świat Książki, 2012.
Sulej K. Chciałam wytłumaczyć, o czym napisałam swoją ostatnią książkę — «Ocalenie Atlantydy» // Wysokie Obcasy. Dodatek do «Gazety Wyborczej». 20.05.2013. S. 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адельгейм И.Е.* Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале 1990–2010-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.
Видуѓипуте И. Гетеротопии: миры, границы, повествование // Гетеротопии: миры, границы, повествование. Вильнюс: Вильнюсский университет, 2015. 416 с.
Лавабр М.К. Память и политика: о социологии коллективной памяти // Психоанализ и науки о человеке. М.: Прогресс, 1995. С. 233–244.
Потанова О.Е. Вербальная репрезентация концепта. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП «море»). Чебоксары: Среда, 2020. 164 с.
Сзермиńska М. Autobiograficzny trójkać. Świadczenie, wyznanie i wyzwanie. Kraków: Universitas, 2000. 343 s.
Сзермиńska М. Autor — podmiot — osoba. Fikcyjność i niefikcyjność // Polonistyka w przebudowie. Т. 1. Kraków: Universitas, 2004. 721 s.
Сзермиńska М. Miejsca autobiograficzne. Propozycja w ramach geopoetyki // Teksty Drugie. 2011. № 5. S. 183–210.
Сзыжак А. Przepisywanie siebie, przepisywanie obcości — przypadek Zyty Oryszyn // Zagadnienia Rodzajów Literackich. 2014. Т. 57. Z. 2. S. 99–110.
Дąbrowski В. Postpamięć i trauma. Myśleć inaczej o literaturze «małych ojczyzn» (Na przykładzie powieści Pawła Huellego i Stefana Chwina) // Nowe dwudziestolecie (1989–2009). Rozpoznania. Hierarchie. Perspektywy. Warszawa: Elipsa, 2010. 530 s.
Дылевская А. Obcość i swojskość przestrzeni Dolnego Śląska w powieści Zyty Oryszyn Ocalenie Atlantydy (2012) // Prace Literaturoznawcze. 2018. № 6.
Грынберг Н. Życie ideologiczne, osobiste i artystyczne. Warszawa: Świat Książki, 1998. 410 s.
Ивасіów І. Ręka w rododendronach. Tygodnik Powszechny. 2012. № 44. <https://www.tygodnikpowszechny.pl/reka-w-rododendronach-17500> (дата обращения: 14.12.2023).
Красковска Е. Niny Rydzewskiej «Ludzie z węgla» (1951) i Zyty Oryszyn «Ocalenie Atlantydy» (2012): próba lektury palimpsestowej // Wałbrzych i literatura. Historia kultury literackiej i współczesność. Wałbrzych: PWSZ im. Angelusa Silesiusa, 2014. S. 223–240.
Миłosз Сз. Szukanie ojczyzny. Kraków: Znak, 1996. 217 s.
Оссовски S. O ojczyźnie i narodzie. Warszawa: PIW, 1984. 152 s.

Рукопись поступила в редакцию 03.03.2024

Рукопись принята к печати 10.05.2024

REFERENCES

- Adel'geym I. Ye. *Psichologija poetiki. Autopsikhoterapevticheskie funkcii khudozhestvennogo teksta*. Moscow, Indrik Publ., 2018, 648 p. (In Russ.)
Czermińska M. Autor — podmiot — osoba. Fikcyjność i niefikcyjność. *Polonistyka w przebudowie*, vol. 1. Kraków, Universitas Publ., 2004, 721 p.
Czermińska M. Miejsca autobiograficzne. Propozycja w ramach geopoetyki. *Teksty Drugie*, 2011, no. 5, pp. 183–210.
Czyżak A. Przepisywanie siebie, przepisywanie obcości — przypadek Zyty Oryszyn. *Zagadnienia Rodzajów Literackich*, 2014, vol. 57 (2), pp. 99–110.
Dąbrowski B. Postpamięć i trauma. Myśleć inaczej o literaturze «małych ojczyzn» (Na przykładzie powieści Pawła Huellego i Stefana Chwina). *Nowe dwudziestolecie (1989–2009). Rozpoznania. Hierarchie. Perspektywy*. Warszawa, Elipsa Publ., 2010, 530 p.

- Dylewska A. Obcość i swojskość przestrzeni Dolnego Śląska w powieści Zyty Oryszyn «Ocalenie Atlantydy» (2012). *Prace Literaturoznawcze*, 2018, no 6.
- Grynberg H. *Życie ideologiczne, osobiste i artystyczne*. Warszawa, Świat Książki Publ., 1998. 410 p.
- Iwasów I. Ręka w rododendronach. *Tygodnik Powszechny*, 2012, no 44 Available at: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/reka-w-rododendronach-17500> (accessed: 14.12.2023).
- Kraskowska E. Niny Rydzewskiej «Ludzie z węgla» (1951) i Zyty Oryszyn «Ocalenie Atlantydy» (2012): próba lektury palimpsestowej. *Wałbrzych i literatura. Historia kultury literackiej i współczesność*. Wałbrzych, PWSZ im. Angelusa Silesiusa Publ., 2014. pp. 223–240.
- Lavabr M. K. Pamiat' i politika: o sotsiologii kollektivnoi pamiati. *Psikhoanaliz i nauki o cheloveke*. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 233–244. (In Russ.)
- Miłosz Cz. *Szukanie ojczyzny*. Kraków, Znak Publ., 1996, 217 p.
- Ossowski S. *O ojczyźnie i narodzie*. Warszawa, PIW Publ., 1984. 152 p.
- Potapova O. Je. *Verbal'naia reprezentatsiia kontsepta. Leksiko-semanticheskoe pole kak fragment iazykovoi kartiny mira (na materiale LSP «more»)*. Cheboksary, Sreda Publ., 2020, 164 p. (In Russ.)
- Vidugirite I. Geterotopii: miry, granitsy, povestvovaniye. *Geterotopii: miry, granitsy, povestvovaniye*. Vil'nius, Vil'niuuskii universitet Publ., 2015, 416 p. (In Russ.)

Received on 03.03.2024

Accepted on 10.05.2024

Информация об авторе:

Адельгейм Ирина Евгеньевна
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5208-0848
E-mail: adelgejm@yandex.ru

Information about the author:

Irina Ye. Adelgeim
DSc. (Philology),
Leading Researcher Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5208-0848
E-mail: adelgejm@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 105–115

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 105–115

DOI: 10.31857/S0869544X24040095, EDN: WWMHIF

Оригинальная статья / Original Article

Диссидентство Ахмета Шерифа Шерефли: о травме «возродительного процесса»

© 2024 г. Н.А. Лунькова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lunkova_n@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)»

Аннотация. В настоящей статье на примере судьбы и творческого пути болгарского писателя турецкого происхождения Ахмета Шерифа Шерефли, пострадавшего от политики «возродительного процесса» 1980-х годов, показано разрушительное воздействие насильственной болгаризации на идентичность национального меньшинства. Для исследования были взяты фрагменты его книги воспоминаний «Мы родились турками и турками умерли» и сборника эссе «Прежде всего они сковали наши мысли», в которых основными темами стали турецкий язык, турецкость и ее составляющие. Мысль, что родной язык является гарантом сохранения турецкой идентичности в условиях, направленных на ее деформацию, одна из главных в мемуарах Шерефли. Их можно рассматривать как способ «проговаривания», преодоления травмы и попытку восстановить поврежденную идентичность. Травмированность сознания писателя нашла отражение не только на идейно-тематическом, но и на композиционном уровне его мемуаров, которые по структуре близки к сборникам малых эпических форм, где частные, отдельные рассказы, эссе, хронологически произвольно расположенные, представляют собой мозаику историй о жизни в Болгарии, о тюремном заключении, перемежающихся с зарисовками, размышлениями Шерефли о писательском деле, судьбе своего народа, родном языке, идентичности и др. Такая фрагментарная структура воспоминаний подтверждает, что событие-травма отражается на вербализации воспоминания о нем.

Ключевые слова: литература травмы, идентичность, болгарские турки, языковая идентичность.

Ссылка для цитирования: Лунькова Н.А. Диссидентство Ахмета Шерифа Шерефли: о травме «возродительного процесса» // *Славяноведение*. 2024. № 4. С. 105–115. DOI: 10.31857/S0869544X24040095, EDN: WWMHIF

Dissidence of Ahmet Şerif Şerefli: The Trauma of the «Revival Process»

© 2024. Natalia A. Lunkova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lunkova_n@mail.ru

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant under project 24-28-00403 «Representation and Overcoming of Traumatic Experience of National Pasts in the Literatures of Central and Southeastern Europe (late third of the twentieth – early twenty-first centuries)»

Abstract. The article explores the destructive effects of forced Bulgarianization on the identity of a national minority, illustrated by the life and career of Ahmet Şerif Şerefli, a Bulgarian writer of Turkish descent who endured the ‘Revival Process’ policies in the 1980s. The analysis focuses on excerpts from his memoir «We Were Born Turks and Died as Turks» and his essay collection «First and Foremost, They Shackled Our Thoughts». These works highlight the significance of the Turkish language and Turkish identity. Şerefli’s memoirs argue that maintaining one’s native language is crucial for preserving Turkish identity amidst attempts to distort it. The memoirs serve as a means of articulating, processing trauma, and striving to repair a fractured identity. The writer’s traumatic experiences are reflected both thematically and structurally in his memoirs, which resemble a series of short epic narratives without chronological order, forming a mosaic of stories about life in Bulgaria, imprisonment, and Şerefli’s musings on his craft, the fate of his people, language, and identity. This fragmented structure underscores how trauma influences the way memories are expressed.

Keywords: trauma literature, identity, Bulgarian Turks, linguistic identity.

For citation: Natalia A. Lunkova. Dissidence of Ahmet Şerif Şerefli: The Trauma of the «Revival Process» // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Science = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 105–115. DOI: 10.31857/S0869544X24040095, EDN: WWMHIF

Творческое наследие жертв «возродительного процесса» – принудительной болгаризации мусульманского населения во второй половине 1980-х гг. – это «травма, лишенная голоса, заглушенная, невысказанная» [Чернокожев]. Не имея возможности использовать родной язык, лишенные имен, данных при рождении, болгарские писатели турецкого происхождения оказались вычеркнуты из естественного хода литературного процесса: публикация ряда их произведений была осуществлена за пределами Болгарии (в основном в Турции) уже после 1989 г. Большинство рукописей было изъято во время обысков и уничтожено, их вывоз за пределы Народной Республики Болгарии был запрещен. Желание руководства страны разрушить национальную идентичность болгарских мусульман обернулось травматическим опытом для нескольких сотен тысяч людей, а законодательная попытка Болгарской Коммунистической партии «отменить» другие этносы с помощью запретов и масштабных чисток не привела к сплочению болгарской нации. Напротив, политика насильственной болгаризации стала одним из факторов, которые ускорили распад коммунистической системы. Права на турецкие имена и фамилии, а также на преподавание турецкого языка были возвращены после падения режима Т. Живкова, а часть турецкого населения смогла вернуться с «большой экскурсии»¹.

¹ «Большая экскурсия» («Голямата экскурзия») – массовое выселение турецкого меньшинства летом 1989 г. В этот период из НРБ в Турцию эмигрировало более 350 тыс. человек.

«Возродительный процесс», ставший кульминационной точкой ассимиляционной политики коммунистического руководства НРБ в отношении болгарских турок, основывался на искусственной идее гомогенности болгарского населения. В конце 1984 г. правительство приняло ряд решительных мер: у мусульманского населения заменялись арабо-турецкие имена на славянские, был введен запрет на использование турецкого языка, ношение традиционной мусульманской одежды, проведение религиозных обрядов.

«Турецкий вопрос» как таковой (религиозные права, использование турецкого языка, существование общественно-политических организаций национального меньшинства и другие аспекты) на протяжении всего существования Болгарии после Освобождения не оставался на периферии общественно-политической жизни страны. Само появление турецкого меньшинства в Болгарии – пример того, как народность, ранее преобладавшая в структуре мультинациональной Османской империи, не заняла ключевые позиции в рамках новых государственных образований на Балканах конца XIX в. После освобождения Болгарии от власти Порты болгарские турки оказались в довольно уязвимом положении, ибо не принадлежали ни конфессионально, ни этнически к доминировавшей части населения. Болгары несколько веков занимали подчиненное положение в прежней государственной системе, и болгарское общество хотело получить компенсацию за травму, нанесенную собственной идентичности, что подтверждает анализ национальной политики в отношении болгарских турок. Стоит отметить, что попытки насильственной болгаризации проводились не только применительно к туркам, но и к другим болгарским мусульманам – цыганам и помакам, что вписывалось в магистральную линию политики БКП по отношению к национальным меньшинствам. Комплексная политика ассимиляции, предполагавшая различные способы воздействия на болгарских мусульман, включала в себя и депортацию, и насильственную смену имен, и другие формы репрессий. Это среди прочего объяснялось тем, что «...и в буржуазной, и в социалистической Болгарии власти опасались концентрации больших масс мусульманского населения, усматривая в нем потенциальную “пятую колонну”» [Волокитина 2014, 211].

С конца 1960-х гг. этническая политика НРБ, основным идеологом которой выступал Т. Живков, неразрывно была связана с идеей болгарского происхождения всего населения страны. Т.В. Волокитина обращает внимание на то, что именно в этот период «с подачи партийно-государственного руководства» осуществлялась «кампания по возвеличиванию болгарской истории; большое внимание уделялось жизнеописаниям болгарских царей и ханов, староболгарским традициям и ритуалам. В печати, и особенно в устной пропаганде, упор делался на вклад Болгарии в мировую культуру, науку и пр.» [Там же, 223]. Созданию нового болгарского мифа было следствием опыта национальной травмы, когда коллективные реакции на нее приобретают стандартизированные формы и складываются в легенды. Исследуя природу национальной травмы и коллективной памяти, А. Нил отмечает, что исторические воспоминания о прошлом важны для представлений о величии нации. Неслучайно в это же десятилетие, в 1964 г., в Болгарии появляется и знаменитый роман «*Време разделно*» («Час выбора») А. Дончева, повествующий об исламизации болгар в XVII в. Роман был экранизирован в 1988 г., фильм вышел в прокат под названием «*Време на насилие*» («Время насилия») в самый разгар «возродительного процесса». Ряд исследователей указывает на заказной характер книги, усматривая в ней пропагандистский характер (см., например [Горчева 2008]).

Особого внимания заслуживает и политика НРБ по отношению к турецко-болгарскому языку. На заре установления коммунистической власти в болгарском государстве существовала иллюзия полиязычности, но уже в середине 1950-х годов ситуация для турецкого национального меньшинства резко изменилась, когда «все турецкие школы были объединены с болгарскими. В 1960 г. начала постепенно прекращать работу турецкая пресса: основные турецкие газеты “*Нова светлина*” («Новый свет») и “*Нов живот*” («Новая жизнь») объединены в журнал “*Нов живот*”, турецкие дома культуры были слиты с болгарскими, а турецкие книги, отобранные в их библиотеках, частично уничтожили, остальное же включили в список запрещенной литературы» [Муратова, Зафер 2020, 22]. В середине 1970-х годов был взят государственный курс на моноязычие. В частности, в ходе этого процесса было уволено большое количество турок, работавших в Турецком отделе издательства «*Народна просвета*» («Народное просвещение»), а на их место назначены не знающие турецкого языка болгары. «В начале 1970-го вместе с еще шестью редакторами меня отстранили от работы в издательстве. По тайному решению Политбюро ЦК БКП было запрещено издание книг на турецком языке», – вспоминал С. Тата, один из редакторов-турок². К печати был разрешен только Назым Хикмет. У турецкой интеллигенции (например, Р. Кюпчю, Р. и М. Молловых, К. Хаджиоловой, Ю.О. Эрндо-рука и др.) проводились обыски, изымались книги, рукописи, записи полевых исследований; за писателями, журналистами, учеными была установлена слежка, многие из них были арестованы, заключены в тюрьмы или убиты.

В процессе анализа травмы «возродительного процесса» важным представляется тезис Ю.Ф. Зудинова о характере вмешательства власти в жизнь турецкого меньшинства: «По существу происходило вторжение в глубинные, исторически сложившиеся пласты этнопсихологии, внутреннего духовного мира, жизненного уклада, т.е. в те сферы, которые в принципе трудно поддаются разрушающему их внешнему воздействию и регулированию. [...] В ходе этого процесса и среди мусульман, этнических турок оказалось определенное количество его сторонников, энтузиастов, по крайней мере вербальных. Кого-то запугали или подвергли “партийной мобилизации”, кого-то уговорили или “ублажили”. Существенно расширилась почва для конформизма, двойной морали» [Зудинов 1994, 232]. Усилия правительства были направлены на разобщение мусульманской общности, на вмешательство в сферу их национальной идентичности, что неизбежно влекло за собой негативную реакцию: протесты мусульманского населения имели разные формы – от молчаливого несогласия до участия в открытом сопротивлении: «...в 1988–1989 годах болгарские интеллигенты и правозащитники присоединились к протестам болгарских турок и представляли их требования на международной арене. Стоит добавить, что и раньше в истории болгарского диссидентского движения было много примеров солидарности этнических болгар с болгарскими турками, а также с трагической судьбой болгар-мусульман (принявших ислам, но говорящих по-болгарски, – так называемых помаков)» [Неделчев 2022, 56].

Литература, созданная жертвами «возродительного процесса» 1980-х гг., являет собой способ, с одной стороны, эмоциональной переработки травмы, с другой – ментальной, а ее постулирование, актуализация необходимы для восстановления коллективной идентичности. Главными для мусульманских авторов стали вопросы языковой и национальной идентичности, определения

² Тата 1993, 29.

родины, роли данного при рождении имени, памяти о насилии, темы боли, расставания и смерти, именно они определили общий нарратив о пережитой травме. В их литературе *«травма-как-сюжет* (курсив автора. — Н.Л.) является не только поводом для переосмысления утраченного прошлого: травма задает здесь *общую* систему повествовательных координат. Специфические ситуации жертв или очевидцев приобретают статус авторских позиций, с точки зрения которых репрезентируется прошлое и воспринимается настоящее» [Ушакин 2009, 9]. Воспоминания об общей национальной трагедии, возвращение к прошлому нужны, чтобы преодолеть коллективную и индивидуальную травмы.

Особое внимание разграничению индивидуальной и коллективной травмы уделил К. Эриксон, понимая под первой сильный удар по психике человека, который не в состоянии отреагировать на него должным образом, а под второй «удар по основным тканям социальной жизни, который разрушает узы, связывающие людей вместе, и ослабляет преобладающее чувство общности. Коллективная травма медленно и даже коварно проникает в сознание тех, кто от нее страдает, поэтому она не обладает той внезапностью, которая обычно ассоциируется с “травмой”. Но все же это своего рода шок, постепенное осознание того, что сообщество больше не существует как эффективный источник поддержки и что важная часть личности исчезла... “Я” продолжает существовать, хотя и имеет повреждения и, возможно, даже навсегда изменилось. “Ты” продолжает существовать, хотя на расстоянии, и с ним трудно взаимодействовать. Но “Мы” больше не существует как связанная пара или как объединенные ячейки в более крупном коллективном теле» [Erikson 1976, 154]. Травма применительно к переживаниям группы людей, по А. Нилу, происходит вследствие нанесенного ущерба или посягательства на социальную жизнь. Когда из общественной жизни исчезает предсказуемость и появляется хаос, люди перестают быть уверенными в том, что могут видеть события в их взаимосвязи, по причине чего возникают тревожные вопросы о связи исторических обстоятельств с их собственной жизнью [Neal 2005]. В работе «Смыслы социальной жизни: Культурсоциология» Дж. Александер, понимая под культурной травмой сообщества «какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [Александер 2013, 255], говорит о необходимости ее «проговаривания» для восстановления поврежденной идентичности.

Среди болгарских писателей турецкого происхождения, пострадавших от «возродительного процесса», выделяется фигура Ахмета Шерифа Шерефли (1926–2000), в чьем творческом наследии особенно остро заявлена травма «отверженных приобщенных» (термин болгарской исследовательницы Е. Ивановой) и чья жизнь служит примером сопротивления тоталитарному режиму. Несмотря на то что в Болгарии не была развита система организованного противостояния коммунистической власти и не проводились такие масштабные акции протеста, как в других странах социалистического блока, «это, однако, не означает, что Болгария представляла собой этакое стоячее болото “реального социализма”, была страной без гражданского самосознания, где в отсутствие свободы царили лишь смирение и подхалимское верноподданничество» [Неделчев 2022, 53]. В связи с этим мы можем рассматривать этнических турок, несогласных с политикой насильственной ассимиляции и отстаивавших свое право на национальную идентичность, как один из типов болгарских диссидентов.

Шерефли родился в с. Хлебарово (сейчас – Цар-Калоян) в Разградской области. Получив начальное образование и окончив прогимназию, он продолжил обучение в Ньювабе – мусульманской духовной школе. По настоянию отца он выучился швейному делу, но всю жизнь мечтал заниматься литературой вопреки отцовской воле. В 1953 г. Шерефли получил вторую премию на поэтическом конкурсе газеты «*Народна младеж*» («Народная молодежь») и был приглашен работать в софийской детской газете «*Септемвриче*» («Сентябренок»). Затем он сотрудничал с турецкоязычными изданиями «*Народна младеж*» (тур. «*Halk Gençliği*», «Народная молодежь»), «*Нова светлина*» (тур. «*Yeni ışık*», «Новый свет») и «*Нов живот*» (тур. «*Yeni hayat*», «Новая жизнь»). В 1960-е годы у Шерефли вышло несколько сборников стихов на турецком языке, повесть «*Ширин*», путевые очерки «*По стране шаг за шагом*».

После введения запрета на использование турецкого языка для Шерефли, отказавшегося вступить в партию, двери редакций газет и журналов были закрыты, но он продолжал творить, не имея возможности быть опубликованным. В ходе обысков у писателя были изъяты рукописи, книги на турецком языке, а сам он в 1975 г. был арестован и отправлен в тюрьму, где подвергался пыткам (в том числе газом), об этом травматическом опыте он впоследствии будет вспоминать в своих книгах. Выйдя из тюрьмы в 1977 г. («...его здоровье было сильно подорвано – он весил всего 26 килограммов» [Зафер 2009, 364]), Шерефли с трудом нашел работу в мастерской по ремонту одежды. В 1985 г. в ходе очередных обысков у него снова конфисковали материалы на турецком языке, включая и те, что не были обнаружены ранее. После 18 лет отсутствия публикаций писатель вновь предпринял попытку быть напечатанным на болгарском языке, отправив в ряд издательств свои рукописи, которые сам и перевел, но они так и остались неизданными.

В возрасте 63 лет Шерефли навсегда покинул Болгарию, вынужденно эмигрировав в Турцию, где старался наверстать годы насильственного молчания. При пересечении границы по невнимательности таможни ему удалось вывезти часть написанных им текстов за пределы Болгарии: в частности, речь идет о 180 страницах спрятанной им в родном селе рукописи, созданной еще в 1983–1984 гг. на основе тюремных записок арабской вязью, которые он смог вынести на свободу.

В первой половине 1990-х годов Шерефли сотрудничал с турецкими периодическими изданиями – печатными органами эмигрантов в Болгарии, в том числе с журналом «*Турецкая культура на Балканах*». В 1994 г. вышла книга стихов в прозе под названием «*Пусть земля будет зеленой, а небо – синим*». Писатель умер в 2000 г. в Бурсе, оставив готовыми к печати несколько книг, которые увидели свет благодаря его брату. В 2000 г. был опубликован сборник стихов «*Слишком поздно*», затем книга воспоминаний и эссе «*Прежде всего они сковали наши мысли*» (2001), исследовательская работа «*Турки в Болгарии 1879–1989*» (2002), роман «*Ты не приезжай в Стамбул*» (2003) и сборник «*На прощание. Воспоминания, дневники, афоризмы и эпиграммы*» (2006).

Одной из немногочисленных научных работ, специально посвященных А. Шерефли, в настоящий момент является статья «*Диссидент в Болгарии – эмигрант в Турции (мемуары Ахмета Шерифа Шерефли)*» [Зафер 2009] Зейнеп Зафер, где автор прослеживает основные этапы творческого и жизненного пути Шерефли, вписывая его в общественно-политический контекст и уделяя особое внимание периоду его тюремного заключения, теме взаимоотношений с надзирателями

и заключенными³. Нас же в творческом наследии Шерефли в первую очередь будут интересовать травматический опыт замены арабо-мусульманских имен и насильственного запрета на использование родного языка, рассуждения писателя об их роли в структуре национальной идентичности.

В контексте разговора о протестном поведении представителей турецкой интеллигенции, оказавшейся в ситуации, когда невозможно использовать свой язык ни для каких целей в пределах границ государства, важным оказывается факт взаимосвязи языка и идентичности: именно родной язык выступает средством внутренней и внешней идентификации личности, формируя ее самосознание и представляя собой способ бытования человека в мире. Общее пространство исторического и культурного опыта формируется благодаря языку, определяющему принадлежность к этнической группе и выступающему гарантом преемственности поколений, которые объединены общей культурной памятью, системой аксиологических норм.

При анализе высказываний Шерефли о языке представляется возможным опираться на философские рассуждения Х.-Г. Гадамера о взаимосвязи языка и бытия. Согласно его концепции, «подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир. Таким образом, исконная человечность языка означает вместе с тем исконно языковой характер человеческого бытия-в-мире» [Гадамер 1988, 513]. Для Шерефли тождественны понятия жизни, родины, языка и национальности: «Когда исчезает язык, все заканчивается. Если язык мертв, нация или нации тоже мертвы. Сегодня я нахожу убежище в своем языке как в родине. Я хочу писать и творить на этом языке. Национальность – это кристаллизованное наследие крови. Наш язык – это наша земля, наша Родина, наша вера, наша культура и литература. Я хочу сохранить свой язык и свою Родину своим пером, даже в тюрьмах. Именно по этой причине я возвращаю свою свободу в этой тьме»⁴.

Для писателя является априорной устойчивая связь между языковой и национальной идентичностью: «Знаете ли вы, что в этой стране потерянных предков, где я живу как арендатор, мои мысли всегда были на турецком языке? Я всегда любил своих близких турецкой поэзией и турецким сердцем. Поэтому я турок по сердцу и крови. Мой турецкий – мое национальное достояние, говорить на нем – мой долг. Этот язык был доверен мне»⁵. В основе «турецкости», таким образом, для Шерефли лежит именно язык, и говорить на турецком – и значит быть турком.

В рамках рассуждений о невозможности использовать родной язык Шерефли неоднократно высказывает опасения о дальнейшей судьбе турецкого языка, который подвергается болгаризации, чахнет, «брошенный без садовника»: «Делиорманское наречие, на котором говорили мои родители, было очень богатым региональным языком. Это был язык семьи и дома. Ничего не было написано на народном языке... Народные песни, былины, народные стихи, анекдоты, поэмы, пословицы, сказки [...]. Поскольку это богатство больше не подпитывается, оно вот-вот высохнет, как пресноводное озеро»⁶. Руководство НРБ активно продвигало идею создания искусственного турецкого языка: под предлогом того, что

³ Кроме того, З. Зафер наряду с В. Чернокожевым выступила составителем и редактором антологии произведений болгарских мусульман, жертв «возродительного процесса»: Когато ми отнеха името. «Възродителният процес» през 70-те – 80-те години на XX век в литературата на мюсюлманските общности / съст. З. Зафер, В. Чернокожев. София: Изток-Запад, 2015. 464 с.

⁴ Şerefli 2001, 26.

⁵ Ibid., 19.

⁶ Ibid., 41.

болгарские турки не понимали турецкий литературный язык, сформированный на основе стамбульского диалекта, им стоило опираться на кырджалийский и/или делиорманский диалект турецкого, используемый на территории Болгарии. Шерефли обращал внимание на то, что власти настаивали на отказе от стамбульского диалекта совсем по другим, политическим причинам: «Мы социалистическая страна, а Турция — капиталистическая. У вас нет ничего общего с турками в Турции»⁷. Заимствованные слова в турецком следовало писать и произносить в соответствии с правилами болгарской орфографии и фонетики и др⁸. Данная языковая политика привела к тому, что болгарские турки, по убеждению исследователей, «не могли создавать шедевры ни на родном турецком, ни на официальном языке страны, в которой они родились и жили. Таково мнение ряда писателей Турции, включая Азиза Несина, о творчестве болгарских турок. Писатели-переселенцы среднего возраста продолжали творить и печататься в Турции, но не могли достичь уровня художественного мастерства рожденных и выросших в ней писателей. Они были обречены остаться в границах литературы “среднего уровня”» [Зафер 2009, 374].

Насильственное вмешательство в бытование турецкого языка на территории Болгарии остро ощущалось Шерефли, для которого родной язык был оплотом идентичности, ее «убежищем». Рассматривая языковую и национальную компоненту своей личности в неразрывной связи друг с другом, писатель не мог не воспринимать происходящее с ним и другими «писателями, осужденными за свое свободомыслие»⁹, как культурную травму, повреждающую мировоззрение всего этнического сообщества, испытывающего страдание. Неслучайно одним из сквозных в его воспоминаниях является мотив раны: он, как и другие болгарские мусульмане, подчеркивает, что постоянно чувствует себя подавленным и испытывает боль от отсутствия одобрения, поддержки, от жестокости («В рецензии были места, которые меня *ранили*»¹⁰, «Их слова и сомнения сильно *ранили* меня»¹¹, «Социализм нанес глубокие *раны* и туркам, и болгарам»¹², «Неизлечима и очень глубока та *рана*, которую нанесли ятаганом насмешки»¹³ и т.д.).

С мотивом раны у Шерефли тесно связан мотив одиночества, что в свою очередь отсылает к синдрому непризнания. Хотя Шерефли, как и другие болгарские писатели турецкого происхождения, страдал от насильственного молчания, он чувствовал непреодолимую потребность выражать свое творческое «Я», не отказываясь от занятия литературой и использования родного языка, писал «в стол» вопреки официальному запрету, что приводило к травле, обыскам, допросам, заключению. Очевидно, что он, будучи частью травмированного сообщества, испытывал синдром отмены и неудовлетворенность в самореализации. В работе «Травма, признание и место языка» Дж. Митчелл обращается к исследованию М. Эрнандеса о пациенте, ставшем жертвой насилия в детском возрасте, однако «после происшествия никто из домашних не заметил подавленного состояния ребенка. У взрослого пациента сформировался симптом наваждения, связанный с ощущением того, будто все на него смотрят, смеются над ним, преследуют его» [Митчелл 2009, 788]. Человек ощущает травму, поскольку его «преследует память о *не-признании* или *не-замеченности*,

⁷ Ibid., 42.

⁸ Alper 1995, 204–205.

⁹ Шерефли 2015б, 137.

¹⁰ Ibid., 136.

¹¹ Шерефли 2015а, 153.

¹² Шерефли 2015б, 144.

¹³ Ibid., 117.

а также симптом, указывающий на то, что он страдает от нежелательного и чрезмерного внимания» [Митчелл 2009, 788]. Шерефли все так же имел потребность в том, чтобы быть на виду, испытывал желание быть признанным в творческих кругах (как литератор), но стал объектом пристального внимания по иной причине (как турок, он был мишенью карательной политики) и вследствие репрессий был вынужден вести себя, напротив, наиболее незаметным образом. И, навсегда покидая свой дом, Шерефли старается все делать украдкой из опасений, что за ним опять кто-то наблюдает: «...чтобы мои шаги не слышали соседи (все они болгары) с седьмого этажа, где я жил в одиночестве и страдании. Идя бесшумно и не дыша, я был похож на вора»¹⁴. Квартиру, на двери которой виднелись «кровавые раны» от милицейских сапог, писатель называет «клубком воспоминаний», «свидетелем страданий и того, что здесь он говорил и плакал на турецком», того, что сюда приходили, чтобы «отнять его благословенное турецкое имя»¹⁵.

Необходимость отказа от своей национальной идентичности («Но ты болгарин. Для нас каждый болгарин очень ценен. Мы вас поневоле сделали турками... — Как?! — Как? Мы открыли турецкие школы. Распорядились, чтобы выходили турецкие книги. Мы издавали газеты на турецком языке. Постоянно возвращали ваше турецкое самосознание. А вы сейчас нам противостоите. Выступаете против политики партии. Вы отуреченные болгары. Пришло время, чтобы вы вернулись к своим корням, идентифицировали себя, пока еще не поздно. Вы возвращаетесь к своему настоящему самосознанию»¹⁶) и тот факт, что часть его этнического сообщества приняла ассимиляцию, а некоторые — даже извлекли из этого выгоду¹⁷, заставляли писателя испытывать чувство стыда: «Ни за кого мне не было стыдно больше, чем за тех, кто скрывает свои имена и национальность»¹⁸, «...я знаю молодых людей, которые предпочитают скрывать свои благословенные имена. Эти подлецы больше всего ранят мою душу»¹⁹. Отказаться от имени, данного по рождению, означает, по Шерефли, предать память предков, ибо «имя — родословное древо, что хранит честь поколений».

Шерефли — свидетель истории дискриминации болгарских мусульман, жертва антигуманного «возродительного процесса». Не только сама травма, но и невозможность вовремя «проговорить» ее на родном языке усилили негативный опыт прошлого. Травмированность сознания автора нашла отражение как на идейно-тематическом уровне его мемуаров, так и на уровне их поэтики: фрагментированность воспоминаний писателя, не выстроенных в логичный и хронологически последовательный ряд, подтверждает мысль о том, что событие-травма мешает адекватной языковой репрезентации и отражается на вербализации воспоминания о нем. «Давайте укроемся в нашем языке и будем существовать. Мы можем сохранить этот язык живым»²⁰, — писал Шерефли в книге «Прежде всего они сковали наши мысли», и, кажется, только его глубокая вера в необходимость противостоять официальным запретам на то, чтобы быть тем, кто ты есть по рождению («Это преступление не знать себя, Мехмет. Мы можем познать и познать себя только через наш язык...»²¹), убежденность в собственной правоте, любовь к своему языку

¹⁴ Ibid., 144.

¹⁵ Ibid., 144.

¹⁶ Ibid., 127.

¹⁷ См., например: Шерефли 2015б, 137–143.

¹⁸ Şerefli 2001, 26.

¹⁹ Шерефли 2015а, 151.

²⁰ Şerefli 2001, 43.

²¹ Ibid., 44.

ку, а значит – нации, всему, что ей создано, помогли ему выдержать и тюремное заключение, и пытки и вернуться к нормальной жизни («Если мы создадим свою национальную личность, мы будем спасены от всех смертей»²²). Повествование о травме «возродительного процесса» стало для автора способом вернуть поврежденную идентичность.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НРБ – Народная Республика Болгария
БКП – Болгарская коммунистическая партия
ЦК БКП – Центральный Комитет Болгарской Коммунистической партии

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Шерефли А.* Най-напред оковаха мисълта ни // Когато ми отнеха името. «Възродителният процес» през 70-те – 80-те години на XX век в литературата на мюсюлманските общности / съст. З. Зафер, В. Чернокожев. София: Изток-Запад, 2015а. С. 149–159.
- Шерефли А.* Родихме се турци и турци умряхме // Когато ми отнеха името. «Възродителният процес» през 70-те – 80-те години на XX век в литературата на мюсюлманските общности / съст. З. Зафер, В. Чернокожев. София: Изток-Запад, 2015б. С. 116–148.
- Alper O. R.* Mülteci Komünist. İstanbul: Timaş Yayınları, 1995. 518 s.
- Şerefli A.Ş.* Önce Düşünceler Kelepečelendi. İstanbul, 2001. 396 s.
- Tata S.* Türk Komünistlerinin Bulgaristan Macerası. İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 1993. 157 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Практикс», 2013. 640 с.
- Волокитина Т.В.* Болгарское государство, мусульманское население и планы создания «коммунистической нации» (1960-е – 1970-е гг.) // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. / отв. ред. В.П. Козлов. М.: ИСЛ РАН, 2014. С. 209–230.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Горчева Д.* Кого разделя «Време разделно» // Българският хелзински комитет. 23.11.2008. URL: <https://www.bghelsinki.org/bg/publication/kogo-razdelya-vreme-razdelno> (дата обращения: 25.02.2024).
- Зафер З.* Дисидент в България – емигрант в Турция (мемоарите на Ахмет Шериф Шерефли) // Антитоталитарната литература: Преодоляване на тоталитарния менталитет / В. Чернокожев, Б. Кунчев, Е. Сугарев (съст.). София: ИЦ «Боян Пенев», 2009. С. 361–375.
- Зудинов Ю.Ф.* «Мусульманский фактор» в жизни болгарского общества // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) / редкол.: В.Н. Виноградов, Т.М. Исламов, Ю.С. Новопашин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 215–247.
- Митчелл Дж.* Травма, признание и место языка // Травма: пункты: Сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 785–808.
- Муратова Н., Зафер З.* Политически и научни репресии – случаят Хайрие Мемова-Сюлейманова // Balkanistic Forum. 2020. Vol. 3. P. 9–56. DOI: <https://doi.org/10.37708/bf.swu.v29i3.1>
- Неделчев М.* България. Исторически очерк // Энциклопедия дисидентства. Восточная Европа. 1956–1989: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия / под общ. ред. А.Ю. Даниэля; Международный Мемориал. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 53–58.
- Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? о травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.
- Чернокожев В.* Видях едно несполделено, неизговорено страдание // Выпреки. URL: <https://выпреки.com/post/111194945191/доц-вихрен-чернокожев-видях-едно-несполделено> (дата обращения: 10.08.2023).

²² Ibid., 47.

- Erikson K. T. *Everything in its Path: Destruction of Community in the Buffalo Creek Flood*. New York: Simon and Schuster, 1976. 284 p.
- Neal A. G. *National trauma and collective memory: extraordinary events in the American experience*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2005. 254 p.

Рукопись поступила в редакцию 03.03.2024

Рукопись принята к печати 06.05.2024

REFERENCES

- Alexander Jeffrey C. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. New York, Oxford University Press Publ., 2003, 296 p. (Russ. ed.: Aleksander Dzh. *Smysly sotsial'noi zhizni: Kul'tursotsiologiya*. Moscow, Izd. i konsaltingovaia grupa «Praksis» Publ., 2013. 640 p.)
- Chernokozhev V. Vidiah edno nespodeleno, neizgovoreno stradanie. *Vŭpreki*. Available at: <https://vŭpreki.com/post/111194945191/доц-вихрен-чернокожев-видях-едно-несподелено> (accessed: 10.08.2023). (In Bulg.)
- Erikson K. T. *Everything in its Path: Destruction of Community in the Buffalo Creek Flood*. New York, Simon and Schuster Publ., 1976. 284 p.
- Gadamer H-G. *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen, Mohr, 1960, 486 p. (Russ. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevitiki*, ed. B. N. Bessonova. Moscow, Progress Publ., 1988, 704 p.)
- Gorcheva D. Kogo razdelia 'Vreme razdelno'. *Bŭlgarskiiat helzinski komitet*. Available at: <https://www.bghelsinki.org/bg/publication/kogo-razdelya-vreme-razdelno> (accessed: 25.02.2024). (In Bulg.)
- Mitchell J. Trauma, Recognition, and the Place of Language. *Diacritics*, 1998, vol. 28, no. 4, pp. 121–133. (Russ. ed.: Mitchell Dzh. *Travma, priznanije i mesto iazyka. Travma: punkty*, eds. S. Ushakin i Je. Trubina. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije, 2009, pp. 785–808.)
- Muratova N., Zafer Z. Politicheski i nauchni represii – sluchaiat Haŕie Memova-Siuleŕimanova. *Balkanistic Forum*, 2020, vol. 3, pp. 9–56. DOI: <https://doi.org/10.37708/bf.swu.v29i3.1> (In Bulg.)
- Neal A. G. *National trauma and collective memory: extraordinary events in the American experience*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2005. 254 p.
- Nedelchev M. Bolgariia. Istoricheskii ocherk. *Entsiklopediia dissidentstva. Vostochnaia Jevropa. 1956–1989: Albaniia, Bolgariia, Vengriia, Vostochnaia Germaniia, Pol'sha, Rumyniia, Chekhoslovakiia, Iugoslaviia*, ed. A. Iu. Daniel'. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2022, pp.53–58. (In Russ.)
- Ushakin S. «Nam etoi bol'iu dyshat»? o travme, pamiati i soobshchestvakh. *Travma: punkty*, eds. S. Ushakin i Je. Trubina. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2009, pp. 5–41. (In Russ.)
- Volokitina T. V. Bolgarskoje gosudarstvo, musul'manskoje naselenije i plany sozdaniia 'kommunisticheskoi natsii' (1960-je – 1970-je gg.). *Rossiisko-bolgarskije nauchnye diskussii. Rossiiskaia i bolgarskaia gosudarstvennost': problemy vzaimodeistviia. XIX–XXI vv.*, ed. V. P. Kozlov. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 209–230. (In Russ.)
- Zafer Z. Dissident v Bŭlgariia – emigrant v Turtsiia (memoarite na Ahmet Sherif Sheriffi). *Antitotalitarnata literatura: Preodoliavane na totalitarniia mantalitet*, eds V. Chernokozhev, B. Kunchev, E. Sugarev. Sofia: «Boian Penev» Publ., 2009, pp. 361–375. (In Bulg.)
- Zudinov Iu. F. «Musul'manskiĭ factor» v zhizni bolgarskogo obshchestva. *Ochagi trevogi v Vostochnoi Jevrope (Drama natsional'nykh protivorechii)*, eds. V. N. Vinogradov, T. M. Islamov, Iu. S. Novopashin. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 1994, pp. 215–247. (In Russ.)

Received on 03.03.2024

Accepted on 06.05.2024

Информация об авторе:

Лунькова Наталья Александровна
младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9193-3890
E-mail: lunkova_n@mail.ru

Information about the author:

Natalia A. Lunkova
Junior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9193-3890
E-mail: lunkova_n@mail.ru

Словенская поэтесса и австрийская писательница:
«гибридная» идентичность Майи Хадерлап
и преодоление травмы постпамяти

© 2024 г. Н.Н. Старикова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

nstarikova@mail.ru

Аннотация. Современная литература словенского меньшинства в австрийской Каринтии представляет собой особый феномен, сочетающий национальные и поликультурные компоненты, а также билингвизм. Ярким его примером является творчество М. Хадерлап (р. 1961), пишущей поэзию по-словенски, а прозу – по-немецки. Ее роман на немецком языке «*Engel des Vergessens*» («*Angel pozabe*» / «Ангел забвения», 2011) о коллективной травме прошлого, которую пережило словенское население Австрии, участвовавшее в антифашистском сопротивлении в период Второй мировой войны (физическое уничтожение и депортация в концентрационные лагеря), имел широкий резонанс на европейском немецкоязычном социокультурном пространстве. В основе сюжета лежит личная история бабушки и отца писательницы, прошедших через гестапо и Равенсбрюк. Одним из способов выразить свое отношение к трагической теме и одновременно преодолеть последствия механизма постпамяти стал для автора выбор языка. Создавая роман на языке национального большинства на тему, «неудобную» для его носителей и болезненную для национального меньшинства, Хадерлап, во-первых, делает попытку дистанцироваться от личных переживаний, во-вторых, привлечь внимание широкой общественности к исторической несправедливости, вызвать у сограждан импульс к покаянию. Гибридная идентичность писательницы, воспринимающей свой билингвизм как неоспоримое преимущество творческого самовыражения, отражает реальные тенденции литературного развития Европы: на смену монолингвальной парадигме приходит установка на поли- и гетероглоссию.

Ключевые слова: каринтийские словенцы, травматический опыт войны, постпамять, гибридная идентичность, язык творчества, билингвизм.

Ссылка для цитирования: Старикова Н.Н. Словенская поэтесса и австрийская писательница: «гибридная» идентичность Майи Хадерлап и преодоление травмы постпамяти // Славяноведение. 2024. № 4. С. 116–125. DOI: 10.31857/S0869544X24040107, EDN: WWBOAK

Slovenian Poet and Austrian Writer:
Maja Haderlap's «Hybrid» Identity
and Overcoming Post-Memory Trauma

© 2024. Nadezhda N. Starikova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

nstarikova@mail.ru

Abstract. The contemporary literature of the Slovene minority living in Austrian Carinthia is a special phenomenon that combines national and multicultural components, as well as bilingualism. A striking example of this is the work of M. Haderlap (b. 1961), who writes poetry in Slovenian and prose in German. Her German-language novel «Engel des Vergessens» («Angel pozabe», 2011) is about the collective trauma of the past experienced by the Slovenian population who participated in the anti-fascist resistance during the Second World War (physical extermination and deportation to concentration camps), had a wide resonance in the European German-speaking sociocultural space. The plot is based on the personal story of the writer's grandmother and father, who went through the Gestapo and Ravensbrück. One of the ways to express his attitude to a tragic topic and at the same time overcome the consequences of the post-memory mechanism was the choice of language for the author. By creating a novel in the language of the national majority on a topic that is «inconvenient» for its speakers and painful for the national minority, Haderlap, firstly, makes an attempt to distance himself from personal experiences, and secondly, to attract the attention of the general Austrian public to historical injustice, to evoke fellow citizens an impulse to repentance. The hybrid identity of the writer, who perceives her bilingualism as an undeniable advantage of creative self-expression, reflects the real trends in the literary development of Europe: the monolingual paradigm is being replaced by a focus on poly- and heteroglossia.

Keywords: Carinthian Slovenians, traumatic experience of war, post-memory, hybrid identity, creative language, bilingualism.

For citation: *Nadezhda N. Starikova. Slovenian Poet and Austrian Writer: Maja Haderlap's «Hybrid» Identity and Overcoming Post-Memory Trauma // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 116–125. DOI: 10.31857/S0869544X24040107, EDN: WWBOAK*

С момента расселения предков словенцев в восточно-альпийских областях (VI в. н.э.) территории их проживания постоянно оказывались объектом притязаний более могущественных соседей, что зачастую заканчивалось не в пользу словенского населения. В XX в. при определении новых государственных границ после Первой мировой войны крайне болезненным стал раздел южной Каринтии, некогда центра древнего словенского государства Карантания, т.е. исконно словенских земель. На протяжении столетий эти области являлись частью словенского культурного пространства, в середине XIX в. в городе Целовец (ныне Клагенфурт) было учреждено первое национальное просветительское издательство «Общество св. Мохора», крупнейший центр словенского книгопечатания своего времени. После распада Австро-Венгрии по результатам плебисцита 1920 г. каринтийские земли, на которых проживало более 80 000 словенцев [Vodopivec 2007, 253], были закреплены за Австрийской Республикой. Словенское население осталось в своих автохтонных областях, но вследствие передела границ оказалось под юрисдикцией нового государства.

Вопреки обещаниям всячески способствовать сохранению языка и культуры национального меньшинства, на которые перед голосованием не скупилась австрийские власти, немецкий язык оставался единственным официальным государственным языком Австрии. В этих условиях существенным фактором сопротивления ассимиляции стала для каринтийских словенцев литература на родном языке. До сих пор угроза ассимиляции для словенского национального меньшинства в Каинтии не теряет своей актуальности [Грабнер 2016, 92].

Принципиальные изменения самой дефиниции «литература каринтийских словенцев» произошли в годы краха социализма, распада Югославии и провозглашения независимости Словении. Если до этого литературоведы и культурологи делали упор в основном на историко-культурной и этнической составляющей, то после 1991 г. на смену пришли интеграционные и кросс-культурные маркеры. На изменение акцентов повлияли новые эстетические концепции, дискуссии о межэтничности и мультикультурализме, курс политиков на трансграничное сотрудничество и не в последнюю очередь осознание разрыва между самым привычным монокультурным дискурсом и реальной литературной жизнью. В начале 1990-х выдающийся литературовед Б. Патерну констатирует, что разделение литературы на словенском языке государственными границами в новой реальности теряет смысл, ибо национальная словесность «едина и неделима» и все ее анклавы «чувствуют, думают и дышат на одном языке» [Paternu 1991, 1]. Через четверть века лингвистическая составляющая литературной практики каринтийских словенцев трансформируется: молодые авторы все чаще прибегают к билингвизму, проблематика их произведений начитает отдаляться от когда-то традиционной, нацеленной на сохранение родного языка, становится все менее обусловленной их этнической принадлежностью. Это стремление интегрироваться в мультикультурный австрийский контекст меняет сам статус литературы диаспоры – словенская каринтийская литература перестает быть периферийным компонентом литературного процесса, обретает языковую, культурную, эстетическую полифонию, важную роль в этом играет двуязычие. На смену языковому коду приходит региональный и формируется «особое каринтийское литературное пространство» [Bandelj 2008, 117] со своей художественной парадигмой. В XXI в. в рамках этого пространства сосуществуют произведения, написанные авторами словенского происхождения на родном языке, по-немецки и с использованием двуязычия [Старикова 2020, 453]. К последним относится принесший М. Хадерлап европейскую известность роман «*Engel des Vergessens*» / «*Angel pozabe*» / «Ангел забвения» (2011), созданный на пересечении нескольких актуальных для современной Каринтии дискурсов: партизанского (табуированная в Австрии тема антифашисткой борьбы), травматического (память о коллективной военной травме) и лингвистического (выбор языка национального большинства для раскрытия трагической судьбы национального меньшинства). В 2012 г. роман был переведен на словенский язык, затем назван «одним из лучших литературных произведений, которое словенский автор [...] предложил Европе» [Kuhar 2013, 160]. В течение последующего десятилетия книга была переиздана более 20 раз, в Словении вошла в школьную и вузовскую программу. Читательский успех европейского масштаба можно отчасти объяснить тем, что Хадерлап обратилась к практически неизвестным широкой аудитории эпизодам Второй мировой войны, поскольку и в Австрии, и в Словении трагическая судьба каринтийских партизан оставалась далеко на периферии писательского внимания. Помимо Австрии, широкий резонанс роман имел в Германии и Швейцарии. Хадерлап – первая

в истории австрийской и словенской литератур женщина-автор, удостоенная за свое произведение премии Ингеборг Бахман, одной из самых значительных наград в современной немецкоязычной литературе (премия предназначена для писателей всего немецкоязычного европейского региона, т.е. социокультурной зоны и книжного рынка с населением более 95 млн человек).

Майя Хадерлап родилась в 1961 г. в местечке Железна-Капля в австрийской Каринтии в словенской семье. Языком ее образования был немецкий, языком детства – словенский. Билингвизм являлся данностью и оказал существенное влияние на формирование гибридной идентичности творческой личности Хадерлап. «Я себя не перевожу, я живу то на одном языке, то на другом в зависимости от конкретной ситуации, словенский – это мой родной язык, немецкий же, бесспорно, – второй родной»¹, – заметила она в одном из интервью. В семье поддерживался культ словенского языка, многие родственники (в том числе отец, тетя, брат) писали на нем стихи. Путь Хадерлап в литературу довольно типичен для современного европейского гуманитария: она изучала германистику и историю театра в Венском университете, защитила диссертацию по театроведению, преподавала в университете Клагенфурта, заведовала литературной частью клагенфуртского драматического театра, была главным редактором каринтийского литературного журнала на словенском языке «*Mladje*». Дебютировала как поэтесса сначала на словенском языке: сборники «*Žalik pesmi*» / «Волшебные стихи» (1983), «*Bajalice*» / «Палицы» (1987), «*Gedichte – Pesmi – Poems*» (1998), стихотворения, вошедшие в сборник «*Dolgo prehanje*» / «Долгий переход» (2016) в оригинале написаны по-немецки и переведены на словенский Ш. Веваром. В Австрии в переводе Хадерлап на немецкий язык вышли произведения выдающегося словенского поэта-авангардиста С. Косовела (1904–1926). В культурном сообществе Каринтии она известна также своими публичными выступлениями и статьями, посвященными судьбе словенцев в Австрии во время Второй мировой войны и после нее. В основе отношения Хадерлап к этой теме лежат «опосредованные» воспоминания, возникшие под влиянием ее общения с членами своей семьи, являвшимися непосредственными участниками и очевидцами трагических событий военного прошлого. Именно воспоминания бабушки и отца, их оценка случившегося и их поведение стали основой ее восприятия этой проблематики в целом, определили эмоциональную палитру чувств, по сути, повторяющих те, что были пережиты старшими членами ее семьи. Таким образом, в соответствии с механизмом функционирования постпамяти «как структуры возвращения травматического знания и олицетворенного опыта – поверх и через поколения» [Hirsch 2008] на формирование взглядов будущей писательницы, внучки словенки, чудом вернувшейся живой из Равенсбрюка, оказали влияние события, произошедшие до ее рождения. Разоблачению роли Австрии в коллективной травме военного прошлого, пережитой каринтийскими словенцами, посвящена статья «Реальность теней», в которой Хадерлап называет ложными заявления Австрии о ее непричастности к зверствам Второй мировой войны и доказывает, что риторика и идеи нацистов возрождались в Каринтии и после нее, «когда политики в 1960–1970-е годы слово в слово повторяли мантру австрийских нацистов, что с этническими словенцами надо “покончить” раз и навсегда» [Haderlap 2012, 231]. В австрийском обществе активное сотрудничество властей с гитлеровским режимом в послевоенные годы последовательно замалчивалось, Австрия

¹ Haderlap 2011b.

позиционировала себя как жертву нацизма, а не как его пособницу. Между тем во время войны словенское население Каринтии подвергалось преследованиям со стороны нацистов, физическому уничтожению и депортации в концентрационные лагеря, в частности за то, что оказывало врагам отпор. Выжившие участники антифашистского сопротивления после 1945 г. были вынуждены скрывать свое военное прошлое, потому что в Австрии, в отличие от Югославии, «их считали убийцами и предателями» [Zupan Sosič 2014, 33]. Австрийские власти подозревали подпольщиков-антифашистов в связи с коммунистическим режимом. После отказа Австрии по требованию Тито вернуть одной из республик СФРЮ – Словении – каринтийские территории, партизанские заслуги граждан капиталистического государства в социалистической Югославии не признавались. «Между официальной версией истории Австрии и ее реальной историей простирается ничейная земля, на просторах которой легко заблудиться. Я представляю себя мечущейся взад-вперед между темной, забытой частью подвала в австрийском доме и его светлыми, богато обставленными помещениями. Кажется, никто в светлых комнатах не догадывается или не хочет представить, что в этом здании есть люди, запертые политикой в подвале истории, где они окружены и отравлены собственными воспоминаниями»², – с горечью констатирует в романе Хадерлап. При этом она не выдвигает обвинений, не нападает на режим, а лишь репрезентирует воспоминания о событиях, которые продолжают тревожить поколения ее земляков. Не случайно доминирующей эмоцией повествования является ощущение тревоги и потери, которое рассказчица получает через механизм постпамяти «по наследству» от членов своей семьи, прошедших через пытки и нацистские лагеря. «Забыть ужас пережитого не дает “микроб памяти прошлого”. И страх, который присутствовал в жизни всех знакомых мне людей, пострадавших в годы войны [...]. Они рассказывали друг другу военные истории, случаи, которые просто не могли держать в себе [...]. Ребенком я часто слушала эти рассказы и чувствовала их боль»³. Вербализуя табуированное в австрийском обществе прошлое посредством доступного этому обществу языкового нарратива, Хадерлап по сути реализует естественную потребность человека сохранить тождественность самому себе, поскольку «не будь у нас памяти, мы совсем не имели бы представления о причинности, а, следовательно, и о той цепи причин и действий, из которых состоит наше я, или наша личность» [Юм 1996, 407].

В основе сюжета произведения лежит реальная биография бабушки и отца писательницы (из живых свидетелей на момент публикации оставалась только мать Хадерлап, образ которой также выведен в романе и которая с большим энтузиазмом встретила книгу), рассказанная от лица героини-повествовательницы. Жизни этих самых близких ей людей – слепок истории, представленной через воплощение индивидуальных переживаний: в частной судьбе одной из многих словенских семей Австрии отражается хроника военной и послевоенной эпохи.

В жанровом плане роман «Ангел забвения» обладает выраженными чертами автобиографического романа воспитания (*Bildungsroman*), поскольку сфокусирован на истории формирования и развития личности [Бахтин 1979], для его композиции характерен принцип ступенчатости и поэтапности, который В.И. Пашигорев относит к специфике немецкой разновидности этого жанра

² Haderlap 2018, 98. Здесь и далее перевод цитат из словенской и немецкой версий романа сделан автором статьи. – *Н.С.*

³ Haderlap 2011b.

[Пашигорев 2005, 11]. Первая часть (около половины текста) – это рассказ о раннем детстве писательницы, значимым взрослым для которой в это время является бабушка. Ее устные воспоминания о пережитом в годы войны, обстановка комнаты, предметы быта, привычки и правила становятся для девочки этически определяющими, воспитывают отношение к добру и злу. Вторая часть описывает процесс взросления героини в школьные и университетские годы, выбор профессии и языка творчества, трагическую смерть отца. Хотя бабушки уже нет в живых, память о ней, ее образ сопровождают рассказчицу, в сознании Майи бабушка продолжает оставаться ее наставницей, утешительницей, ангелом-хранителем. С возрастом внучка начинает понимать, через что пришлось пройти простой каринтийской крестьянке в концентрационном лагере Равенсбрюк, печально известном своими медицинскими опытами. Ей удалось выжить в нечеловеческих условиях, вернуться к семье и попытаться жить заново, потому что, в отличие от тысяч других, бабушке было к кому и куда возвращаться – многих ее соседей расстреляли, а дома сожгли. Прошлое оставалось с бабушкой всегда, поэтому в день поминовения на стол обязательно ставилось молоко в память о замученных в лагере детях, в шкафу долгие годы хранилось «пальто Гитлера»⁴ – серо-зеленая шинель, спасшая бабушку от холодной смерти в Равенсбрюке, а среди бумаг и документов была спрятана алюминиевая лагерная ложка, «ложка-свидетель»⁵. Ею можно было отскабливать пригоревшие остатки со дна кухонных котлов, которые чистили заключенные. «Наряд на кухню, – вспоминала она, – был большим везением! Я могла воровать эти отбросы и не только есть сама, но и относить в барак товаркам»⁶.

Самая трагическая фигура в романе – отец писательницы, человек, которому так и не удалось справиться с травмой военного детства: за связь с партизанами его, десятилетнего мальчика, гестаповцы сначала зверски пытали, а потом приговорили к повешенью, и в живых он остался только чудом. Забыть такое невозможно, страшное прошлое не отпускает – став взрослым, отец не может найти себя в мирной жизни, ищет уединения, избегает социальных контактов, неоднократно оказывается в шаге от самоубийства, свидетелем чего становится его маленькая дочь («Отец входит в комнату и садится на лавку у печи. В руке у него веревка [...]. Я с плачем кидаюсь ему на грудь. Отец бросает на меня растерянный взгляд, кажется, догадываясь, какие эмоции я сейчас испытываю. [...] “Когда я надел петлю на шею, – произносит он, – то вдруг почувствовал, что меня что-то удерживает, знаешь, как будто бы ангел”»⁷.) и в конце концов все-таки сводит счеты с жизнью.

Мотив ангела – хранителя судьбы, истории, родного языка – сквозной в произведении. Вынесенный в название, он отсылает к трем артефактам XX в.: гравюре художника П. Клее «*Angelus Novus*» (1920), философской интерпретации этого изображения, сделанной В. Бенямином в эссе «Тезисы по философии истории» (1940), и роману Ш. Аша «Назаретянин» (1939). В художественном образе, созданном Клее, немецкий критик и философ Бенямин увидел «ангела истории», отображающего его меланхолическую концепцию исторического процесса как непрекращающегося цикла отчаяния: «Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас – цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами

⁴ Haderlap 2018, 21.

⁵ Ibid., 94.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., 85.

и сваливающую все к его ногам» [Беньямин 2000]. Этот взгляд в будущее через призму трагического прошлого у Хадерлап дополняется аллегорией, позаимствованной у Аша: в его романе ангел забвения целует новорожденных, давая им счастливую возможность прожить жизнь, не отягощенную опытом предков. Вот только ангел этот рассеян, и случается, он забывает поцеловать младенца. Такой «непоцелованной» ангелом забвения, т.е. лишенной исторической амнезии, а значит, сохраняющей чувство исторической, этической и психологической преемственности, позиционирует себя писательница, для которой ежевечерняя молитва Ангелу-Хранителю была одним из главных ритуалов детства. Молитва эта произносилась по-словенски и именно в этом варианте вошла в немецкую версию романа: «Mutter betet mit mir *sveti angel varuh moj, bodi vedno ti z menoj, stoj mi noč in dan ob strani, vsega hudega me brani, amen* und sagt, das Engel in die Seele eines Menschen blicken und ihre geheimsten Gedanken lesen können»⁸. («Мама вместе со мной произносит слова молитвы: *свети ангел варух мой, боди ведно ти з меной, стой ми ночь ин дан об страни, всега худега ме брани, амен*⁹ и говорит, что ангелы могут заглядывать в душу человека и читать его самые сокровенные мысли»).

Словенский язык помимо очевидной художественной функции – создания национального культурного контекста, является в романе предметом размышлений, почти действующим лицом. Несмотря на то, что оригинал написан по-немецки, читателю абсолютно ясно, что действие происходит в словенской среде, герои общаются, молятся, поют на родном языке. Фамилии семей, члены которых выведены в качестве эпизодических персонажей, словенские: Расточник, Желонец, Перко, Майдич, в речь героев вкраплены цитаты из сказок, песенок, детских стихов О. Жупанчича, повествовательница вспоминает, как девочкой она с соседскими ребятами тайно смотрела словенский телевизионный канал, когда шел культовый детский фильм «Кекец». Родной язык имеет особую магическую силу оберега – семейная легенда гласит, что арестованный клагенфуртским гестапо дед-партизан в камере молился по-словенски и выжил, его погибшая в Равенсбрюке дочь, тетя Хадерлап, в лагере тайно писала стихи на родном языке, которые после войны были опубликованы. По мере взросления отношение к языку рождения у героини становится все осознаннее: чтобы сохранить возможность общения с родными и друзьями, «остановить угасание словенской речи в Каринтии»¹⁰, еще студенткой она начинает писать словенские стихи, позже, работая в театре Клагенфурта и заметив, что в ее профессиональной деятельности родной язык почти полностью вытесняется немецким, принимает решение совершенствовать свое владение словенским, чтобы «не забыть, не бросить, не отказаться»¹¹.

Выбор Хадерлап языка национального большинства для создания произведения на тему, «неудобную» для его носителей и болезненную для национального меньшинства, «актуализируя вопрос об идентичности каринтийских словенцев, их “встроенности” в культурную жизнь Австрии» [Cirk 2017, 41], несет в себе несколько мотивационных модальностей, о которых писательница говорит открыто. Первая – заместительная, т.е. использование немецкого языка

⁸ Haderlap 2011a, 123.

⁹ Молитва Ангелу-Хранителю: «святая ангел, хранитель мой, будь же ты всегда со мной, днем и ночью за плечом, чтоб остеречь меня пред злом, аминь» (словен.). Словенские слова и выражения в немецкой версии романа выделены курсивом.

¹⁰ Haderlap 2018, 138.

¹¹ Ibid., 171.

как психологического защитного механизма: «Первым толчком к немецкому было ощущение, что он держит меня на расстоянии и мне легче писать, легче приближаться к этой болезненной и личной теме...»; «...немецкий язык, эмоционально дисциплинируя, дал мне возможность сохранить дистанцию по отношению к изображаемому. Я почувствовала, что это броня, которая защищает меня от пережитой боли, поняла, что выбор сделала правильно. Пиши я по-словенски, материал разрывал бы меня изнутри»¹². Таким образом, выбор языка стал для автора способом преодоления травмы постпамяти через нарратив, «языковое замещение [...] дало автору возможность [...] внутренне раскрепоститься и взглянуть на себя глазами другого» [Kos 2013, 260]. Вторая модальность, безусловно, этическая, — стремление привлечь внимание широкой австрийской общественности ко все еще актуальной исторической несправедливости, вызвать у сограждан если не чувство вины и стремление к покаянию, то хотя бы импульс к эмпатии. Рассказывая немецкоговорящей аудитории о трагическом военном прошлом своей семьи, писательница, подобно П. Целану, использует образы и слова, которые «отягощены» историей соучастия Австрии в войне: «Я хотела, чтобы этот сюжет был понятен не только каринтийским словенцам, которые знают свою трагическую историю, но и всему современному австрийскому обществу»¹³, чтобы, как пишет одна из первых исследовательниц творчества Хадерлап в Словении С. Боровник, «австрийское большинство, наконец, посмотрело на себя в зеркало» [Borovnik 2012, 190]. Существенную роль сыграл, конечно, и прагматический стимул: роман, написанный по-словенски, не получил бы одну из престижнейших современных европейских литературных премий. На провокационный вопрос журналиста, не предательство ли словенской поэтессе из Каринтии писать прозу по-немецки ради тиража, Хадерлап ответила так: «Во-первых, поэзия более сокровенна, роман же всегда имеет эпическое, общественное измерение. Во-вторых, писать на языке малого народа, значит, попасть в зависимость от перевода. Да, тиражи романа на словенском, безусловно, были бы другими, но в Каринтии меня бы все равно не читали, поскольку мои земляки — заложники диалекта, они плохо владеют словенским литературным языком, так что даже моя поэзия “обречена” на читательскую аудиторию Словении»¹⁴.

Гибридная идентичность каринтийской словенки Майи Хадерлап, ощущающей свой билингвизм как неоспоримое преимущество творческого самовыражения («Связующие нити, которыми я соединяю свои языки и культуры, — это конструкт, который поддерживает и защищает меня» [Haderlap 2016, 84]), отражает реальное состояние современной литературы словенского меньшинства, проживающего в Австрии: сочетание в ней национальных и поликультурных элементов. «В словенских литературоведческих исследованиях и литературной практике, — подчеркивает А. Корон, — в последнее десятилетие утверждается понимание того, что словенское культурное пространство больше не является одноязычным, что в нем сосуществуют, находясь в постоянном диалоге друг с другом, многие языки и культуры» [Koron 2020, 175]. В целом это отражает одну из актуальных тенденций литературного развития Европы: на смену молилингвальной парадигме приходит установка на поли- и гетероглоссию.

¹² Haderlap 2011b.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibidem.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Haderlap M. *Engel des Vergessens*. Göttingen: Wallstein, 2011a. 288 s.
Haderlap M. Zdaj sem vse: slovenska pesnica in avstrijska pisateljica! Sprašuje Tanja Lesničar-Pučko. Dnevnik, 27. avgust 2011b URL: <https://www.dnevnik.si/1042468294/ljudje/intervjuji/1042468294> (дата обращения: 28.02.2024).
Haderlap M. *Angel pozabe*. Maribor: Litera, 2018. 210 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Эстетика словесного творчества. М: Искусство, 1979. С. 188–236.
Пашигорев В.И. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция. Автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.01.03 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2005. 32 с.
Старикова Н.Н. Словенская литература в Австрии (национальное и поликультурное) // Славянский альманах. 2020. Вып. 1–2. С. 446–460.
Юм Д. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль, 1996. 736 с.
Bandelj D. Večjezičnost v sodobni poeziji Slovencev v Avstriji: medkulturnost ali asimilacija? // Slovenščina med kulturami. Celovec, Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2008. S. 106–118.
Borovnik S. Dvojna identiteta slovenske književnosti v Avstriji in roman Maje Haderlap *Angel pozabe* (2011) // Večno mladi Htinj: ob 80-letnici Janka Čara / edited by Marko Jesensek. Maribor: Univerza v Mariboru, 2012. S. 187–199.
Curk M. *Engel des Vergessens*: pisanje o koroških Slovencih v nemškem jeziku // Primerjalna književnost. 2017. Let. 40. Št. 3. S. 37–48.
Gračner U. Osební, kolektivní spomín in identiteta v sodobnem slovenskem romanopisju na avstrijskem Koroškem // Colloquium: New Philologies. 2016. Vol 1. No. 1. S. 89–105.
Haderlap M. Die Wirklichkeit der Schatten. Begegnung mit einem Tabu // Sprache im technischen Zeitalter. 2012. Vol. 50. No. 202. S. 225–236.
Haderlap M. Dolgo prehajanje. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2016. 84 s.
Hirsch M. Generation of Postmemory. URL: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/poetics_today-2008-hirsch-103-28.pdf (дата обращения: 28.02.2024).
Koron A. Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnoviča // Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu. Ljubljana: Založba ZRC, 2020. S. 165–177.
Kos M. Tako rekoč slovenski roman // Literatura. 2013. Št. 25. S. 255–264.
Kuhar P. Maja Haderlap: *Angel pozabe* // Sodobnost. 2013. Let. 77. Št. 1–2. S. 158–160.
Paternu B. Vprašanje zavrtosti in prostosti v slovenski književnosti na Koroškem // Sodobnost. 1991. Let. 39. Št. 1. S. 1–14.
Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konca 20. stoletja. Ljubljana: Modrijan, 2007. 630 s.
Zupan Sosič A. Partizanska zgodba v sodobnem slovenskem romanu // Jezik in slovstvo. 2014. Let. 59. Št. 1. S. 21–42.

Рукопись поступила в редакцию 03.03.2024

Рукопись принята к печати 25.04.2024

REFERENCES

- Bakhtin M. M. Roman vospitaniia i ego znachenie v istorii realizma. *Ėstetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Iskustvo Publ., 1979, pp. 188–236 (In Russ.)
Bandelj D. Večjezičnost v sodobni poeziji Slovencev v Avstriji: medkulturnost ali asimilacija? *Slovenščina med kulturami*. Celovec, Ljubljana, Slavistično društvo Slovenije Publ., 2008, pp. 106–118. (In Slovene)
Borovnik S. Dvojna identiteta slovenske književnosti v Avstriji in roman Maje Haderlap *Angel pozabe* (2011). *Večno mladi Htinj: ob 80-letnici Janka Čara*, ed. Marko Jesensek. Maribor, Univerza v Mariboru Publ., 2012, pp. 187–199. (In Slovene)
Curk M. *Engel des Vergessens*: pisanje o koroških Slovencih v nemškem jeziku. *Primerjalna književnost*, 2017, let. 40, št. 3, pp. 37–48. (In Slovene)
Gračner U. Osební, kolektivní spomín in identiteta v sodobnem slovenskem romanopisju na avstrijskem Koroškem. *Colloquium: New Philologies*, 2016, vol 1, no. 1, pp. 89–105. (In Slovene)

- Haderlap M. Die Wirklichkeit der Schatten. Begegnung mit einem Tabu. *Sprache im technischen Zeitalter*, 2012, vol. 50, no. 202, pp. 225–236.
- Haderlap M. *Dolgo prehanje*. Ljubljana, Cankarjeva založba Publ., 2016, 84 p. (In Slovene)
- Hirsch M. Generation of Postmemory.
URL: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/poetics_today-2008-hirsch-103-28.pdf.
(accessed 28.02.2024).
- Hume D. Sochineniia v 2 tt., vol. 1, Moscow, Mysl' Publ., 1996, 736 p. (In Russ.)
- Koron A. Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnoviča. *Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu*. Ljubljana, Založba ZRC Publ., 2020, pp. 165–177. (In Slovene)
- Kos M. Tako rekoč slovenski roman. *Literatura*, 2013, št. 25, pp. 255–264. (In Slovene)
- Kuhar P. *Maja Haderlap: Angel pozabe*. *Sodobnost*, 2013, let. 77, št. 1–2, pp. 158–160. (In Slovene)
- Pashigorev V.I. Roman vospitaniia v nemetskoj literature XVIII–XX vekov. Genezis i évoliutsiia. Avtooref. dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.01.03 / Mosk. ped. gos. un-t. Moscow, 2005, 32 p. (In Russ.)
- Paternu B. Vprašanje zavrtosti in prostosti v slovenski književnosti na Koroškem. *Sodobnost*, 1991, let. 39, št. 1, pp. 1–14. (In Slovene)
- Starikova N.N. Slovenskaia literatura v Avstrii (natsional'noe i polikul'turnoe). *Slavianskii al'manakh*, 2020, vol. 1–2, pp. 446–460 (In Russ.)
- Vodopivec P. *Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konca 20. stoletja*. Ljubljana, Modrijan Publ., 2007, 630 p. (In Slovene)
- Zupan Sosič A. Partizanska zgodba v sodobnem slovenskem romanu. *Jezik in slovstvo*, 2014, let. 59, št. 1, pp. 21–42. (In Slovene)

Received on 03.03.2024

Accepted on 25.04.2024

Информация об авторе:

Старикова Надежда Николаевна

доктор филологических наук,
зав. Отделом Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru

Information about the author:

Nadezhda N. Starikova

DSc. (Philology),
Head of the Department Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 126–136

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 126–136

DOI: 10.31857/S0869544X24040113, EDN: WVRDTE

Оригинальная статья / Original Article

Травма эмиграции: смена языка
(Б. Станишич, В. Чолич, А. Махмутович,
А. Божичевич, Н. Кулиджан)

© 2024 г. Е.В. Шатько

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

eshatko@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ по проекту 24-28-00403 «Репрезентация и преодоление травматического опыта национального прошлого в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы (последняя треть XX – начало XXI вв.)».

Аннотация. Статья посвящена проблеме выбора языка среди современных литераторов – выходцев из стран бывшей Югославии, выбора из четырех вариантов «жизни на другом языке». Ряд авторов продолжают писать на родном языке, их произведения, однако, публикуются чаще в переводе, на языке страны проживания. Вторая категория авторов – полностью сменившие родной язык на язык страны проживания. Третьи начинают свою литературную карьеру уже на неродном, приобретенном языке – языке страны проживания. Последняя группа, самая малочисленная, – авторы, начавшие литературную карьеру на неродном языке и при этом не на языке страны проживания. Утрата дома, разрыв связей с родиной, оторванность от «своей» культуры и языка – едва ли не самые частые мотивы в текстах авторов-мигрантов. Творчество становится для них способом отразить события прошлого (травму войны, утраты дома) и настоящего (попытки адаптации к новым условиям), что можно трактовать в аспекте терапевтической функции письма как попытку преодоления травмы. Новое пространство и временной разрыв создают дистанцию, позволяющую обратиться к невыразимому опыту и попытаться его высказать. Выбор неродного языка также может создавать (дополнительную) дистанцию, маску.

Ключевые слова: литература травмы, мигрантская литература, двойная идентичность, выбор языка, травма эмиграции.

Ссылка для цитирования: Шатько Е.В. Травма эмиграции: смена языка (Б. Станишич, В. Чолич, А. Махмутович, А. Божичевич, Н. Кулиджан) // Славяноведение. 2024. № 4. С. 126–136. DOI: 10.31857/S0869544X24040113, EDN: WVRDTE

The Trauma of Emigration: Language Change
(B. Stanišić, V. Čolić, A. Mahmutović, A. Božičević, N. Kulidžan)

© 2024. Evgeniia V. Shatko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

eshatko@gmail.com

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant under project 24-28-00403 «Representation and Overcoming of Traumatic Experience of National Pasts in the Literatures of Central and Southeastern Europe (late third of the twentieth – early twenty-first centuries)»

Abstract. The article is devoted to the problem of choosing a language among modern writers – immigrants from the countries of the former Yugoslavia and it presents four options for «life in another language». A number of authors continue to write in their native language, their works, however, are published, more often in translation into the language of the country of residence, the second category of authors are those who have completely changed their native language to the language of the country of residence, and still others begin their literary career in a non-native, acquired language – the language of the country residence, the last group, the smallest, are authors who began their literary career in a non-native language and, at the same time, not in the language of the country of residence. Loss of home, severance of ties with the homeland, isolation from «one's own» culture and language are perhaps the most common motives in the texts of migrant authors. Creativity becomes for them a way to reflect on the events of the past (the trauma of war, loss of home) and the present (attempts to adapt to new conditions), which can be interpreted in terms of the therapeutic function of writing as an attempt to overcome trauma. The new space and time gap create a distance that allows one to turn to the inexpressible experience and try to narrativize it. Choosing a non-native language can also create (additional) distance, a mask.

Keywords: literature of trauma, former Yugoslavian literature, dual identity, choice of language, the trauma of emigration.

For citation: *Evgeniia V. Shatko. The Trauma of Emigration: Language Change (B. Stanišić, V. Čolić, A. Mahmutović, A. Božičević, N. Kulidžan) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Science = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 126–136. DOI: 10.31857/S0869544X24040113, EDN: WVRDTE*

*Эмигрант – человек, который потерял все, кроме своего акцента*¹.

Волна эмиграции из стран бывшей Югославии 1990-х годов, связанная с распадом СФРЮ, считается самой массовой за всю историю региона: на территории от Вардара до Триглава сегодня проживает на три с половиной миллиона человек меньше, чем в 1991 г. В Боснии и Герцеговине население сократилось на четверть, Сербию покинуло более миллиона человек, в Хорватии проживает на одну пятую меньше жителей, нежели в начале распада страны, а Северная Македония потеряла почти десять процентов своего населения². Большая часть эмиграции пришлась на 1990-е годы и была связана с военными действиями, однако этот процесс не прекратился с окончанием конфликта, по сути, он продолжается и по сей день.

¹ Цит. по *Život na drugom jeziku*, 112. Здесь и далее перевод мой. – *E. III.*

² *Dorđević.*

Миграция подобного масштаба кроме прочего породила и так называемую *ex-juga* эмигрантскую литературу. Среди тех, кто бежал от войны, были и уже состоявшиеся писатели, и те, кто только начинает писать в изгнании. Независимо от поколения, к которому принадлежит (будущий) литератор, перед ним неизбежно встает вопрос выбора языка: писать на родном, сменить его на приобретенный — язык страны проживания, или же найти менее очевидный путь.

Среди авторов, которые предпочли писать на родном языке, П. Финци (1946, Сараево, Босния и Герцеговина — Великобритания³), Ж. Радакович (1947, Нови-Сад, Сербия — Германия), Н. Радич (1959, Белград, Сербия — Канада), И. Джерич (1969, Приедор, Босния и Герцеговина — Канада), Б. Сейранович (1972–2020, Брчко, Босния и Герцеговина — Норвегия). Некоторые из этих авторов впоследствии вернулись на родину, например, С. Тончич (1946, Грдановци, Босния и Герцеговина — Германия / Нови-Сад, Сербия), С. Мехмединевич (1960, Тузла, Босния и Герцеговина — США / Сараево, Босния и Герцеговина), Д. Дедович (1963, Земун, Сербия — Германия / Белград). К этой же категории можно отнести и тех, кто пишет преимущественно на родном языке: Я. Тешанович (1954, Белград, Сербия — Канада) художественные произведения пишет по-сербски, а нон-фикшн — по-английски и по-итальянски, Б. Станишич (1956, Риека, Хорватия — Италия) написал по-итальянски всего несколько произведений, основной корпус его текстов написан по-сербски, Н. Йованович (1973, Белград, Сербия — Канада) прозу и поэзию пишет на родном языке, а научные исследования — по-английски.

Те, кто эмигрировал в молодые годы, чаще начинают писать уже на языке новой страны: прежде всего это рожденные в 1970-е годы, например, Н. Кулиджан (Мостар, Босния и Герцеговина — США), А. Юрьевич (Риека, Хорватия — США), А. Божичевич (Загреб, Хорватия — США). Авторы, которые сменили язык творчества, значительно меньше: В. Чолич (1964, Оджак, Босния и Герцеговина — Франция) с 2008 г. полностью перешел на французский язык, а А. Хемон (1964, Сараево, Босния и Герцеговина — США) все чаще пишет по-английски, однако не отказывается и от родного языка, в особенности это касается проектов с боснийской проблематикой. Особняком стоит случай А. Махмутовича, иммигрировавшего в Швецию, начавшего свою карьеру, однако, по-английски.

В 2019 г. в Сербии вышла антология *Život na drugom jeziku* («Жизнь на другом языке»), состоящая из ряда эссе, в которых современные авторы разных поколений, эмигрировавшие за пределы стран бывшей Югославии, делятся своим личным опытом в решении вопроса выбора языка, рассуждают о (не) возможности возвращения к языку прежней жизни, о развитии языка, трудностях перевода и т.д. В данной статье приводятся взгляды и стратегии нескольких заметных писателей, по-разному разрешивших языковую дилемму; основным источником для анализа послужила упомянутая антология.

Божидар Станишич родился в Високо (Босния и Герцеговина), изучал югославскую литературу в университете в Сараево, некоторое время преподавал сербохорватский язык и литературу в Маглае (Швейцария), а с 1992 г. живет с семьей в Италии. Серб из Боснии, он пишет на родном языке, его произведения, однако, преимущественно издаются в переводе на итальянский⁴.

³ В скобках указаны год, место и республика рождения и страна эмиграции.

⁴ Он автор ряда сборников рассказов: *I buchi neri di Sarajevo* («Черные дыры Сараево») 1993 г., *Tre racconti* («Три истории») 2002 г., *Bon Voyage* («Счастливого пути») 2003 г., *Il cane alato e altri racconti* («Крылатый пес и другие истории») 2007 г., *La cicala e la piccola formica* («Цикада и маленький

Во многих интервью он вынужден отвечать на одни и те же вопросы: откуда он, кем себя ощущает, где живет. Более 15 лет назад Станишич сформулировал ответ: «[я живу] В промежуточном периоде. [...] Этот *промежуточный период* я позднее объяснил в записи о странствиях и языке: когда я действительно, то есть как турист, там, где больше не живу, и говорю что-то о годах после того, всем известного 1992-го, всегда — взгляды, немые и понятные, сообщающие, что я тогда не был там; когда в стране, где я живу, я говорю о чем угодно из периода до того, всем известного года, мне говорят — правда, всегда вежливо — что тогда я не был здесь»⁵. Для боснийского общества Станишич из диаспоры, для итальянского — беженец. Сам автор предпочитает не давать прямого ответа. На вопрос, итальянский он автор или сербский, он отвечает «ничей», тут же добавляя, что он автор «своих читателей»⁶, и несмотря на то, что подавляющее большинство его текстов написано по-сербски, сам он пишет, что его литературный опус создан на двух языках⁷. При этом основным языком он считает родной: «Исходный — *идиш*, так я назвал сербохорватский, который в 90-е годы, т.е. в период кульминации этническо-идентичностной трагикомедии, получил разные политические имена. [...] Второстепенный язык — итальянский, который я не выбирал, это он, как говорят некоторые, выбрал меня»⁸. Свой *идиш* Станишич (по его собственным словам, это *lingua bastarda*, с сербским и боснийским синтаксисом, в котором могут проявиться и черты хорватской нормы) более 15 лет не использовал в публичных выступлениях, для этих целей писатель чаще обращается к итальянскому, за владение которым регулярно получает высокую оценку, отдавая себе отчет, что эта оценка — высокая только для иностранца⁹. Станишич написал по-итальянски одну драму («*Il sogno di Orlando*») и один сборник рассказов («*Piccolo, rosso*»). В первом случае выбор был продиктован проблематикой самого текста: кризис движений за мир в Италии и шире — Европе. Во втором писатель поддался искушению и поставил эксперимент, результатом которого стало осознание, что он может писать только на одном языке — своем *идише*. Станишич переименовывает родной язык, чувствуя себя повсеместно чужим: в Италии он вынужден переводиться, на родине его практически не печатают (издательства даже не отвечают на его письма). Отсылка к гонимому еврейскому народу вряд ли случайна.

Велибор Чолич — пример писателя, начавшего писать на родном сербохорватском языке, но впоследствии сменившего его на другой. Произведения, написанные им до начала войны, утрачены, первые романы во Франции он пишет на родном языке, а с 2008 г. полностью переходит на французский¹⁰.

муравей») 2011 г., «*Piccolo, rosso*» («Маленький, красный») 2012 г., «*Portacenera*» («Пепельница») 2016 г., «*Pepeljara i druge priče*» («Пепельница и другие истории») 2019 г., «*Večera i druge priče*» («Ужин и другие истории») 2021 г., последний из них вышел одновременно по-итальянски и по-сербски; поэтических сборников: «*Primavera a Zugliano*» («Весна в Сульяно») 1993 г., «*Non poesie*» («Не стихи») 1996 г., «*Metamorfosi di finestre*» («Метаморфозы окон») 1998 г., «*La chiave in mano*» / «*Ključ na dlanu*» («Ключ в ладони») 2008 г.; романов: «*Gost Ivana Nikolajeviča*» («Гость Ивана Николаевича») 2017 г., «*Žirafa u čekaonici*» 2018 г. / «*La giraffa in sala d'attesa*» («Жираф в зале ожидания») 2019 г.; радиодрамы «*I tre racconti dello zio Beki*» («Три сказки дяди Беки») 2020 г. и театральной драмы «*Il sogno di Orlando*» («Мечта Орландо») 2006 г.

⁵ Život na drugom jeziku, 74–75.

⁶ Ibid., 86.

⁷ Ibid., 79.

⁸ Ibid., 75.

⁹ Ibid., 81.

¹⁰ Его перу принадлежат сборники рассказов «*Les Bostoniques*» («Боснийцы») 1993 г., «*Chronique des oubliés*» («Хроника забытых») 1994 г., романы «*La vie fantasmagoriquement breve et étrange d'Amadeo*

О своей адаптации в новой стране и внутренней трансформации он пишет так: «Преобразование моей манеры одеваться длилось несколько долгих сезонов. [...] Путь к ментальной нормализации длился, однако, несколько дольше. С 1993-го г. до сего дня: научиться говорить “спасибо” и “пардон”, всегда и всем. Это вежливо. [...] С 1993-го г. до сего дня: научиться тишине. Двигаться без шума, есть в тишине, тихо разговаривать, вежливо писать. С 1993-го г. до сего дня: чертить новые границы. Принимать геополитику как судьбу. Люди вас больше не спрашивают, кто вы или как ваши дела. Они спрашивают просто откуда вы. На это я иногда отвечаю: “Я не откуда, я здесь”»¹¹.

Первая тяжелая внутренняя перемена в эмиграции для Чолича касалась именно языка: «беженец не говорит на языке, он его проживает»¹². Радость от того, что он сумел выбраться живым, быстро сменилась страхом: будущий писатель в один миг стал неграмотным, немым нелегалом, человеком, не способным ничего сказать, ничего не знающим, плюс к этому — бедным, «неизбежно воспринимаемым как идиот», «человеком-тенью»¹³, занимающим много места, но бесполезным. При этом Чолич отдает себе отчет, что у него было и преимущество перед другими беженцами: он был «европейским» иностранцем, невидимым, иностранцем «только из-за невозможности говорить на прекрасном французском языке»¹⁴. Освоение нового языка стало для него одновременно способом выжить, адаптироваться к новым условиям и, в конечном итоге, стать участником франкоязычного литературного процесса. На сегодняшний день он пишет на двух языках, французском и сербохорватском, замечая, однако, что у него есть акцент даже на письме: «Это так. Моя граница — это язык, мое изгнание — это мой акцент. Уже 25 лет я проживаю свой акцент во Франции. Целую жизнь, на самом деле. И чувствую себя хорошо, настолько хорошо, что часто, бывает, думаю: смотри-ка, я француз»¹⁵.

Чолич — пример иммигранта, стремящегося принять новые правила игры, впитать новые нормы, не пытающегося при этом полностью отречься от своего происхождения и скрыть за пеленой молчания свое прошлое: основная проблематика его творчества так или иначе связана с событиями 1990-х годов¹⁶. Он прекрасно понимает, что уже просто его фамилия и имя выдают в нем апатрида¹⁷. И тем не менее его новая страна «старела» вместе с ним, «теперь она удобная, как туфли, купленные год назад»¹⁸, а он сам снова «вооружен», его защищают три воздушные подушки: «время, пространство и язык»¹⁹. Стратегия,

Modigliani («Фантазмагорически короткая и странная жизнь Амедео Модильяни») 1995 г., «*Mother Funks*» («Маза-фанкер») 2001 г., «*Les ténèbres de la mémoire*» («Темная тьма памяти») 2002 г., «*Perdido*» («Потерянный») 2005 г., «*Kod Alberta*» («У Альберта») 2006 г., «*Archanges*» («Архангелы») 2008 г., «*Jésus et Tito*» («Иисус и Тито») 2010 г., «*Sarajevo omnibus*» («Сараево омнибус») 2012 г., «*Manuel d'exil, comment réussir son exil en trente-cinq leçons*» («Руководство по изгнанию, как добиться успеха в изгнании за тридцать пять уроков») 2016 г., «*Le livre des departs*» («Книга отправлений») 2020 г., драма «*Ederlezi. Comédie pessimiste*» («Эдерлези. Пессимистическая комедия») 2014 г.

¹¹ Život na drugom jeziku, 16.

¹² Ibid., 14.

¹³ Ibid., 15.

¹⁴ Ibid., 14.

¹⁵ Ibid., 13.

¹⁶ Справедливости ради стоит отметить, что есть ряд произведений, посвященных миру музыки, например, роман «*Perdido*» о Бене Уэбстере, что является своего рода продолжением его довоенной работы, тогда он работал на радио в Загребе и Сараево и вел передачи о рок-музыке и джазе.

¹⁷ Ibid., 13.

¹⁸ Ibid., 14.

¹⁹ Ibid., 15.

выбранная Чоличем, может быть названа мимикрией в понимании Х. Бабы, предложившим данный термин для обозначения копирования норм, образа жизни доминирующей культуры [Хоми Баба 2020, 54].

Поэт²⁰ Ана Божичевич, выросшая в хорватском Задаре и эмигрировавшая в США в 1997 г., начала публиковаться уже на новом для нее, английском, языке. Она пишет о смене языка так: «Когда я приехала в Нью-Йорк в девятнадцатилетнем возрасте, мои стихи на хорватском умолкли. Я не предвидела роковые последствия этого побочного эффекта эмиграции. Писать на хорватском [...] как попытка напеть тонкую внутреннюю мелодию, пока огромный нью-йоркский оркестр ревет другую мне в лицо. Именно через музыку [...] я уловила ритм английского языка, превратила его в гибридное самовыражение и запела на своем новом языке. На днях я перевела свои английские стихи на хорватский и чувствовала себя Алисой в стране чудес, с искаженной перспективой и неопределенной идентичностью»²¹. Интересно, что в стихах Божичевич появляются мотивы двуязычия («[я бы] ползала как змея, та, у которой язык на две части»²²), поисков своего я («На свой день рождения я хочу торт, Что покажет мне цвет моей души»²³), пересмотра прошлого («Такое ночное утро, мне бы хотелось отправиться в прошлое / Чтобы шлепнуть себя по заду, когда я родилась»²⁴).

Николина Кулиджан, писатель и сценарист²⁵, в двенадцатилетнем возрасте бежавшая из Герцеговины в Сербию, а спустя еще шесть лет перебравшаяся в США, также начала писать уже по-английски. Однако проблема смены языка / диалекта коснулась ее раньше: «В тот момент, когда мы оставили Мостар, мой язык стал тем, что меня выдавало и обозначало как другую»²⁶. Первое время она намеренно не меняла свою речь («Если уж я должна быть аутсайдером, то буду полным достоинства аутсайдером»²⁷). Адаптировавшись в Белграде, Кулиджан постепенно перенимает новую для себя норму, оставляя язык детства только для семейных собраний. После переезда в Америку, оставшись без регулярных контактов с семьей, она постепенно теряет родной язык, а английский при этом остается очевидно выученным: «С английским — меня никогда не примут за носителя. Даже простого “привет”, слова, в котором нет ни одного сложного для меня звука, достаточно, чтобы вызвать неизбежное “а ты откуда?”, вопрос, ответ на который содержит перечень всего, что я на протяжении своей иммигрантской жизни нашла и потеряла»²⁸.

Кулиджан воспринимает свои годы в Белграде не только как тяжелое время, но и как важный опыт, показавший ей, что «возможно заново отстроить свою жизнь, еще раз создать сообщество, вновь сформировать идентичность», а переезд в Америку для нее становится шансом освободиться от «давления

²⁰ А. Божичевич автор нескольких сборников стихов: «*Stars of the Night Commute*» («Звезды ночного путешествия») 2009 г., «*Rise in the Fall*» («Взлет в падении») 2013 г., «*Joy of Missing Out*» («Радость выпадения») 2017 г., «*Povratak lišća*» / «*Return of the Leaves*» («Возвращение листвы») 2020 г., «*New life*» («Новая жизнь») 2023 г.

²¹ Ibid., 96.

²² Ibid., 98.

²³ Božičević. Birthday.

²⁴ Božičević. Person.

²⁵ Автор эссе и сценария к одноименному анимационному фильму «*A kiss deferred by Civil War*» («Поцелуй, прерванный гражданской войной») 2015 г. и романа «*Barren Grace*» («Бесплодная Грейс») 2020 г.

²⁶ Život na drugom jeziku, 21.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid., 25.

предков, общественных норм своего племени»²⁹. При этом нельзя сказать, что она полностью отрекается от своих корней и ощущает себя полноценной американкой³⁰. Наблюдая на собственной свадьбе за веселыми и легкими гостями со стороны жениха и своими угрюмыми, напряженными, неуступчивыми отцом и братом, Кулиджан понимает, что ее «место всегда, в любом случае, будет именно здесь — между»³¹. Герои ее дебютного романа 2020 г. «Бесплодная Грейс» так же находятся «между»: между старой и новой жизнью, между родиной и новым домом, между желаемым и невозможностью его обрести.

Аднан Махмутович оригинален в вопросе выбора языка: иммигрировав в Швецию, пишет он по-английски³². Отвечая на вопрос почему, он говорит: «Потому что моя мама не говорит по-английски. Связь матери и родного языка — слишком интимна. [...] Шведский тоже не ее сильная сторона, но зачем рисковать»³³. Другой фактор, повлиявший на это решение — то, что национальные конфликты сделали свое дело, балканские языки менялись и развивались разными путями и под разными влияниями, и Махмутович чувствовал, что он, «новоиспеченный швед, больше не часть этого процесса». В одном из интервью он говорил: с определенного момента «боснийский стал моим вторым языком, как и шведский, а также английский (который является моим третьим или четвертым языком). Итак, теперь у меня есть три вторых языка»³⁴.

Он вспоминает день, когда накануне войны учительница заявила, что теперь они изучают сербский язык (а не сербохорватский или хорватско-сербский). Он был так ошарашен этим абсурдом, что даже не запомнил ее ответ на вопрос, что же они учили до этого. Рассуждая о родном языке, Махмутович приводит и еще одну причину, по которой он пишет не на нем: его версия боснийского постепенно все больше и больше расходится с тем, как говорят в его родном городе («возможно я говорю с баян-луцким акцентом 90-х, тогда как сейчас у жителей Баян-Луки какой-то другой язык»³⁵). Пытаясь не утратить богатство родного языка, «который учил сам Гете, чтобы наслаждаться боснийской поэзией», Махмутович забыл ругательства, которые создают особый колорит и живость речи: «Я чувствовал себя каким-то пуританином, потому что перестал использовать даже самое простое “твою ж”, что уж говорить о грамматических выкрутасах, где только каждое второе слово нормальное»³⁶. С определенного момента посещение родины стало для него только физическим перемещением, перестало быть путешествием в родной язык, который теперь стал еще одним «вторым».

Об этом разрыве между живым языком и его законсервированной эмигрантской версией пишет и философ П. Финци: «Мой “родной” язык — язык моего

²⁹ Ibid., 18.

³⁰ Забавный эпизод описан в интервью по поводу выхода ее эссе «*A kiss deferred by Civil War*». Кулиджан отмечает разницу менталитетов и даже культур американцев и боснийцев: героиня в соцсети получает сообщение от своей первой любви: «Я твой парень с 5-го класса, позвони мне, чтобы мы решили, что с этим делать», ей, боснийке, было совершенно очевидно, что это шутка, тогда как некоторые читатели восприняли сообщение как попытку возобновить прерванные отношения. См.: *O'Keefe C.*

³¹ *Život na drugom jeziku*, 27.

³² Он автор романов «*Refugee*» («Беженец») 2005 г., «*How to Fare Well and Stay Fair*» («Как жить хорошо и оставаться справедливым») 2012 г., «*At the Feet of Mothers*» («У ног матери») 2020 г., сборника рассказов «*Thinner Than a Hair*» («Тоньше волоса») 2010 г. и монографии по литературоведению «*Ways of being free*» («Пути быть свободным») 2010 г.

³³ Ibid., 68.

³⁴ *Sharma.*

³⁵ *Život na drugom jeziku*, 70.

³⁶ Ibid., 72.

происхождения — в вакууме, поскольку он не укоренен в ежедневной жизни и постепенно становится “мертвым”, “довоенным” языком, полным архаизмов, анахронизмов и испытывающим на себе сильное влияние английского синтаксиса»³⁷. Сам Финци, однако, преимущественно пишет на родном языке, хотя и отмечает: скрываясь под маской другого языка, автор может в некоторой степени стать кем-то другим, но он осознает, что «сказал бы все это по-другому на своем родном языке. На нюанс иначе. И в этом, в этом нюансе и есть суть»³⁸.

Авторы-мигранты в подавляющем большинстве случаев проходят через кризис собственной идентичности: оказавшись в иной среде, они перманентно находятся в динамичном процессе выстраивания нового видения себя в постоянном столкновении ценностных ориентиров исходной и приобретенной культур. Степень интеграции, т.е. степень сохранения определенных черт своей культуры (языка, вероисповедания и других этнических маркеров) и вместе с тем включенности в жизнь общества принимающей страны, зависит от готовности и способности мигрантов приспосабливаться к новому окружению, прежде всего это касается овладения новым языком [Berry 2001, 615–631]. По мнению Х. Баба, в современном мире человека-мигранта ценят не за его приверженность заранее заданным этническим принципам и культурным традициям, а за «силу традиции, которая должна быть заново описана с учетом случайностей и противоречий, которые сопровождают жизнь тех, кто находится в меньшинстве» [Bhabha 1994, 2]. Труднее всего и медленнее адаптируются мигранты первого поколения, однако высокий уровень образования может способствовать облегчению и ускорению процесса. Переселенцы, включенные на том или ином этапе в систему образования, так же более успешно приспосабливаются к новым условиям. По мнению Л. Йовановича, у мигрантов в третьем поколении складывается «двойная принадлежность», ведущая к флюидности, гибридности идентичности, которая формируется на границе между противопоставленными друг другу культурами [Jovanović 2017, 150]. Представляется целесообразным предположить, что мигранты-интеллектуалы с высоким уровнем образования, сменившие место жительства в молодом возрасте и включенные в культурную жизнь новой страны, также могут быть носителями гибридной идентичности (например, Н. Кулиджан и А. Божичевич, и даже В. Чолич, ощущающий себя французом).

Литература, созданная авторами-мигрантами, в современном литературоведении часто обозначается термином «мигрантская» (*Migrantenliteratur*), который, однако, изначально использовался в немецкоязычных исследованиях в первую очередь для обозначения произведений, написанных трудовыми мигрантами. Со временем термин стал использоваться в более широком значении — корпуса художественных текстов, созданных авторами с опытом переселения³⁹.

Стоит заметить, что Б. Станишич выступает с резкой критикой выделения мигрантской литературы в отдельную категорию, во-первых, потому что к ней относят все «от простых свидетельств до одиночных рассказов или в особенности стихотворений — как будто каждый мигрант [...] может открыть в себе поэтическую жилку, на которой можно сыграть»⁴⁰, а во-вторых, потому что история литературы знает немало примеров авторов, принявших язык новой

³⁷ Ibid., 112.

³⁸ Ibid., 110.

³⁹ Некоторые исследователи используют термин «миграционная» литература (*Migrationsliteratur*), который, однако, на сегодняшний день не слишком распространен.

⁴⁰ Život na drugom jeziku, 85.

родины как собственный и внесших в него свой вклад (Конрад, Аполинер, Набоков и т.д.), и что их воспринимают как полноправных участников литературного процесса, несмотря на их происхождение. По мнению Станишича, навешивание ярлыка «мигрантской» литературы на творчество того или иного автора провоцирует однобокое восприятие его произведений; также он опасается, что это обозначение рано или поздно начнет распространяться и на мигрантов второго, третьего, а то и четвертого поколений, для которых «приобретенный» язык зачастую единственный, которым они владеют.

Станишич, однако, спорит с бытовым значением термина, тогда как в современной научной литературе существует более четкое понимание того, что относится к мигрантской литературе. Так, например, Лесли Адельсон считает, что «литература о миграции пишется не только мигрантами» [Walkowitz 2006, 533], поскольку писателей-мигрантов от немигрантов отличают не географические границы и места, а гибридный характер их произведений. Карин Мардороссян [Mardorossian 2003, 17] предполагает: то, что автор является писателем и мигрантом и даже пишет об опыте миграции, не гарантирует принадлежности к мигрантской литературе, и наоборот – писатели-неиммигранты, изображающие персонажей, преодолевающих географические и культурные границы и демонстрирующих формирование гибридной идентичности через межкультурные конфликты, могут создавать мигрантскую литературу. Биография и воспоминания автора гораздо менее важны, чем то, как писатель проявляет в своем творчестве гибридность, транснационализм и межкультурное взаимодействие [Pourjafari, Vahidpour 2014, 687] на разных уровнях литературного произведения – тематике, нарративе, в выборе языка [Frank 2008, 8].

По сути, творчество всех авторов, о которых шла речь в данной статье, можно отнести именно к «мигрантской» литературе. Все тексты так или иначе на уровне проблематики касаются вопросов утраты, поиска, обретения (двойной, флюидной) идентичности. Эмиграция, с одной стороны, лишает писателей (части) прежней идентичности, а с другой, не позволяет обрести новую, стать по-настоящему своим в новом окружении. Утрата дома, разрыв связей с родиной, оторванность от «своей» культуры и языка – едва ли не самые частые мотивы в текстах авторов-мигрантов⁴¹.

Идентичность, то, как мигранты справляются с новыми условиями, неопределенность, неуверенность и коммуникативные трудности становятся основными темами произведений мигрантов [Pourjafari, Vahidpour 2014, 680]. Более того, мигрантскую литературу стоит отделять от биографий или мемуаров, касающихся лишь воспоминаний автора-мигранта об утраченном прошлом: писатель-мигрант пересматривает собственное прошлое, через опыт гибридизации воссоздает утраченную идентичность. Исследователи сходятся во мнении, что в литературе такого типа выражаются двойственность, множественность, смена идентичностей и интерпретаций, а мигрантская литература часто рассматривается как результат противоречий между желаниями

⁴¹ Стоит добавить, что подобная проблематика встречается и у тех авторов, которые не покидали региона, так, например, М. Ергович, крупный хорватский прозаик боснийского происхождения в книге-переписке со С. Мехмединовичем, эмигрировавшим в США, «*Transatlantic mail*» («Трансатлантическая почта») пишет: «Ах, Загреб, Загреб – это город, где всегда найдется кто-то, кто напомнит мне хотя бы раз в неделю, что я не из Загреба. [...] Если бы мне не напоминали, я бы и не знал, что вполне можно быть ниоткуда. С тех пор как я перестал быть из Сараева, а я уже несколько лет как перестал, меня не покидает ощущение, что я и в этом городе ниоткуда, ведь раз в неделю мне кто-то указывает на это». Jergović, Mehmedinović 2009, 34.

и возможностями человека – как отражение обстоятельств в прошлом и ожиданий от будущего [Ibid., 690].

Творчество становится способом отрефлексировать события прошлого (травму войны, утраты дома) и настоящего (попытки адаптации к новым условиям), что можно трактовать в аспекте терапевтической функции письма как попытку преодоления травмы. Новое пространство и временной разрыв создают дистанцию, позволяющую обратиться к невыразимому опыту и попытаться его нарративизировать. Выбор неродного языка также может создавать (дополнительную) дистанцию, маску, способствующую целительной диссоциации. Этот тезис подтверждают слова А. Махмутовича: «В течение многих лет я чувствовал, что у меня нет языка, который я мог бы назвать своим, поэтому я подумал о том, чтобы попробовать знаменитый лингва-франка. Это сработало, да так хорошо, что я мог писать честно и высмеивать свою историю, не чувствуя зависимости от нации, подразумеваемой в шведском и боснийском языках. Я понимаю, что для постколониальных народов английский не является нейтральным языком, но для меня это так. Меня он освобождает именно потому, что я не имею к этому никакого исторического отношения»⁴².

Независимо от того, сменил ли тот или иной писатель язык, не будет преувеличением сказать, что для него верно высказывание П. Финци: «Мой язык выражает мое двойное существование, мой сравнительный опыт, сложность моей жизни: невыносимое присутствие беспомощной ностальгии, неприемлемое отсутствие изгнания. Это двойное давление отражается в двуязычии, в “там” и “здесь”, в “оригинальности” и “эмансипации”, происхождении и интеграции. Идентичность – это сочетание унаследованного, навязанного, усвоенного и завоеванного»⁴³.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Božičević A. Birthday. URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/02/magazine/poem-birthday.html> (дата обращения: 28.02.2024)
- Božičević A. Person. URL: <https://www.washingtonsquarereview.com/ana-boievi> (дата обращения: 28.02.2024)
- Dorđević K. Bivša SFRJ izgubila 3,5 miliona ljudi // Politika. Available at: <https://www.politika.rs/sr/clanak/530244/Bivsa-SFRJ-izgubila-3-5-miliona-ljudi> (accessed: 28.02.2024).
- Jergović M., Mehmedinović S. Transatlantic Mail. Zagreb: V.B.Z., 2009. 337 s.
- O'Keefe C. A Kiss Deferred. URL: <https://www.wbur.org/modernlove/2019/01/16/kiss-deferred-kulig-kulidzan> (дата обращения: 25.02.2024).
- Sharma S. A Bosnian refugee who became a great story-teller: Adnan Mahmutovic on what drives him as a person and author. URL: https://www.academia.edu/71235922/A_Bosnian_refugee_who_became_a_great_story_teller_Adnan_Mahmutovic_on_what_drives_him_as_a_person_and_author (дата обращения: 28.02.2024)
- Život na drugom jeziku. Beograd: Službeni glasnik, 2019. 231 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Хоми Баба: от деколонизации культуры к осмыслению ее деглобализации // Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография / отв. ред. Т.М. Гавристова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 50–59.
- Berry J.W. A Psychology of Immigration // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57 (3). P. 615–631.
- Bhabha H.K. The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994. 285 p.

⁴² Sharma:

⁴³ Život na drugom jeziku, 113.

- Frank S. (2008). *Migration and Literature: Günter Grass, Milan Kundera, Salman Rushdie, and Jan Kjaerstad*. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 235 p.
- Jovanović L. Konceptualizacija kulturnog identiteta pripadnika treće generacije srpskih radnih migranata u SR Nemačkoj // *Etnoantropološki problemi*. 2017. Vol. 12 (1). S. 149–173.
- Mardorossian C.M. From Literature of Exile to Migrant Literature // *Modern Language Studies*. 2003. 32(3). P. 15–33.
- Pourjafari F., Vahidpour A. Migration literature: a theoretical perspective // *The dawn journal*. 2014. Vol. 3. No. 1. January–June. Pp. 679–692.
- Walkowitz R.L. *The Location of Literature: The Transnational Book and the Migrant Writer*. Contemporary Literature. Wisconsin: University of Wisconsin. 2006. Vol. 47 (4). Pp. 527–545.
- Рукопись поступила в редакцию 03.03.2024
Рукопись принята к печати 20.04. 2024

REFERENCES

- Berry J.W. A Psychology of Immigration. *Journal of Social Issues*, 2001, vol. 57 (3), pp. 615–631.
- Bhabha H.K. *The Location of Culture*. London; New York, Routledge, 1994, 285 p.
- Frank S. (2008). *Migration and Literature: Günter Grass, Milan Kundera, Salman Rushdie, and Jan Kjaerstad*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2008, 235 p.
- Jovanović L. Konceptualizacija kulturnog identiteta pripadnika treće generacije srpskih radnih migranata u SR Nemačkoj. *Etnoantropološki problemi*, 2017, vol. 12 (1), pp. 149–173.
- Khomi Baba: ot dekolonizatsii kul'tury k osmysleniiu jeje deglobalizatsii. *Afrika: postkolonial'nyi diskurs*, koll. Monografiia, otv. red. T.M. Gavristova. Moscow, Institut Afriki RAN Publ., 2020, pp. 50–59. (In Russ.)
- Mardorossian C.M. From Literature of Exile to Migrant Literature. *Modern Language Studies*, 2003, 32(3), pp. 15–33.
- Pourjafari F., Vahidpour A. Migration literature: a theoretical perspective. *The dawn journal*, 2014, vol. 3, no. 1, January–June, pp. 679–692.
- Walkowitz R.L. *The Location of Literature: The Transnational Book and the Migrant Writer*. *Contemporary Literature*. Wisconsin, University of Wisconsin, 2006, vol. 47 (4), pp. 527–545.

Received on 03.03.2024

Accepted on 20.04.2024

Информация об авторе:

Шатько Евгения Викторовна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9467-8987
E-mail: eshatko@gmail.com

Information about the author:

Evgeniia V. Shatko
PhD (Philology),
Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9467-8987
E-mail: eshatko@gmail.com

Новое издание глаголических рукописей в Хорватии

© 2024 г. О.А. Акимова, А.А. Турилов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

olga.akimova@gmail.com; aaturilov@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена критическому рассмотрению сравнительно недавно вышедшего издания Научного центра инновационных исследований хорватской глаголицы при Старославянском институте Хорватской Академии наук, посвященного памятнику XV в. – Второму Берамскому (Люблянскому) breviарию, состоящему из двух томов публикации текста (факсимиле и набор) и сборника комплексных исследований об этом глаголическом кодексе. В состав сборника входят статьи ведущих хорватских историков и филологов-лингвистов, посвященные палеографии, иллюминации, текстологии и языку кодекса, а также средневековой истории региона Берам.

Ключевые слова: хорватская глаголица, breviарий, Истрия, Берам, книгописание, отождествление почерков.

Ссылка для цитирования: Акимова О.А., Турилов А.А. Новое издание глаголических рукописей в Хорватии // *Славяноведение*. 2024. № 4. С. 137–144. DOI: 10.31857/S0869544X24040126, EDN: WVQFYD

New Edition of Glagolitic Manuscripts in Croatia

© 2024. Olga A. Akimova, Anatoly A. Turjlov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

olga.akimova@gmail.com; aaturilov@gmail.com

Abstract. The work is devoted to a critical review of the relatively recently published edition of the Scientific Center for Innovative Research of Croatian Glagolitic at the Old Slavic Institute of the Croatian Academy of Sciences, dedicated to the monument of the 15th century – the Second Beram (Ljubljana) Breviary, consisting of two volumes of text publication (facsimile and set) and a collection of comprehensive studies on this glagolitic code. The collection includes articles by leading Croatian historians and linguistic philologists on paleography, illumination, textual and language codex, as well as the medieval history of the Beram region.

Keywords: Croatian Glagolitic, breviary, Istria, Beram, book writing, identification of handwriting.

For citation: Olga A. Akimova, Anatoly A. Turilov. New Edition of Glagolitic Manuscripts in Croatia // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavjanovedenie. 2024. No. 4. P. 137–144. DOI: DOI: 10.31857/S0869544X24040126, EDN: WVQFYD

Созданный в 2014 г. при Старославянском институте Хорватской Академии наук Научный центр инновационных исследований хорватской глаголицы (*Znanstveni centar izvrsnosti za hrvatsko glagoljaštvo / The Scientific Centre of Excellence for Croatian Glagolitism*) (руководитель – профессор, академик Милан Михальевич) выдвинул в качестве основной цели выработку междисциплинарных теоретических основ и создание практической модели изучения деятельности хорватских глаголических скрипториев, включая языковые, палеографические, текстологические, исторические, искусствоведческие и другие аспекты исследования рукописных книг, а также издание и дигитализацию соответствующих текстов. Для реализации этого широкого замысла Центр объединил усилия исследователей глаголических текстов как самого Института, так и университетов и академических учреждений Хорватии, Австрии, Чехии, Болгарии¹.

В качестве начальной модели комплексного исследования был выбран ряд богослужебных рукописных книг, происходивших из небольшого местечка Берам – важного центра хорватско-глаголической культуры, расположенного близ Пазина в Истрии². Предполагая наличие в Бераме в конце XIV–XV в. скриптория, авторы проекта видят одну из основных своих задач в выявлении в этих текстах общих черт, которые бы свидетельствовали о создании их в одной рукописной мастерской. Первой рукописью, на которой исследовательским коллективом были опробованы принципы изучения и издания хорватско-глаголических богослужебных рукописных книг, стал состоящий из двух частей – темпорала и санкторала – Второй Берамский бревиарий XV в. (далее – 2BrVer)³, составленный, как и прочие рукописные глаголические бревиарии, на основе францисканской редакции «по обычаю Римской курии» и включивший набор ежедневных молитв, библейских, гомилетических, агиографических чтений, расположенных по дням и часам.

Текст бревиария написан в два столбца по 33 строки. Первая его часть – темпорал (*Proprium de tempore*) «*po zakonu Rim'skago dvora*» охватывает 264 пергаменных листа и включает тексты служб подвижного цикла с библейскими цитатами и гомилиями. Вторая часть, санкторал, содержащая тексты служб неподвижным праздникам и памяти святых (*Proprium de sanctis*) также «*po Zakonu rim'ski*» занимает 176 листов⁴. Эта часть издавна привлекала внимание исследователей, хотя в рассматриваемом опубликованном списке отсутствуют известные по другим бревиариям

¹ Состав и деятельность Центра освещается на его странице – <https://zci.stin.hr>.

² Речь идет о следующих рукописных книгах, хранящихся в Словении, в Публичной и университетской библиотеке Любляны, в Собрании рукописей, редких и древних книг: Люблянском (Берамском) гомилиарии XIII в. (Ms 368/5), Первом Берамском (Люблянском) миссале XV в. (Ms 162), Втором ерамском (люблянском) миссале XV в. (Ms 164), Первом Берамском (люблянском) бревиарии конца XIV в. (Ms 161) и Втором Берамском (люблянском) бревиарии XV в. (Ms 163)

³ Хранящаяся в Любляне рукопись до последнего времени в литературе была известна прежде всего как Второй Люблянский бревиарий, равно как и другие, перечисленные в предыдущем примечании рукописные книги, обозначавшиеся главным образом по месту хранения

⁴ Сохранившиеся две части Бревиария не содержат некоторых присущих полным бревиариям составляющих – прежде всего псалтири, комунала и ритуала. На этом основании в рецензии на издание и исследование Бревиария проф. П. Станковска из университета Любляны высказала сомнения в целесообразности первоочередного издания именно этого текста, отдавая предпочтение более полным по составу бревиариям, например, Второму Новлянскому 1495 г. [Stankovska 2022]. Между тем выбор авторского коллектива был оправдан темой и целью проекта – исследованием рукописей из скриптория Берамы.

тексты, такие как Житие Константина (Кирилла) и служба Кириллу и Мефодию, служба с житием св. мчк. Вита и св. Вячеслава (Вацлава), князя Чешского, что, разумеется, снижает значение издания в плане палеославистики в общеславянском контексте, но не в отношении палеокроатистики и истории славянского письма.

Работа над рукописью, продолжавшаяся пять лет (2016–2021 гг.), привела к плодотворным результатам. В 2018–2019 гг. было выполнено примечательное своими полиграфическими достоинствами двухтомное факсимильное издание обеих частей рукописи с параллельной латинской транслитерацией всего текста, также изданной в двух томах и позволившей существенно расширить возможности исследования 2BrBer [Drugi beramski brevijar 2018–2019]. Оба тома транслитерации, потребовавшей кропотливой работы полутора десятков сотрудников, предваряются вводными частями, содержащими несколько идентичных разделов⁵ – введение, основные принципы транслитерации, библиографический указатель, описание (выполненное с исчерпывающей полнотой) содержания каждой из частей 2BrBer, перечень использованных библейских текстов, гомилий, слов. Обе вводные части включают разделы, содержащие собранные и транслитерированные И. Ботицей в полном объеме маргиналии и записи в тексте, оставленные в начале XVI–XVII в. попами-глаголяшами и учениками, которые пользовались Бrevиариумом для своих нужд именно в Бераме, где, очевидно, существовала школа, свидетельства чему обнаруживаются именно в маргиналиях.

Внимания заслуживает размещенная в сети цифровая версия издания⁶, делающая возможным получение не только традиционного для такого рода дигитальных изданий массива данных о текстологических, литургических, палеографических и языковых параметрах текста, но и представляющая во всей полноте его художественные особенности (инициалы, миниатюры и пр.). Разработчики цифровой версии стремились к максимально полному отражению в ней сведений об использованных цитатах, библейских, гомилических и пр. Здесь содержится также весь комплекс данных о лигатурах и сокращениях в тексте. Указатель слов традиционно фиксирует все представленные во 2BrBer словоформы.

Результаты всестороннего исследования 2BrBer объединены в объемистом сборнике, четыре части которого представляют основные направления исследования глаголических рукописей, определенных авторским коллективом. Первая часть, озаглавленная «Описания», открывается статьей М. Жагара, содержащей палеографическое описание 2BrBer [Studije 2021, 13–76], в которой автор попытался представить методологическую модель описания глаголических кодексов, мало или недостаточно, с его точки зрения, разработанную в имеющихся описаниях других рукописей. В основу ее автор положил графико-лингвистический подход, подразумевающий совокупность графического и графемного описания при сохранении внимания к достижениям традиционных палеографических

⁵ Старославянский институт имеет свою традицию издания глаголических богослужебных памятников с их латинской транслитерацией, которой в основном и следуют исполнители настоящего проекта – см., например [Missale Hervoiar 1973; Šimić 2014].

⁶ Транслитерация текста размещена по адресу <https://beram.stin.hr/hr/transliteration>, а текст бrevиария представлен на платформе Hrvatska glagoljica: digitalizacija grade i uspostava digitalne zbirke (<https://glagoljica.hr>), а также на ресурсе *Digitalna knjižnica Slovenije* Публичной и университетской библиотеки в Любляне (<https://www.dLib.si> – Breviarium glagoliticum). См. прим. 2. Оцифрованные рукописи из Берамы размещены по адресам: <https://www.dlib.si> и <https://glagoljica.hr>. В 2022 г. было подготовлено факсимильное издание и транслитерация Первого Берамского бrevиария (Prvi Beramski brevijar. Sv. 1. Faksimil. Sv. 2. Transliteracija. Zagreb, 2022), а в 2023 – сборник статей, посвященных его всесторонним исследованиям (Studije o Prvome beramskom brevijaru / Ur. Ana Mihaljević, Milan Mihaljević, Andrea Radošević. Zagreb: Staroslavenski institut, 2023).

описаний. М. Жагар смог выявить в рукописи восемь почерков, описание особенностей которых сопровождалось в статье внушительным количеством фототипических иллюстраций. Автору можно поставить в вину (а читателям и исследователям, соответственно, посочувствовать), что в работе не предпринято ни малейшей попытки отождествления почерков с письмом других глаголических рукописей (что, к сожалению, вообще свойственно исследованиям по хорватской палеографии). Между тем, известно, что именно атрибуция почерков важна для датировки и локализации кодексов, не имеющих записей писцов (а таких в хорватоглаголической традиции, как известно, подавляющее большинство — свыше 90%) [Турилов 2002; Турилов 2011].

Один из авторов данной статьи (А.А. Турилов) взял на себя труд попытаться отождествить почерки 2BrVer, опираясь на издания и альбомы при справочниках (главным из которых, естественно, был альбом [Glagoljski fragmenti 2000] при каталоге С.О. Вяловой [Вялова 2000]), общим числом около десятка, причем для полноты и надежности отождествления к сопоставлению был привлечен и альбом сравнительно недавно вышедшего труда Вацлава Чермака «Глаголическая письменность в Чехии эпохи Люксембургов» [Čermak 2000, 61, 66, 86, 92, 95, 123, 126–127, 141, 146, 315–335]. Результаты поисков оказались достаточно скромными, но тем не менее заслуживающими внимания. По разным причинам автор смог отождествить лишь один из восьми почерков 2BrVer, а именно второй в томе 1, л. 21–306 (см.: [Fučić 1996; Вялова 2000, 24]), однако даже это имеет довольно неожиданные последствия для датировки и локализации Второго Берамского breviария. Дело в том, что наибольшую близость к этому почерку обнаруживает (в начертках букв и лигатур) почерк известного хорватского книгописца второй половины — конца XIV в. Вида Омишлянина (сохранились рукописи, переписанные им в 1371 [Турилов 2011, 149–151, 155–156] и 1396 г. — образцы почерка во 2-й см.: [Турилов 2009]). Несколько меньшим сходством обладает почерк Карлинского отрывка Мариинской «имны» из собрания Библиотеки Народного музея в Праге (№ 1 Dc 1/10, f. 2 verso [Čermak 2000, 315]), особенно отличаются здесь начертания букв А (со средней чертой, выходящей за верхний уровень строки) и К с почти прямоугольным изломом.

Предложенное отождествление, несмотря на его кажущуюся скандальность, может объясняться разными причинами, в том числе не обязательно противоречащими выводам авторов рецензируемого труда. Разумеется, Омишаль расположен значительно юго-восточнее Берама, а Вид начал заниматься книгописанием не позднее 1371 г. (см. выше). Но, с другой стороны, бытование 2BrVer в Бераме зафиксировано владельческими записями лишь XVI — середины XVII в. [Studije 2021, 379], поэтому нельзя исключить полностью вероятность того, что рукопись создавалась (и даже бытовала до этого) не в Истрии, а в ином регионе, хотя списана с берамского оригинала (ср.: [Ibid., 245–256, 271–280] и примеч. 8). Принимая во внимание дату создания старшей известной рукописи Вида (1371) можно допустить, что он дожил до 1420-х годов и ранний кодекс из Берама был прислан для копирования прославленному книгописцу. Такое предположение лишь на четверть века удревает датировку 2BrVer. Однако не менее (если не более) вероятно другое объяснение. Почерк 2-го писца опубликованной рукописи принадлежит не Виду, а его ученику и, возможно, родственнику (сыну или племяннику — Вид, как известно, духовным лицом не был)⁷. В этом случае, разумеется, ничто не мешает ду-

⁷ О подобных случаях при атрибуции кириллических почерков см.: [Турилов 2011, 150, 156; Турилов 2009, 239, 245–246, 248, 250].

мать, что анонимный писец, который явно не был главным в коллективе (им переписано всего неполных девять листов), работал непосредственно в Бераме или вообще в Истрии в середине XV в. Возможно, что дополнительные сведения могут быть получены при изучении остальных семи почерков 2BrVer (рецензент не сомневается, что у коллег, подготовивших издание, доступный круг палеографических аналогий существенно больше чем у него).

Вторая статья этого раздела «Иллюминации 2BrVer» [Ibid., 77–139] посвящена образительному материалу Бревиария — миниатюрам и инициалам — который до сих пор не был предметом систематического анализа. Работа над статьей ее автора, Л. Мокрович, строилась, с одной стороны, как продолжение ее собственного многолетнего проекта дигитализации и историко-художественного изучения корпуса иллюминированных хорвато-глаголических рукописей в рамках проекта «Minijature» (см.: minijature.stin.hr), а с другой — как попытка создания на примере 2BrVer интердисциплинарной модели изучения художественного оформления рукописей. Такая модель предполагает их анализ с точки зрения кодикологии, литургики, текстологии, палеографии, истории, искусствознания и других дисциплин с использованием соответствующих методологий.

Вторая часть книги — «Текстологический, книжно-исторический и литургический анализ» объединила статьи, посвященные фиксации, выявлению и изучению включенных в бревиарий книжных эксцептов. Открывающая раздел статья В. Бадурина Стипчевич «Текстологические особенности 2BrVer в контексте других хорвато-глаголических бревиариев» [Ibid., 143–154] имеет важное значение для исследования книг такого типа в целом с точки зрения выявления в них различных региональных и временных пластов. Сопоставление включенных в 2BrVer библейских, апокрифических, агиографических и гимнографических текстов с соответствующими фрагментами из других рукописных и печатных хорвато-глаголических бревиариев XIV–XV вв. и привлечения иноязычных примеров, позволило автору сделать заключение о текстологической принадлежности 2BrVer младшему, так называемому южному собранию бревиариев, при том что по происхождению он относится к группе более ранних северных, истрийских, бревиариев, элементы которой также прослеживаются в рассматриваемом тексте. Подтверждения этому, ранее высказывавшемуся в историографии выводу [Mihaljević 2011]⁸, обнаруживаются и в других статьях сборника.

Патристические отрывки во 2BrVer рассмотрены в статье А. Радошевич [Studije 2021, 155–178], которая, исследуя главным образом включенные в него гомилии и слова, привела дополнительную аргументацию (главным образом касающуюся подбора текстов) в пользу существующего мнения о влиянии на исследуемый памятник более ранних образцов бревиариев. Так, порядок служб, присутствующий во 2BrVer, показал, что он был переписан с текста, более раннего, чем положенный в основу Первого Берамского бревиария, который датируется концом XIV в. Й. Вучкович и Анна-Мария Дюрригл [Ibid., 179–212] сравнили роль бревиариев как богослужебных книг и нелитургических сборников в истории хорвато-глаголической книжности (с преимущественным вниманием к 2BrVer), рассмотрев сходство и различие в значении, частоте использования и распространении этих книжных жанров, а также проследив особенности их использования в Средние века. А. Црнчевич и К. Кухар [Ibid., 213–227], проанализировав обе части сборника

⁸ Здесь на основе грамматических особенностей памятника было высказано предположение, что 266, созданный в Бераме в средней Истрии, в области распространения северозападночаковских говоров, был переписан с более раннего образца, происходившего из южной чаковской области, скорее всего с о. Крк.

с точки зрения литургики, пришли к выводу, что 2BrVer, представляя тип бревиария, известный в латинской литургической традиции как составленный *secundum consuetudinem Romanae curiae*, содержит перевод с латинского языка всего содержания, соответствующего римским бревиариям этого типа. Вместе с тем в прилагаемой к статье таблице латинско-церковнославянско-хорватской литургической терминологии продемонстрировано, в частности, использование писцом и редактором текста 2BrVer лексики, отсутствующей в латинских бревиариях (например, счет дней и недель во время Великого поста и Пасхи). Прямым продолжением статьи является составленный с особым полнотой и тщательностью К. Кухаром перечень содержащихся в тексте молитв и гимнов [Ibid., 229–242].

Специальный раздел книги посвящен языковому своеобразие и грамматическим особенностям 2BrVer; его главы соответствуют основным направлениям лингвистических исследований старославянских и церковнославянских текстов. Раздел открывается статьей М. Михальевича «Фонологические характеристики 2BrVer» [Ibid., 245–256], в которой проанализированы графико-орфографические особенности рукописи и их возможная связь с фонологической спецификой языка писцов и ее хронологическими изменениями. Далее исследованы (в контексте грамматических особенностей церковнославянского языка в его хорватском изводе) особенности склонения существительных (Ясна Винце) [Ibid., 257–269], личных и безличных местоимений (М. Михальевич) [Ibid., 271–280], прилагательных и причастий, своеобразие их кратких форм и сравнительных степеней (Сандра Пожар) [Ibid., 281–296]. Проанализированы также морфология глагола с особым вниманием к особенностям по отношению к староцерковнославянскому и хорватскому церковнославянскому (Саня Зубчич) [Ibid., 297–309]. В отдельные статьи выделен анализ употребления во 2BrVer предлогов (Ясна Винце) [Ibid., 311–316], наречий, междометий и частиц (Ана Шимич) [Ibid., 317–323].

Авторы главы «О синтаксисе 2BrVer» (Милан Михальевич, Ана Шимич, Йозо Вела) [Ibid., 325–350] отметили, что по синтаксическим особенностям 2BrVer не отличается от других хорватско-глаголических бревиариев своего времени. Он содержит тексты различного происхождения, переведенные в разное время, что обусловило не только текстологическую и языковую неоднородность, но и синтаксическую гетерогенность. Авторы продемонстрировали сосуществование в тексте архаичных элементов, унаследованных от староцерковнославянских текстов, и более новых, явившихся следствием влияния латинских образцов или разговорного хорватского языка эпохи создания 2BrVer. Рассмотрены подтверждающие это положение синтаксические конструкции с отрицанием, употребление инфинитивных форм и причастий, конструкций с удвоением *da* (на месте лат. *ut*) и пр.

М. Шимич [Ibid., 351–364] проанализировала лексическое разнообразие 2BrVer, представив его славянскую и заимствованную лексику. В славянской части автор выделила следующие слои — дославянский слой, моравизмы, охридизмы и хорватизмы (чакавизмы), а во второй группе — грецизмы, романизмы и германизмы.

Акцентируемое автором переплетение в лексике 2BrVer особенностей северной и южной групп хорватско-глаголических текстов, нашло продолжение в статье С. Вранич «Вернакулярные элементы во 2BrVer» [Ibid., 365–376]. В ней на основе методов исторической диалектологии выделены языковые особенности 2BrVer, которые не свойственны хорватскому церковнославянскому, но могут определять родной язык переписчика или писцов школы. Особое внимание уделено языковым явлениям, которые характеризуют северочаковскую языковую территорию, точнее среднеистрийский поддиалект екавского диалекта чаковского наречия, присущий местности, где располагается Берам.

Последняя часть книги – «История», представляет собой обширное скрупулезное исследование (И. Ботица, Т. Галович, Э. Обранич) [Ibid., 397–455] истории Берама от доисторических времен до середины XVII в. Преимущественное внимание авторы обратили на период позднего Средневековья и раннего Нового времени – собственно, времени создания берамских хорватско-глаголических кодексов. Исследование представляет, таким образом, широкий исторический контекст создания рукописных памятников Берама.

В настоящее время в Научном центре инновационных исследований хорватской глаголицы предпринимаются усилия по обработке, изданию, дигитализации и исследованию трех других берамских глаголических кодексов, предположительно вышедших из той же, что и 2BvBer, рукописной мастерской – Берамского (люблянского) гомилярия XIII в., Берамского (люблянского) миссала XV в., Второго Берамского (люблянского) миссала XV в., Первого Берамского (люблянского) бревиария конца XIV в.⁹. Выработанную в результате модель изучения и издания текстов отдельных скрипториев планируется распространить в дальнейшем и на другие хорватско-глаголические рукописные мастерские, равно как на рукописи, связь которых с определенными скрипториями остается не ясной.

И несколько слов в заключение. В науке случается, что когда число авторов обзора больше одного, то один из них (в данном случае А.А. Турилов) вольно или невольно берет на себя роль (по аналогии с полицейским или следователем) «злого»/«плохого». В данном случае его вина состоит прежде всего не в замечаниях и придириках к работе, а в том, что он безбожно затянул написание обзора труда, вышедшего в 2018–2021 гг. В связи с этим он приносит свои извинения авторам и издателям, и разумеется, своему соавтору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вялова С.О. Глаголические фрагменты Ивана Берчича: Описание. Загреб, изд-во Хорватской Академии наук и искусств, 2000. 140 с.
- Турилов А.А. Перспективы «большого пасьянса» для хорватской глаголической палеографии // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 538–551.
- Турилов А.А. К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: старые факты и новые данные // Хризограф. М., 2009. Вып. 3 (Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи). С. 238–250.
- Турилов А.А. Проблемы и перспективы отождествления хорватских глаголических книжных почерков // Турилов А.А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софонина: История и культура славян IX–XVII вв. М., изд-во «Индрик», 2011. С. 145–157.
- Čermak V. Hlaholske pismenictvi v Čechach doby lucemburske. Praha, Slovansky ustav. 2000. 335 p.
- Drugi beramski brevijar: hrvatskogaloljski rukopis 15. Stoljeća. 1. Dio, sv. 1: faksimil, sv. 2: transliteracija / Prir. M. Mihaljević. Zagreb: Staroslavenski institut, 2018; Drugi beramski brevijar: hrvatskogaloljski rukopis 15. Stoljeća. 2. Dio, sv. 1: faksimil, sv. 2: transliteracija / Prir. M. Mihaljević. Zagreb: Staroslavenski institut, 2019.
- Fučič B. Vid Omišljanin. Omišalj, 1996. 40 S.
- Glagoljski fragmenti Ivana Berčića iz Ruskoj Nacionalnoj Biblioteci: Faksimili. Zagreb, Staroslavenski institut, 2000. Страницы нумерованы.
- Mihaljević M. Bilješke o jeziku Drugoga beramskoga brevijara // Tabula: časopis Filozofskog fakulteta, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli. Vol. 9. Pula, 2011. S. 126–139.
- Missale Hervoiae ducis Spalatensis croatico-glagoliticum / Editionem curaverunt B. Grabar, A. Nator, M. Pantelić, sub dir. Vj. Štefanić. Zagreb, Ljubljana, Graz. 1973. Vol. I: Facsimile, 420 c.; Vol. II: Transcriptio et commentarium. 290 c.

⁹ См. прим. 2. Оцифрованные рукописи из Берама находятся по адресам: <https://www.dlib.si> <https://glagoljica.hr>. Весной этого года уже вышли из печати факсимильное издание и транслитерация Первого Берамского бревиария – PrviBeramckibrevijar. Sv. 1. Faksimil. Sv. 2. Transliteracija. Zagreb, 2022.

- Šimić M. Akademijin brevijar HAZU III c 12: hrvatskoglagoljski rukopis s konca 14. stoljeća. Jezična studija: transliteracija: faksimil, Staroslavenski institut, Zagreb, 2014. 488 c.
- Stankovska P. Izdanje hrvatoglagoljskog brevijara iz 15. Stoljeća // Slovo. V. 72. Zagreb, 2022. S. 381–387.
- Studije o Drugome beramskom brevijaru / ur. M. Mihaljević, A. Radošević. Bibliotheca Glagolitica Croatica, knj. 4. (Znanstveni centar izvrsnosti za hrvatsko glagoljaštvo). Zagreb: Staroslavenski institut, 2021. 686 S.
- Рукопись поступила в редакцию 10.04.2024
Рукопись принята к печати 15.05.2024

REFERENCES

- Čermak V. *Hlaholske pismenictvi v Čechach doby lucemburske*. Praha, 2000, 335 p.
- Drugi beramski brevijar: hrvatskoglagoljski rukopis 15. Stoljeća*. 1. Dio, sv. 1: faksimil, sv. 2: transliteracija, prir. M. Mihaljević. Zagreb, Staroslavenski institut Publ., 2018; *Drugi beramski brevijar: hrvatskoglagoljski rukopis 15. Stoljeća*. 2. Dio, sv. 1: faksimil, sv. 2: transliteracija, prir. M. Mihaljević. Zagreb, Staroslavenski institute Publ., 2019, 534+582+352+383 p.
- Fučić B. *Vid Omišjanin*. Omišalj, 1996, 46 p.
- Glagoljski fragmenti Ivana Bercica iz Ruskoj Nacionalnoj Biblioteci: Faksimili*. Zagreb, 2000, 468+140 p.
- Mihaljević M. Bilješke o jeziku Drugoga beramskoga brevijara // *Tabula: časopis Filozofskog fakulteta, Sveučilište Jurja Dobrile u Puli*. Pula, 2011, vol. 9, pp. 126–139.
- Missale Hervoiae ducis Spalatensis croatico-glagoliticum*, editionem curaverunt B. Grabar, A. Nazor, M. Pantelić, sub dir. Vj. Štefanić. Zagreb, Ljubljana, Graz. 1973, vol. I: Facsimile; vol. II: Transcriptio et commentarium, 247 fol. + 544 p.
- Šimić M., *Akademijin brevijar HAZU III c 12: hrvatskoglagoljski rukopis s konca 14. stoljeća. Jezična studija: transliteracija: faksimil*, Staroslavenski institut, Zagreb 2014, 269 p.
- Stankovska P. Izdanje hrvatoglagoljskog brevijara iz 15. Stoljeća. *Slovo*. Zagreb, 2022, v. 72, pp. 381–387.
- Studije o Drugome beramskom brevijaru* / Ur. Milan Mihaljević, Andrea Radošević. Bibliotheca Glagolitica Croatica, knj. 4. (Znanstveni centar izvrsnosti za hrvatsko glagoljaštvo). Zagreb, Staroslavenski institut, 2021, 455 p.
- Turilov A.A. Perspektivy «boljšhogo pasjansa» dlja horvatskoj glagolicheskoj paleografii. *Slavianskij aljmanah*. 2001. Moscow, 2002, pp. 538–551 (In Russ.)
- Turilov A.A. K istorii rostovskogo vladychnogo skriptorija XIII v.: starye fakty i novye dannye. *Hrizograf*. Moscow, 2009, vyp. 3 (Srednevekovye knizhnye centry: mestnye tradicii i mezhregionalnyje svyazi), pp. 238–250. (In Russ.)
- Turilov A.A. Problemy i perspektivy otozhdestvlenija horvatskih glagolicheskikh knizhnyh pocherkov. Turilov A.A. *Ot Kirilla Filosafo do Konstantina Kosteneckogo i Vasilija Sofjanina: Istorija i kultura slavian IX–XVII vv*. Moscow, 2011, pp. 145–157 (In Russ.)
- Vialova S.O. *Glagolicheskiye fragmenty Ivana Berchicha: Opisanije*. Zagreb, 2000, 482 p. (In Russ.)

Received on 10.04.2024
Accepted on 15.05.2024

Информация об авторах:

Акимова Ольга Анатольевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: olga.akimova@gmail.com

Турилов Анатолий Аркадьевич
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2706-8510
E-mail: aaturilov@gmail.com

Information about the authors:

Olga A. Akimova
PhD (History), Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
E-mail: olga.akimova@gmail.com

Anatoly A. Turilov
PhD (History),
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2706-8510
E-mail: aaturilov@gmail.com

Публикация документов по внешней политике Болгарии 1944–1947 годов

© 2024 г. Л. Огнянов

Софийский университет «Св. Климент Охридски»
(София, Республика Болгария)

l.ognyanov@yahoo.com

Ссылка для цитирования: *Огнянов Л.* Публикация документов по внешней политике Болгарии 1944–1947 годов // *Славяноведение*. 2024. № 4. С. 145–151. DOI: 10.31857/S0869544X24040137, EDN: WVJANE

Publication of the Documents on the External Policy of Bulgaria in 1944–1947

© 2024. Lyubomir Ognyanov

Sofia University «St. Kliment Ohridski»
(Sofia, Republic of Bulgaria)

l.ognyanov@yahoo.com

For citation: *Lyubomir Ognyanov.* Publication of the Documents on the External Policy of Bulgaria in 1944–1947 // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie*, 2024. No. 4. P. 145–151. DOI: 10.31857/S0869544X24040137, EDN: WVJANE

Реализуя совместный проект Института исторических исследований БАН и Института славяноведения РАН, издательство Болгарской академии наук «Проф. Марин Дринов» выпустило в свет двухтомную документальную публикацию «Великие державы и Болгария. 1944–1947 г.». (Великите сили и България. 1944–1947 г. София: Академично издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2014. 442 с., ил. Т. I. Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари – октомври 1944 г.). Документи; Т. II. Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944 – декември 1947 г.). Документи. София: Академично издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2018. 931 с., ил. Първа част; Втора част.)

Первый том посвящен подготовке и заключению перемирия между победителями

во Второй мировой войне и Болгарией, а второй том (в двух частях) – деятельности Союзной контрольной комиссии в Болгарии в ноябре 1944 – декабре 1947 г.

Основная часть опубликованных документов выявлена в Центральном государственном архиве Республики Болгария (ЦДА на РБ) и Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Публикуются также документы, сохраняемые в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Национальном архиве Великобритании (P.R.O.F.O.), Национальном архиве США (NA-USA) и некоторых других иностранных архивах, копии которых находятся в ЦДА. Большая часть документов (подлинники и копии) публикуется впервые. Издание двуязычное – на болгарском и русском языках.

Документы других иностранных архивов публикуются в переводе на болгарский. На болгарском языке даны и научные комментарии, за исключением тех случаев, когда в комментариях приводятся русскоязычные документы или выдержки из них. Каждый том снабжен профессионально выполненным научно-информационным аппаратом: подробными биографическими справками, списками сокращений, именными указателями, приложениями и иллюстрациями.

В выявлении, отборе и переводе документов, составлении указателей, написании научных комментариев участвовали: по первому тому — проф. д. и. н. Л. Ревякина, проф. д. и. н. В. Тошкова (Болгария) и д. и. н. Т. Волокитина (Россия), а по второму тому — Л. Ревякина и Т. Волокитина.

В первый том — «Перемирие между СССР, Великобританией, США и Болгарией (январь–октябрь 1944 г.)» — включены 186 документов, расположенных в хронологическом порядке и охватывающих период с 10 января по 31 декабря 1944 г. Они являются превосходным источником, раскрывающим политическую обстановку в Болгарии в конце Второй мировой войны, попытки болгарских «верхов» переориентировать внешнюю политику страны, а также подготовку Соглашения о перемирии с Болгарией и подписание судьбоносного для страны акта.

Документы свидетельствуют, что в начале 1944 г. главные участники антигитлеровской коалиции — СССР, Великобритания и США тщательно отслеживали развитие политической ситуации в Болгарии и разрабатывали планы переориентации внешней политики страны и вывода ее из войны. В свою очередь, правительство Добри Божилова (14 сентября 1943 — 1 июня 1944 г.) через болгарское посольство в Турции также предприняло попытку начать переговоры о перемирии с Великобританией и США, с которыми Болгария с 12 декабря 1941 г. находилась в состоянии войны, о чем уведомило СССР, с которым поддерживало дипломатические отношения. На этом этапе, действуя в рамках Европейской консультативной комиссии (ЕКК), три великие державы разрабатывали общие проекты безоговорочной капитуляции Германии и ее сателлитов — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии.

Составители включили в том документы, отражающие изменения внешней политики кабинета Ивана Багрянова (1 июня — 2 сентября 1944 г.). Приведена интересная информация о секретной миссии болгарского политика Стойчо Мошанова в Анкару в августе 1944 г. и его «мирных зондажах» с представителями Великобритании и США. Особый интерес

представляют проект основных условий, которые следовало внести в будущее Соглашение о перемирии, переданный в ЕКК представителем США в комиссии Дж. Вайнантом 24 августа 1944 г., а также британский и американский проекты под одинаковым названием «Условия перемирия с Болгарией» от 25 августа и общий проект западных союзников, поступивший в ЕКК также 25 августа. Спустя несколько дней, 9 сентября 1944 г., посол Великобритании в Москве А. Кларк Керр вручил этот документ наркому иностранных дел В. М. Молотову. Советское правительство на том этапе не участвовало в обсуждении этих условий перемирия, поскольку не находилось в состоянии войны с Болгарией.

Подробно освещается в сборнике и заключительная часть миссии Мошанова — в Царьграде (Стамбуле) и Каире, начавшаяся 29 августа 1944 г. Особенно информативен публикуемый «Доклад-дневник о деятельности болгарской делегации с целью заключения перемирия между Болгарией и Англией и Америкой». Пока в Каире Мошанов дождался письменных полномочий правительства Багрянова на ведение переговоров, к власти в стране пришел кабинет Константина Муравиева. Из-за несогласия с составом нового правительства Мошанов отказался представлять его на переговорах.

5 сентября 1944 г. Советский Союз объявил войну Болгарии, но уже 9 сентября новое правительство Отечественного фронта (ОФ) во главе с Кимоном Георгиевым направил делегацию к командующему 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухину для переговоров об условиях перемирия.

12 сентября 1944 г. СССР, Великобритания и США подписали Соглашение о перемирии с Румынией. Это породило в Софии надежды на возможность аналогичного решения «болгарского вопроса». В первом томе опубликованы 24 меморандума почти по всем аспектам ожидаемых условий перемирия с Болгарией. Эти материалы готовились специально назначенной 14 сентября 1944 г. комиссией и использовались в дальнейшем при обсуждении вопроса о мирном договоре с Болгарией.

Внесенный в комиссию 20 сентября 1944 г. представителем СССР в ЕКК Ф. Т. Гусевым советский проект Соглашения о перемирии практически совпал с общим британским и американским документом от 25 августа, но сохранил и некоторые новые статьи, вызвавшие в ЕКК споры между союзниками. Они касались участия Болгарии в войне на стороне антигитлеровской коалиции на заключительном этапе военных действий, деятельности и руководящих органов будущей Союзной контрольной комиссии и определения подписанта Соглашения

о перемирии от союзных сил. Эти дискуссии свидетельствуют о постепенно назревавших противоречиях между союзниками.

С большим интересом читаются протоколы встреч в Москве главы правительства Великобритании У. Черчилля и И.В. Сталина 9 октября 1944 г. и министров иностранных дел А. Идена и В.М. Молотова 10 октября, на которых решался вопрос о «сферах ответственности» на Балканах. Была достигнута неофициальная договоренность, согласно которой советское влияние в Румынии составило 90%, в Болгарии — 80%, в Греции — 10%, а влияние Великобритании (вместе с США), соответственно определялось: в Румынии — 10%, в Болгарии — 20%, в Греции — 90%. В отношении Югославии устанавливался паритет — 50:50%. Переговоры о заключении перемирия с Болгарией по предложению советской стороны предстояло перенести из Лондона в Москву.

В томе опубликовано решение союзников от 11 октября 1944 г. об эвакуации болгарских войск и администрации с греческой и югославской территорий как обязательном предварительном условии начала переговоров о перемирии. Одновременно разъяснялось, что решение не относилось к тем болгарским частям, которые по согласованию с маршалом Тито и советским командованием вели боевые действия на югославской территории в направлении г. Ниша и южнее.

12 октября 1944 г. указом регентов был утвержден состав делегации, наделенной полномочиями подписать Соглашение о перемирии. Блок документов о подписании Соглашения о перемирии включает, помимо дневника делегации (12–31 октября 1944 г.), который вел секретарь Крум Кюлявков, доклады, справки, письма, телеграммы, записи бесед, заявления П. Стайнова, военного советника генерала Г. Попова, проф. П. Стоянова и иные материалы.

Соглашение не предусматривало полную и безоговорочную капитуляцию Болгарии, но присутствие советских войск в стране устанавливало режим военновременной оккупации. Оно содержало достаточно тяжелые для Болгарии статьи, однако это было неизбежным следствием для побежденной страны.

Второй том — «Союзная контрольная комиссия в Болгарии (ноябрь 1944 — декабрь 1947 г.)» — является логическим продолжением публикации материалов о заключении перемирия. В двух частях представлены 669 документов (1862 с.), которые отражают разнообразную деятельность этого международного органа на протяжении трех лет. Документы расположены по проблемно-хронологическому принципу, что позволяет исследователям и читателям

лучше ориентироваться в публикуемых материалах. Составители сгруппировали материал в 11 разделов (четыре в первой части тома и семь во второй).

Первый раздел тома — «Протоколы совещаний СКК. Протоколы заседаний уполномоченных СКК в областях. Организационные и административные вопросы» — включает 80 документов. Рассекреченные стенограммы и протоколы сохраняются в АВП РФ и впервые вводятся в научный оборот. Они отражают противоречия между союзниками по вопросам внутривнутриполитического развития страны и открытую борьбу за влияние в сфере внешней политики Болгарии. Значительная часть документов характеризует положение в руководстве СКК, ее организационную структуру и возникавшие административные проблемы. В приложениях к разделу впервые публикуются сведения о штатном расписании советской части комиссии и уполномоченных СКК на местах, в частности на военноморских базах в Варне и Бургасе и военных базах на Дунае — в Видине, Никополе и Русе.

Документы отражают два этапа в деятельности СКК. Первый охватывает период от подписания Соглашения о перемирии до завершения военных действий против Германии. В это время руководство комиссией реально осуществляли советские представители. В связи с этим британский и американский представители генерал-майор У. Оксли и генерал-майор Дж. Крейн подняли вопрос о «полноправном» участии западных союзников в работе СКК. Реакция советской стороны отразилась в опубликованном сообщении В.М. Молотова С.С. Бирюзову от 11 августа 1945 г. о пересмотре на Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) процедуры СКК в Румынии, Болгарии и Венгрии и о новой редакции Положения о СКК по венгерскому образцу. Вплоть до ратификации в конце августа 1947 г. Мирного договора с Болгарией действовал расширенный состав представительств Великобритании и США в СКК.

Во *втором* разделе тома «Доклады и отчеты группы политического советника СКК» собраны 23 документа: доклады и справки группы по разнообразным вопросам политического развития Болгарии после 9 сентября 1944 г.; характеристики и анализ деятельности политических партий (как находившихся у власти, так и оппозиционных); представительство партий в разных структурах ОФ в центре и на периферии и в областном административном аппарате; молодежное и профсоюзное движение в Болгарии; проявления «фашистских» элементов (в целом по стране и в областях); чистка государственного аппарата от реакционных и «фашистских»

сил; результаты наказания вражеских элементов в период пребывания у власти первого правительства ОФ; документы, касающиеся культурной жизни. Особое внимание сотрудники группы политсоветника уделяли анализу обстановки в стране в сложные, переломные моменты – после отсрочки парламентских выборов осенью 1945 г. и накануне Парижской мирной конференции 1946 г.

Разнообразными оригинальными материалами насыщен *третий* раздел тома «СКК и политическая борьба в Болгарии. Выборы в Обыкновенное Народное собрание (1945 г.) и Великое Народное собрание (1946 г.)». Он включает 78 документов. Исследователь найдет здесь ценную информацию о взаимоотношениях БРП(к) с другими партиями ОФ, о возникновении и деятельности политической оппозиции, изменениях в составе первого кабинета министров. Центральное место отведено отношениям советской части комиссии с западными представителями по таким острым вопросам, как бегство из-под домашнего ареста лидера БЗНС д-ра Г.М. Димитрова (Гемёто) и его отъезд в США; отсрочка выборов в парламент; выполнение рекомендаций Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США (СМИД) в декабре 1945 г. о включении представителей оппозиции в правительство; парламентские выборы 27 октября 1946 г. и их итоги; приостановка издания оппозиционных газет в декабре 1946 г. и мае 1947 г.; арест лидера оппозиционного БЗНС Николы Петкова и роспуск партии летом 1947 г. В этой связи в томе помещены протестные ноты и письма военных представителей Великобритании и США в СКК, политических представителей этих стран в Болгарии В.Е. Хьюстона-Босуэлла и М. Барнса, ответные письма и заявления Министерства иностранных дел и исповеданий, советского руководства СКК и МИД СССР.

Четвертый раздел тома посвящен крайне важной теме: отношениям между СКК, правительством Болгарии и Комиссариатом по выполнению Соглашения о перемирии (КВСП). Комиссариат был учрежден по постановлению Совета министров 9 ноября 1944 г. при Министерстве иностранных дел и исповеданий под руководством министра иностранных дел. О напряженной деятельности КВСП повествуют 116 документов, представленных в публикации: доклады, отчеты, меморандумы, справки, сообщения, переписка с разными инстанциями, инструкции, распоряжения, ноты и пр.

Опубликованы документы, свидетельствующие, что решение правительства ОФ о проведении в Болгарии Народного суда над виновниками вовлечения страны в войну на стороне

Германии и над лицами, поддерживающими политику Дворца, Регентского совета, действовавших с 1941 по 9 сентября 1944 г. правительств, над депутатами XXV Народного собрания, было согласовано между правительствами СССР, Великобритании и США и одобрено ими.

Вторая часть документов раздела посвящена развитию дипломатических, экономических и торговых отношений Болгарии с СССР, Югославией, Румынией, Чехословакией и некоторыми другими странами. Интерес представляют статистические материалы об арестах и суде лиц, обвиненных в военных преступлениях, а также подробные сведения об обеспечении деятельности СКК: советские представители в комиссии сообщили о том, что расходы на содержание западных представителей в СКК «очень велики», а калорийность пайков для офицеров Великобритании и США «является ненормальной». Согласно представленной информации, калорийность пайка советского офицера СКК была в пять раз меньше, чем у британского офицера и в 6,5 раз, чем у американского. По сведениям Военного министерства Болгарии, существенно различались, причем в пользу британских и американских представителей в СКК, и расходы продуктов питания (хлеба, мяса, сыра, брынзы, сахара и пр.). В опубликованных советских дипломатических документах фиксировалось неравенство и на другом уровне: норма потребления советских войск в два-три раза превышала нормы потребления городского населения страны, а по остродефицитным мясу и маслу – в пять-шесть раз. Вообще, приведенные в публикации подробные статистические материалы трудно переоценить с точки зрения понимания читателем экономических тягот Болгарии и огромных трудностей выполнения хозяйственных статей Соглашения о перемирии.

Вторая часть тома открывается материалами *пятого* раздела «СКК и болгарская армия». В 24 документах отражен ход выполнения ст. 1 Соглашения о перемирии. В соответствии с параграфом «с» этой статьи Болгария обязывалась «содержать и предоставлять такие сухопутные, морские и воздушные силы, которые могут быть определены для службы под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования», а согласно параграфу «d», «по прекращении военных действий против Германии болгарские вооруженные силы должны быть демобилизованы и переведены под наблюдение Союзной Контрольной Комиссии на мирное положение». Контролировал выполнение этих обязательств Военный отдел СКК. В поле зрения его сотрудников находился, как показывают документы, широкий спектр вопросов: участие болгарской армии в боевых действиях

на заключительном этапе войны; численный состав и общая структура болгарской армии; реорганизация и перевооружение войск; боевая подготовка и моральное состояние в частях; обучение болгарских офицеров в советских высших военных учебных заведениях и др.

Много новых интересных сведений можно почерпнуть из материала *шестого* раздела «Контроль над информационными и культурными процессами в Болгарии», состоящего из 47 документов. Прежде всего, исследователь получает возможность точно выявить масштабы контроля и цензуры, осуществлявшихся СКК и болгарским Министерством информации в сфере литературы, искусства и СМИ. Проводимые мероприятия касались ст. 8 Соглашения о перемирии, согласно которой издание, ввоз и распространение в Болгарии периодической и непериодической литературы, организация театральных зрелищ и кинопрокат, работа радиостанций, почты, телеграфа и телефона должны были осуществляться «по соглашению с Союзным (Советским) Главнокомандованием». Опубликованные информационные материалы, ноты, письма, справки и меморандумы рисуют мрачную картину подобных ограничений, выражавшихся в жестком цензуровании издававшейся в стране печатной продукции — газет, книг, журналов и прочее, в обязательном получении предварительного разрешения СКК на демонстрацию кинофильмов и согласовании с комиссией репертуара болгарских театров, в контроле над радиопередачами, в изъятии из книжных магазинов, библиотек, учебных заведений и учреждений литературы «фашистского» и антисоветского содержания по спискам Министерства пропаганды и дирекции Народной милиции. Характерно, что если печатная продукция и кинофильмы, производства США, Великобритании, Италии и других стран Запада, подлежали строгому контролю и отбору, то таких ограничений для советской продукции не существовало. Широкий простор был открыт для изучения русского языка в гимназиях, которые с этой целью снабжались соответствующими учебными пособиями, а также для командировок в Болгарию советских кино- и театральных режиссеров, оперных постановщиков, балетмейстеров и пр.

Материал, помещенный в *седьмой* раздел тома (111 документов), отражает выполнение важнейших статей Соглашения о перемирии — о разоружении находящихся в Болгарии германских военнослужащих и их судьбе (параграф «b» статьи 1). Из опубликованных документов следует, что примерно 8350 немецких солдат и офицеров были переданы командованию советских войск и отправлены в СССР в лагеря для военнопленных. Число интернированных граждан

Германии и ее сателлитов установить не удалось, хотя известно, что этот процесс занял три года.

При постоянном контроле СКК болгарское правительство решало также задачу немедленного освобождения всех союзных военнопленных и интернированных и обеспечения их за счет болгарской стороны всем необходимым для возвращения на родину (ст. 4). Уже 9 сентября 1944 г., т.е. до подписания Соглашения о перемирии, были освобождены 129 советских военнопленных, бежавших из германского плена, а 10 сентября — находившиеся в Болгарии 319 английских и американских летчиков, которые сразу же выехали из страны. По требованию СКК в СССР из Болгарии были репатрированы советские граждане; бессарабские болгары, прибывшие перед войной в Южную Добруджу и выразившие желание выехать в Молдавию или на Украину; русские белоэмигранты; русские старообрядцы, а также армяне, пожелавшие переселиться в Армянскую ССР (4352 чел.). Документы свидетельствуют, что болгарские власти оказали полное содействие репатриации граждан Греции, Югославии, Италии и Франции и выезду болгар-евреев в Палестину.

В *восьмом* разделе тома подобраны и систематизированы 96 документов о выполнении ст. 9, 10 и 11 — возвращении собственности Греции, Югославии и другим странам и выплате репараций «за потери и ущерб, причиненные войной Объединенным Нациям [...], которые могут быть установлены в дальнейшем». Публикуются документы и о выполнении ст. 12 и 13, предписывавших передачу Союзному (Советскому) Главнокомандованию в качестве военных трофеев все находящееся на территории Болгарии военное имущество Германии и ее сателлитов.

Особый интерес для болгарского читателя представляют 59 документов *девятого* раздела «Советские воинские части в Болгарии». Они непосредственно раскрывают выполнение страной ст. 15 Соглашения о перемирии, согласно которой правительство Болгарии было обязано «регулярно выплачивать денежные суммы в болгарской валюте и предоставлять товары (горючее, продукты питания и т.п.), средства и услуги, которые могут потребоваться Союзному (Советскому) Главнокомандованию для выполнения его функций». Документы подробно раскрывают широкий спектр предоставлявшихся болгарской стороной услуг.

Тяжким бременем на экономику Болгарии ложилось обязательство по денежному содержанию и снабжению советских войск, превышавшим хозяйственные и финансовые возможности страны. Это убедительно подтверждают опубликованные документы. Уже в июне 1945 г. болгарское правительство в письменной и устной

форме ходатайствовало перед СКК о приостановке отпуска денежных средств, товаров и прочих материалов для нужд советских войск в Болгарии. Причиной этого чрезвычайного шага явилась, помимо прочего, сильная засуха 1945 г. Согласно документам, в конце июня в Москве Сталин на встрече с военным министром Д. Велчевым и начальником Генерального штаба И. Киновым принял решение о сокращении численности советских войск в стране до 70 тыс. военнослужащих. Однако, по сообщению С.С. Бирюзова, указания Сталина «остались невыполненными». Более того, численность советских частей возросла и в августе 1945 г. составила 92 тыс. чел. Признавая тяжелое экономическое положение Болгарии, А.Я. Вышинский в письме начальнику Генштаба Красной армии генералу армии А.И. Антонову указывал на необходимость учитывать и существующее недовольство населения, особенно крестьян, в связи с длительным пребыванием на территории страны советских военных: «Как бы болгары хорошо ни относились к нам, но мы для них — гости. А по нынешним временам и самые дорогие гости, если их много, и если они долго гостят, становятся в тягость». Из документов следует, что за сокращение воинского контингента однозначно высказывалась и советская часть СКК, однако в Москве было принято другое решение: 17 августа 1945 г. Антонов сообщил Вышинскому новое указание Сталина — находящиеся в Болгарии войска «оставить на месте». Но «в случае возникновения затруднений с питанием наших войск продовольствие будет подаваться в Болгарию».

Документы свидетельствуют, что советское правительство в целом оперативно отреагировало на эти вопросы, неоднократно сокращая выплаты болгарского правительства на содержание частей Красной армии, доведя их в ноябре 1946 г. до 270 млн левов, но выполнение ст. 15 (см. выше) оставалось трудной задачей, что вынудило комиссара по выполнению Соглашения о перемирии министра иностранных дел проф. П. Стайнова в начале 1946 г. поставить перед В.М. Молотовым вопрос о прекращении действия этой статьи. Однако ответа от советской стороны не последовало. Общие расходы по выполнению Соглашения о перемирии превысили 40 млрд левов.

Десятый раздел «Советское правительство, СКК и подписание мирного договора с Болгарией» включает 36 документов. Ознакомление с ними очерчивает широкий круг проблем, с которыми столкнулась страна в период подготовки важнейшего документа ее новейшей истории и дает представление о глубоких противоречиях между Великими державами относительно направлений будущего развития

Болгарии, о чинимых западными союзниками препятствиях при обсуждении и уточнении основных статей проекта мирного договора, сделавших невозможным признание Болгарии совоюющей страной и выход ее в Эгейское море. Представлен блок документов о требованиях греческой стороны произвести «стратегическое исправление» греко-болгарской границы, значительно сокращавшее территорию Болгарии, и о необоснованных репарационных претензиях Афин. Публикуются проекты британской и американской сторон и их совместный проект договора, а также представленный на Парижской сессии СМИД 24 июня 1946 г. проект советской делегации. Сильное впечатление производит речь В.М. Молотова на пленарном заседании Парижской мирной конференции 14 октября 1946 г. Проанализировав обстановку вокруг голосования по поводу определения границы Болгарии, Молотов охарактеризовал ее как «политическую игру» западных союзников и твердо заверил: «Болгары, будьте спокойны. Ваша граница останется непоколебимой».

Подробно представлена позиция болгарской делегации в Париже, отраженная в речи премьер-министра К. Георгиева и меморандуме правительства от 15 октября 1946 г. с рекомендациями, адресованными конференции, относительно условий будущего мирного договора. В опубликованном 31 января 1947 г. письме К. Георгиева министрам иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции в связи с окончательным текстом мирного договора отразилась его неоднозначная оценка болгарскими руководителями, выраженная новым главой болгарского правительства Георгием Димитровым: с одной стороны, — удовлетворение, что подписание мирного договора укрепляет международное сотрудничество, а с другой — обида, что документ закрепил ряд допущенных несправедливостей по отношению к Болгарии.

Трехлетняя деятельность СКК в Болгарии хорошо отражена в итоговом докладе руководства комиссии за период с ноября 1944 по июль 1947 г. Он завершает публикацию как самостоятельный, *одиннадцатый* раздел тома. Выводы комиссии убеждают читателя, что СКК обеспечила безусловное выполнение Соглашения о перемирии с Болгарией, подписанное 28 октября 1944 г., содействовала укреплению политических позиций СССР в стране и сыграла важную роль в подготовке Парижского мирного договора.

Составители документальной публикации «Великие державы и Болгария. 1944–1947 гг.» провели, без преувеличения, огромную научно-исследовательскую работу по выявлению, отбору, археографической обработке документов, составлению указателей. Особо следует сказать

о научных комментариях, в которые авторы дополнительно включили немало архивных документов (полностью или выдержек из них), привлекли источники личного происхождения и широкий круг исторических исследований, затрагивающих проблему подписания Соглашения о перемирии и мирного договора с Болгарией, а также некоторые стороны деятельности СКК.

Вместе с тем следует отметить, что тематическое распределение документов в двух частях второго тома несколько затрудняет их обобщение и анализ, поскольку некоторые сходные по характеру и содержанию сведения повторяются в разных разделах.

В заключение подчеркну, что фундаментальное издание документов «Великие державы

и Болгария. 1944–1947 гг.» существенно обогащает источниковую базу исследований международного положения Болгарии в конце Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Впервые введенные в научный оборот материалы Архива внешней политики Российской Федерации проясняют многие аспекты сложной международной обстановки и отношений Болгарии с великими державами-победительницами, ясно очерчивают геополитические интересы СССР, Великобритании и США на Балканах, дают всестороннее представление о роли Союзной контрольной комиссии в выполнении политических, экономических, финансовых, репарационных и военных обязательств Болгарии, проистекавших из Соглашения о перемирии.

Информация об авторе:

Огнянов Любомир

доктор исторических наук, профессор
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
г. София, Республика Болгария
ORCID: 0009-0003-9283-8352
E-mail: l.ognyanov@yahoo.com

Information about the author:

Lyubomir Ognyanov

DSc. (History), Professor
Sofia University «St. Kliment Ohridski»
Sofia, Republic of Bulgaria
ORCID: 0009-0003-9283-8352
E-mail: l.ognyanov@yahoo.com

Научная конференция «Россия – Словакия: страницы истории»

© 2024 г. М.Ю. Дронов, С.М. Слоистов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mikhaildronov@rambler.ru, centrum821@rambler.ru

Ссылка для цитирования: Дронов М.Ю., Слоистов С.М. Научная конференция «Россия – Словакия: страницы истории» // *Славяноведение*. 2024. № 4. С. 152–153. DOI: 10.31857/S0869544X24040148, EDN: WVBTNT

Scientific Conference «Russia – Slovakia: Pages of History»

© 2024. Mikhail Yu. Dronov, Sergey M. Sloistov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mikhaildronov@rambler.ru, centrum821@rambler.ru

For citation: *Mikhail Yu. Dronov, Sergey M. Sloistov. Scientific Conference «Russia – Slovakia: Pages of History» // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 4. P. 152–153. DOI: 10.31857/S0869544X24040148, EDN: WVBTNT*

23 апреля 2024 г. в Институте славяноведения РАН состоялась словакистическая конференция «Россия – Словакия: страницы истории». Ее организаторами, кроме Института славяноведения РАН, выступили российская часть Комиссии историков России и Словакии (КИРС) и Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

К сожалению, с 2022 г. КИРС не проводила традиционных двусторонних заседаний (последнее очное заседание прошло в словацком Прешове в 2018 г., последнее заседание по видеосвязи было организовано из г. Ставрополя в 2021 г.). Несмотря на это, среди российских историков и филологов, разрабатывающих словакистические и родственные сюжеты, все острее ощущалась потребность в научных мероприятиях, посвященных истории и культуре Словакии, а также русско-словацким отношениям. Поэтому активные члены российской части КИРС предложили продолжить работу по координации отечественных исследователей словакистов, сохранивших верность своим научным интересам. Эта инициатива была поддержана руководством Института славяноведения РАН. Так родилась идея проведения подчеркнуто российской, не международной, конференции «Россия – Словакия: страницы истории», в организационный комитет которой вошли: М.Ю. Дронов, О.В. Павленко, Е.П. Серапионова, С.М. Слоистов и Н.Н. Станков.

Мероприятие открыла зам. директора ИСл РАН *О.В. Хаванова*. Секретарь российской части КИРС *М.Ю. Дронов* (ИСл РАН) передал приветствие собравшимся от лица ее председателя – член-корр. РАН, Л.П. Репиной (ИВИ РАН). Затем выступил почетный гость конференции – Чрезвычайный и Полномочный Посол Словацкой Республики в Российской Федерации д-р *Любомир Регак*.

В заключение официального блока выступила первый проректор – ректор по научной работе РГГУ *О.В. Павленко*.

Все доклады конференции были разделены на четыре проблемно-хронологических блока, каждый из которых заключала дискуссия.

С первым докладом выступил *Г.П. Мельников* (Исл РАН), проанализировавший «барочный патриотизм» в словацкой исторической мысли. Выступление *М.Ю. Дронова* (Исл РАН) было посвящено протоиерею Константину Кустодиеву (дяде знаменитого русского художника) и его контактам со словаками во время служения в Австро-Венгрии (1870–1875). *О.В. Саприкина* (РГГУ; РАНХиГС) представила презентацию «Образ словацкого педагога и словацкие школы рубежа XIX – начала XX вв. по “Запискам начинающего учителя” П.П. Згута». *З.С. Ненашева* (МГУ) озглавила доклад «Концепция гостеприимства в словацкой истории: от академической науки до учебников гимназии».

В рамках второго блока прозвучали выступления трех сотрудников Исл РАН: *П.В. Мошечкова* («Участие М.Р. Штефаника в процессе создания автономной Чешско-Словацкой армии»), *Н.Н. Станкова* («Поездки советских дипломатов в Словакию в мае – августе 1928 г. (по материалам АВП РФ)») и *Е.П. Серационовой* («Дипломат Штефан Осуцкий»).

После обеденного перерыва конференция продолжила свою работу. *С.М. Слоистов* (Исл РАН) выступил с докладом «Венгерский вопрос в Словакии: взаимосвязь национальной и конфессиональной политики ЧСР (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов)». *М.В. Ковалев* (ИВИ РАН) рассказал о динамике побратимских связей городов Саратова и Братиславы. *А.С. Стыкалин* (Исл РАН, ИВИ РАН) осветил проблемы взаимоотношений между чехами и словаками, отмеченные в донесениях командированных в ЧССР советских деятелей культуры и науки в 1960-е годы. *В.В. Никитин* (Исл РАН) представил обзорный доклад «Славянский фактор во внешней политике Словакии: первые шаги и концепции (1993–1998 гг.)». В свою очередь *Э.Г. Задорожнюк* (Исл РАН) выступила с темой «Словацкие социал-демократы и Россия: четверть века установки на прагматизм (1999–2024 гг.)».

Заключительный блок конференции был посвящен вопросам, связанным с литературой и театром. *В.С. Груздинская* (ИВИ РАН), основываясь на проанализированных письмах, поведала о дружбе Ю.М. Лотмана и М. Дрозды. *И.А. Герчикова* (Исл РАН) выступила с презентацией «Романтическая эпопея “Интергельпо”: в поисках рая на земле». *Л.Ф. Широкова* (Исл РАН) представила доклад «Русские персонажи в произведениях словацких писателей – участников СНВ (1950–1960-е годы)». *А.Ю. Лескова* (Исл РАН), оперируя обширным визуальным материалом, сделала презентацию «Образы реальных исторических личностей в словацкой драматургии и театре конца XX – начала XXI вв.».

Е.П. Серационова взяла на себя труд по подведению итогов конференции. В планах оргкомитета – издание специального сборника. Хочется верить, что подобные словакистические мероприятия на базе Исл РАН вновь станут регулярными.

Информация об авторах:

Дронов Михаил Юрьевич
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3284-4924
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

Слоистов Сергей Михайлович
младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4591-4223
E-mail: centrum821@rambler.ru

Information about authors:

Mikhail Yu. Dronov
PhD (History),
Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3284-4924
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

Sergey M. Sloistov
Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4591-4223
E-mail: centrum821@rambler.ru

Славяноведение, 2024, № 4, с. 154–156

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 4, pp. 154–156

DOI: 10.31857/S0869544X24040159, EDN: WVBMKH

Оригинальная статья / Original Article

Конференция «Авторы-мигранты в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: проблемы интеграции и идентичности»

© 2024 г. А.В. Усачева

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

anastasia.usacheva@gmail.com

Ссылка для цитирования: Усачева А.В. Конференция «Авторы-мигранты в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: проблемы интеграции и идентичности» // *Славяноведение*. 2024. № 4. С. 154–156. DOI: 10.31857/S0869544X24040159, EDN: WVBMKH

Conference «Migrant Authors in Central and South-Eastern Europe: Problems of Integration and Identity»

© 2024. Anastasia V. Usacheva

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

anastasia.usacheva@gmail.com

For citation: Anastasia V. Usacheva. Conference «Migrant Authors in Central and South-Eastern Europe: Problems of Integration and Identity» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 4. P. 154–156. DOI: 10.31857/S0869544X24040159, EDN: WVBMKH

28–29 ноября 2023 г. в Отделе современных литератур ЦЮВЕ Института славяноведения РАН в смешанном формате прошла конференция «Авторы-мигранты в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: проблемы интеграции и идентичности». В 18 докладах сотрудников института и гостей был рассмотрен круг проблем, касающихся творческого опыта писателей-мигрантов региона, их места на европейском литературном поле, соотносённости с гостевым или принимающим сообществом, имплицитной или эксплицитной идентичности.

Открыл конференцию доклад *И.Е. Адельгейм* (ИСл РАН) «Детская память о взрослой Истории: “Спасение Атлантиды” Зыты Орышин», в котором рефлексировался опыт добровольной миграции в Нижнюю Силезию. В докладе было проанализировано, как детское сознание, адаптируясь к взрослой действительности, вмещает в себя оба опыта — силы и бессилия, захватчика и жертвы. Писательница стремится «накрыть словом» боль, которую причиняли ей детские воспоминания о невольном соучастии в процессе изгнания немцев с Возвращённых территорий. В следующем докладе *М.О. Жирова-Лубневская* (БФУ им. Канта) рассматривала роман О. Токарчук «Бегуны» (2007), используя номадологическую концепцию Ж. Делеза и Ф. Гваттари. О. Токарчук (р. 1962) исследует психологические и социальные аспекты номадического образа жизни своих героев через такие темы как миграция, бегство от традиций, стереотипов. *И.А. Герчикова* (ИСл РАН) выступила с темой «Павел Тигрид — легенда двух волн чешской эмиграции». Писатель был дважды эмигрантом,

символом сопротивления тоталитарному режиму, основателем и издателем легендарного журнала «Свидетельство», центрального печатного органа чешской эмиграции, где публиковались многие известные опальные авторы.

Доклад С.А. Кожинной (ИСЛ РАН) «Чешская “возвращенная” литература: феномен И. Блатный» состоял из двух частей. В первой исследовательница рассмотрела основные этапы творчества чешского поэта-эмигранта И. Блатного (1919–1990), большую часть жизни проведшего в психиатрической лечебнице в Англии. Во второй была затронута рецепция наследия Блатного в современной литературе, а именно – в романе М. Райнера «Поэт (роман о Иване Блатном)». А.В. Грасько (ИСЛ РАН) сделала сообщение «Проблема трактовки национальной идентичности Милана Кундеры во франкоязычном научном и медиа-пространстве». Проанализировав позиции различных исследователей, докладчица пришла к выводу, что во французской литературе Кундера стоит в особом ряду писателей-эмигрантов, писателей-иностранцев, присвоивших себе французский язык и сделавших его своим вторым языком, прежде всего – языком своего творчества. Продолжила эту тему Л.В. Феноменова (ВГБИЛ им. Рудомино) в докладе «Феномен Милана Кундеры: стал ли чешский писатель французским?» Исследовательница подчеркнула, что Кундера особенно внимательно изучает трансформацию идентичности тех, кто эмигрировал, касаясь также и идентичности тех, кто «остался». Большую роль в этой трансформации играет не только смена языка, но и борьба памяти с забвением.

Вторая часть заседания первого дня началась с доклада Т.И. Чепелевской (ИСЛ РАН), которая рассмотрела один из наиболее распространенных в словенских народных песнях и балладах сюжет о Прекрасной Виде, историю его проникновения в высокую литературу, а также его значимость для представителей послевоенной словенской эмиграции (Т. Дебеляк, З. Симчич). Темой доклада Н.Н. Стариковой (ИСЛ РАН) была современная литература словенского меньшинства, проживающего в Австрии, которая представляет собой гибридный феномен, сочетающий национальные и поликультурные компоненты, а также билингвизм. Ярким примером является творчество М. Хадерлап (р. 1961), пишущей стихи по-словенски, а прозу по-немецки. Центром исследования стал роман «Ангел забвения» (2011) о коллективной травме прошлого. В сообщении Е.В. Байдаловой (ИСЛ РАН) («От “реорганизации борца” до “избавления от украинских стереотипов”: украинские писатели-мигранты в XX и XXI вв.») было представлено два типа существования украинских писателей вне своей родной земли: вынужденная политическая эмиграция В. Винниченко (1880–1951) и переезд в США в связи с получением Green Card В. Махно (р. 1964). И в том, и в другом случае наблюдается одинаковая стратегия: принципиальное позиционирование себя в качестве украинских писателей.

Доклад Е.В. Сагалович (ИСЛ РАН) «“Бездомность” Данило Киша – истинная и мнимая» был посвящен истории создания сборника «Лютня и шрамы», изданного посмертно, а также рассматривалась связь биографии Д. Киша (1935–1989) с его произведениями «Семейного цикла» (романы «Сад, пепел», «Песочные часы» и цикл рассказов «Ранние горести»). Е.В. Шатько (ИСЛ РАН) в сообщении о проблеме выбора языка среди современных литераторов – выходцев из стран бывшей Югославии показала четыре варианта «жизни на другом языке»: писать на родном языке, однако публиковаться в переводе на язык страны проживания (Б. Станишич); полностью сменить родной язык на язык страны проживания (В. Чолич); сразу начинать свою литературную карьеру на неродном, приобретенном языке (А. Божичевич); писать на неродном языке и при этом не на языке страны проживания (А. Махмутович). Завершила первый день конференции П.В. Королькова (РГГУ) рассказом об эмиграции и возвращении в автобиографичном романе С. Станишича (р. 1978) «Происхождение» (2019). Писатель говорит о войне, поиске идентичности, с которым связаны темы детства и памяти, а также языка, который позволяет герою пережить травму войны и утраты родины.

Второй день конференции проходил на платформе Zoom, его открыл доклад Л.Ф. Широковой (ИСЛ РАН) «“Хэппиэнды” Ярославла Блажковой (Чехословакия–Канада–Словакия)». Ярослава Блажкова (1933–2017) принадлежала к поколению писателей-«шестидесятников», в 1968 г. она с семьей эмигрировала в Канаду, где написала автобиографические новеллы, в том числе – «Хэппиэнды» (2005), повествующие о жизни с большим угасающим мужем в канадской провинции. Ю.П. Гусев (ИСЛ РАН) в своем докладе затронул проблемы разрыва писателем-эмигрантом гражданских связей, отвержения государства, в котором писатель чувствовал себя неуютно, угнетенно, а потому не мог полностью раскрыть свой талант. На примере П. Фаркаша (р. 1955) исследователь показал невозможность «поменять» свою национальную принадлежность: писатель вынужден «капитулировать», вернуться к своему национальному ядру. А.В. Усачева (ИСЛ РАН) рассматривала тему «двудомности» румынско-французского драматурга М. Вишнека (р. 1956), его самоопределения как проводника между Балканами и Западной Европой. Писатель создает и публикует свои

произведения на обоих языках, а также постоянно затрагивает в них балканскую проблематику, стараясь донести ее до западного читателя и зрителя.

В докладе *Н.А. Луньковой* (ИСл РАН) был проанализирован творческий путь турецкого писателя А. Шерефли. На его примере докладчица доказала разрушительное воздействие политики «возродительного процесса» на жизнь турецкой интеллигенции в НРБ. Для исследования взяты некоторые стихотворения Шерефли, фрагменты его мемуаров, где основными темами стали роль турецкого языка, турецкость и ее составляющие. Затем *А.Н. Красовец* (ИСл РАН) рассказала о романе Д. Маткович (р. 1984) «Почему я не пишу» (2021), посвященном становлению Маткович как писательницы-иммигрантки во втором поколении. Произведение было рассмотрено с точки зрения транскulturности и связанной с ней концепции промежуточного «третьего пространства», формирующегося на стыке нескольких культур, где проходят процессы гибридизации и семиотического перевода. Завершающим стал доклад *П.Е. Зеновской* (Ирландия) «Человек ниоткуда» и «плавиный котел»: эволюция писательской стратегии Александра Хемона». После эмиграции в США А. Хемон (р. 1964), босниец по происхождению, сделал выбор в пользу творчества на английском языке. Чтобы выйти на широкую читательскую аудиторию, он совершил переход от типично эмигрантской проблематики произведений к изображению мультиидентичности, присущей современному человеку в целом.

Дискуссия после выступлений сконцентрировалась на обсуждении релевантности термина «двуомность» для современных писателей-мигрантов, а также на новых стратегиях исследования темы в мире, где эмиграция не подразумевает обязательного разрыва культурных и литературно-языковых связей со страной исхода.

Информация об авторе:

Усачева Анастасия Викторовна
младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской Академии наук
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0003-1980-9451
E-mail: anastasia.usacheva@gmail.com

Information about the author:

Anastasia V. Usacheva
Junior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1980-9451
E-mail: anastasia.usacheva@gmail.com